

Джеймс Гринвуд Маленький оборвыш

I Мачеха

Мне было шесть лет. Моя мать умерла; отец женился на другой.

Мачеха моя была злая, ленивая и хитрая женщина. Звали ее миссис Берк. Целый день морила она меня тяжелой работой, заставляла нянчить ребенка, носить из колодца воду, убирать комнату, бегать в лавку – и очень худо кормила меня.

Отец давал ей каждое утро деньги на хозяйство; она тратила их на водку, потому что была пьяницей и без водки не могла прожить ни одного дня. Чтобы обмануть отца, она посылала меня в лавчонку купить на грош кучу старых негодных костей и рассказывала отцу, что это остатки от наших обедов.

Отец возвращался домой только вечером; он слу жил продавцом у одного богатого зеленщика на базаре – и очень уставал за целый день. Ему всегда было приготовлено к ужину горячее блюдо, а так как я очень часто с самого утра не ел ничего, кроме корки хлеба, мне сильно хотелось получить хоть кусочек мяса. Если мачеха видела, что отец дает мне что-нибудь со своей тарелки, она сейчас же начинала лгать.

– Ах, милый Джемс, – говорила она, – пожалуйста, не кормите ребенка: он, право, обьестся и заболеет! Он ужасно жадный. Сегодня за обедом я три раза накладывала ему такие огромные порции вареной баранины, что хватило бы на двоих.

– Экий негодяй! – кричал отец. – Вертится тут да смотрит мне в рот, точно не ел целый месяц! Пошел спать, обжора, пока я не отхлестал тебя розгой!

Я ложился спать с пустым желудком, не смея произнести ни слова в свое оправдание.

Раз мачеха сыграла со мной особенно гадкую штуку. К ней пришла в гости какая-то женщина, и они вместе пропили все деньги, которые отец оставил на обед и на ужин. Когда гостя ушла, мачеха, немного протрезвившись, начала труситься: ведь отец будет очень сердиться, если узнает, что она оставила семью, без еды. Кроме того, надо было откуда-нибудь достать денег отцу на ужин. Но откуда?

Она стала плакать и причитать самым жалобным голосом.

– Бедная я, несчастная, что мне делать? – рыдала она. – Скоро придет твой папа, голубчик Джимми! Он скоро придет домой! Я не Могу приготовить ему ужин, и он до смерти изобьет меня! Несчастливая я, бедная женщина!

Ее слезы тронули меня, и сердце мое растаяло от нежного названия «голубчик». Я пошел к мачехе, старался утешить ее и спрашивал, не могу ли я чем-нибудь помочь ей.

– Это ты так только говоришь, Джимми, – сказала она, – а думаешь совсем другое. Да и правда, ты не можешь меня жалеть: я всегда дурно обращалась с тобой! Ох, уж только бы миновала эта беда, я пальцем тебя больше не трону!

Смирное раскаяние мачехи еще сильнее растрогало меня.

– Вы мне скажите только, чем вам помочь, я все сделаю, – с жаром уверял я ее.

– Помочь-то мне, конечно, можно, милый Джимми, только мне не хочется просить тебя об этом. Вот тебе, голубчик, полтора пенса, трать их, как хочешь.

Щедрость миссис Берк ошеломила меня, и я стал еще больше упрашивать ее сказать мне, как помочь ей.

– Да видишь ли, душенька, – проговорила она наконец, – ты бы мог сказать папе, что я дала тебе денег и послала тебя в аптеку купить для твоей маленькой сестренки лекарства и что ты будто бы потерял эти деньги. Ведь это не трудно, голубчик Джимми?

– А если отец поколотит меня?

– Полно, дружок! Как же это можно? Ведь я буду тут! Я скажу отцу, что на тебя налетел ротозей огромного роста, толкнул тебя, выхватил у тебя деньги и убежал, так что ты

ни в чем не виноват. Отец не станет тебя бить, будь уверен! А теперь поди погуляй, купи себе что хочешь на свои полтора пенса.

Я ушел, хотя на душе у меня было беспокойно.

Я нарочно не спешил в этот вечер возвращаться домой, чтобы мачеха успела рассказать отцу историю о потерянных деньгах.

Когда я вошел, отец стоял у дверей с ремнем в руке.

– Иди-ка сюда, негодяй! – вскричал он, хватая меня за ухо. – Куда ты девал мои деньги? Говори сейчас!

– Я потерял их, папа! – проговорил я в страхе, смотря умоляющими глазами на миссис Берк. Я ожидал, что она вступится за меня.

– Потерял? Где же это ты их потерял?

– Да я шел купить лекарство для Полли, а большой мальчик наскочил на меня и вышиб их у меня из рук.

– И ты думаешь, я поверю твоим рассказам! – вскричал отец, бледный от гнева.

Меня не особенно удивило недоверие отца, но я был просто поражен, когда мачеха вдруг проговорила:

– Да, вот он и мне сказал такую же неправду. А спросите-ка у него, Джемс, где он шатался до сих пор и отчего у него масляные пятна на переднике?

На моем переднике действительно были пятна от жирного пирожка, которым я полакомился за свои полтора пенса.

– Ах ты, дрянной воришка! – закричал отец. – Ты украл мои деньги и угощался на них!

– Да, я думаю, что это так, Джемс, – сказала подлая женщина, – и я советовала бы вам задать ему хорошую порку.

Она стояла тут, пока отец стегал меня до крови толстым кожаным ремнем. Насколько было возможно, я прокричал ему всю историю о деньгах, но он не слушал меня и бил, пока рука у него не устала. После порки меня заперли в темную комнату и оставили там до ночи. О, как возненавидел я мачеху! Я был так взбешен, что почти не чувствовал боли от кровавых рубцов.

Отец слепо верил этой лукавой обманщице и требовал, чтобы я любил ее, как родную мать. Раз вечером он пришел вместе с каким-то молодым человеком и послал меня за бутылкой рома. Когда я принес ром, гость налил стаканы и стал пить за здоровье отца и мачехи и желать им всякого счастья. Меня это нисколько не интересовало, и я уже собирался уйти вон из комнаты, когда отец остановил меня.

– Поди сюда, Джим, – сказал он. – Видишь ты, кто это сидит на стуле?

– Конечно, вижу, – отвечал я. – Это моя мачеха, миссис Берк.

– Не смей называть ее мачехой. Она тебе не мачеха! – крикнул отец.

– А кто же она?

– Она тебе мама, вот как ты должен называть ее! И ты должен любить ее, как родную мать, Поди поцелуй ее сию же минуту.

В словах отца не было ничего особенно печального, но, услышав их, я принялся горько плакать.

– Скажите, пожалуйста, чего этот негодяй хнычет? – закричал отец.

– Оставь его, друг мой, – вмешалась мачеха. – Он ужасно упрямый мальчишка... Да ведь ты и сам знаешь, какой он дрянной!

Я заплакал еще сильнее, потому что я очень любил мою покойную мать, и мне было больно называть скверную, лживую женщину матерью.

Отец рассердился и ударил кулаком по столу.

– Полно, не нападайте на мальчугана! – сказал гость. – Сколько ему лет, Джемс? – обратился он к отцу.

– Седьмой год.

– Э, так ему, пожалуй, скоро придется самому себе хлеб зарабатывать.

– Еще бы, еще бы! Давно пора! – затараторила мачеха. – Вон какой большой

мальчишка! Пора зарабатывать деньги. Довольно бездельничать.

– Да ведь он и так работает, – недовольным голосом заметил отец, – он целые дни нянчит Полли.

– Ну, уж работа! Сидит себе с милой крошкой на руках, а то бросит ее да играет с мальчишками.

– А я вам скажу, – решительным голосом произнес гость, – что нет хуже на свете работы, как нянчить ребенка! Меня самого заставляли заниматься этим милым делом, но я бросил его при первой возможности, хотя мне после этого пришлось взяться просто за лаянье.

При этих словах добрый гость сунул мне тихонько в руку пенни.

Мне ужасно хотелось скорей улизнуть, чтобы прокутить свои деньги, и я перестал обращать внимание на разговоры больших.

Однако слова молодого человека о *лаянье* крепко запали мне в душу. Я сам охотнее стал бы лаять по-собачьи, чем нянчиться с ребенком. Но кому могло понадобиться мое лаянье? Я видал иногда, как пастух гонял гурты овец, и видел, как мальчишки помогали ему загонять стада и при этом лаяли и визжали по-собачьи, но я никогда не воображал, чтобы за такое дело платили деньги. Зачем пастуху, нанимать мальчишек для лаянья? Ему дешевле стоило бы содержать настоящую собаку, – рассуждал я. Однако гость сказал, что лаять лучше, чем нянчить ребенка, а он еще не знал, как худо мне живется, как мало заботится обо мне отец, как мучит меня злая мачеха! Ему было неприятно нянчить ребенка, а для меня это настоящая пытка.

II

Новые мучения. – Бегство

Малютка Полли не давала мне покоя даже ночью.

Ее укладывали в мою постель рано вечером, и, ложась спать, я всеми силами старался не разбудить ее. Если это удавалось, я мог спать спокойно часа три-четыре.

Но во втором часу ночи девочка просыпалась и начинала кричать во все горло. Ее ничем нельзя было унять, ей непременно нужно было дать пить и есть.

Около нашей постели всегда клали кусок хлеба с маслом и ставили кувшин молока. Девочка молчала, пока ела, но по ночам аппетит у нее был очень большой, и, быстро истребив все припасы, она опять принималась кричать. Никакие ласки, никакие песни, никакое баюканье не могли успокоить ее.

– Мама! Мама! Мама! – орала она так, что было слышно на другом конце улицы.

Я напрягал все силы, чтобы успокоить ее.

– Полли, не хочешь ли погулять с Джимми? – спрашивал я ее.

Иногда, особенно в светлые, лунные ночи, она соглашалась. Мы, конечно, не могли в самом деле идти гулять, но Полли не понимала этого.

Мы с ней одевались, как будто собирались выйти на улицу. Я надевал на нее шляпку мачехи и накидывал ей на плечи свою куртку.

Мой костюм для гулянья состоял просто из старой меховой шапки отца, хранившейся под нашим тюфяком. Когда мы были одеты, я говорил голосом мачехи:

– Джимми, погуляй с Полли, покажи ей лавку с леденцами!

И отвечал уже своим голосом:

– Мы готовы, сейчас идем!

Затем мы отправлялись на прогулку, но никак не могли найти двери. В этом состояла главная штука. Нам нужно было выйти на улицу, чтобы купить леденцов, а мы не могли добраться до дверей. Большая шляпа, надетая на голову Полли, отлично помогала мне в этом случае. Часто Полли, прогуляв таким образом у меня на руках с полчаса, засыпала, и я осторожно укладывал ее в постель. Случалось, – и это было хуже всего, – что она совсем не хотела идти гулять. Напрасно обещал я ей леденцов, напрасно я лаял по-собачьи, мяукал

кошкой, изображал индюков, торосят и цыплят: она ничего не слушала, ни на что не смотрела и громким голосом требовала «леп». Словом «леп» она называла хлеб с маслом, и это слово она с криком цвотворяла в ответ на все мои увещания. За стеной раздавался стук: это мачеха колотила палкой в стену.

– Что ты там делаешь с бедной крошкой, злой мальчишка?

– Она просит «леп».

– Так что же, ты не можешь встать и подать ей, лентяй?

– Да нечего подавать, она все съела.

– Как все съела? Ах ты, лгун! Ты, верно, опять принялся за свои гадкие штуки, сам слопал всю еду бедной малютки! Сейчас же успокой ее, не выводи меня из терпения, не то тебе достанется!

Я знал, что мне в самом деле сильно достанется, и начинал со слезами упрашивать Полли, чтобы она замолчала. Но не тут-то было!

Заслышав голос мачехи, она принималась кричать пуще прежнего.

Дрожа от страха, я слышал шаги в соседней комнате, скрип дверной ручки, и вот рассерженная мачеха в одной рубашке и ночном чепце врывается в комнату. Не говоря ни слова, она бросалась на меня и начинала без милосердия бить меня по голому телу. Она прижимала мою голову к подушке – так что я не мог даже кричать.

Отец не знал, что она со мной выделяет: она все время повторяла громким голосом, что отколотит меня, если я еще раз съем то, что приготовлено для ребенка.

– Да что ты стращаешь его попусту? – кричал отец из другой комнаты. – Ты бы хорошенько задала ему, обжоре поганому, а то он в грош тебя не ставит.

– Да уж и мое терпение скоро лопнет! – говорила мачеха. – Смотри же ты, негодяй!

Затем она возвращалась в комнату и говорила отцу:

– Лучше обойтись без побоев, Джемс. Побоями мало хорошего можно сделать из ребенка.

Удивительно, что после потасовки, заданной мне, Полли обыкновенно свертывалась клубочком и засыпала, как ни в чем не бывало. Оттого отец думал, что я и в самом деле могу успокоить ее, когда захочу. Раз я не вытерпел и стал жаловаться на мачеху.

– Нисколько я тебя не жалею! – Отвечал отец. – Такого упрямого негодяя надо бы еще не так учить.

– Ну, – сказал я, – недолго ей надо мною потешаться: вырасту большой, я ей покажу.

Отец посмотрел на меня и засмеялся.

– Если бы я был большой, – продолжал я, ободренный его смехом, – я бы ей нос расшиб, я бы ей ноги перебил, я ее ненавижу!

– Полно глупости болтать, – остановил меня отец.

– Она вам все время лжет. У меня минутки нет свободной, я должен все время возиться с Полли!

– Эка важность присмотреть за ребенком! Другие мальчишки в твои годы уж умеют сами деньги зарабатывать!

– И мне бы хотелось работать, папа.

– Хотелось бы работать! Работу надо искать, она сама к людям не приходит! Вон, как я иду на рынок, часа в четыре утра, когда ты еще спишь, я встречаю мальчиков вдвое меньше тебя. Заработают себе пенни-другой, ну и поедят, а нет, так и сидят голодные.

– У меня нет ни порядочных штанов, ни чулок, ни сапог, папа. Как же я пойду искать работы?

– Ах ты дурак, дурак! Ты думаешь – для работы нужен шикарный наряд! Вон у тех мальчиков, про которых я говорю, одна рубашка на теле, а дело делают не хуже других: носят рыбу, корзины с картофелем, стерегут лодки и тележки с товаром. А тебе нужно идти на работу в белой манишке да в лайковых перчатках! Хорош гусь!

Отец с презрением отвернулся от меня и ушел, С каждым днем мачеха все больше мучила меня, Особенно плохо стало после того, как один раз отец нашел ее пьяной и побил.

Часто мне приходилось бы голодать по целым дням, если бы меня не жалела старая прачка, миссис Уинкшип. Миссис Уинкшип давно знала мою мать и всегда хвалила ее. «Она была слишком хороша для твоего отца, а он слишком хорош для этой злой, хитрой Берк», – говорила она. Я обыкновенно выкладывал миссис Уинкшип все свои огорчения.

Она зазывала меня к себе на кухню и кормила остатками своего обеда. Иногда она брала к себе Полли и нянчилась с ней, пока я играл часок-другой. Я спросил у миссис Уинкшип, что такое «ляпатель». Она объяснила мне, что так называют мальчугана, которого нанимает разносчик, чтобы везти тележку с товаром, присматривать за ней, пока хозяин закупает на рынке разные вещи, и потом помогать ему выкрикивать свой товар.

– А какой был самый маленький «ляпатель», какого вы видали? – полюбопытствовал я, – Какой? Да я видела таких, что придется тебе по плечо. Тут рост последнее дело. Главное – надобно иметь музыкальный голос.

Миссис Уинкшип долго толковала, как много значит для продавца уменье громким и приятным голосом выкрикивать свой товар. Она говорила, что каждую вещь следует выкрикивать особенным голосом.

Продавцы угля кричат так, а продавцы молока – вот этак..

После этого меня стал мучить вопрос: есть ли у меня музыкальный голос? Мачеха моя считалась хорошей певицей, я научился у нее нескольким песням и часто напевал их как будто неплохо. Но кто знает, – может быть, мой голос, хороший для песен, окажется никуда не годным для криков о рыбе или о каких-нибудь фруктах! Мне во что бы то ни стало хотелось избавиться от колотушек мачехи, и я не мог придумать для этого другого средства, как сделаться «ляпателем». Я несколько раз пытался кричать, подражая то тому, то другому разносчику, но не мог решить, хорошо я кричу или худо.

Раз, сидя на лестнице с Полли на руках, я так задумался, что малютка выпала у меня из рук и с криком покатила по ступенькам.

Миссис Берк услышала ее крик и налетела на меня с быстротой молнии. Не слушая моих объяснений, даже не подняв ребенка с полу, она схватила меня за волосы и стукнула несколько раз головой о стену. Она хотела взять меня за ухо, но я увернулся, и она до крови расцарапала мне щеку. Потом она принялась бить меня кулаками и защемила мой нос между пальцами. Боль привела меня в бешенство.

Я вырвался и укусил ее за палец.

Она вскрикнула от боли и выпустила меня. Воспользовавшись этим, я бросился от нее в сторону и пустился со всех ног бежать по нашему переулку.

III

Вечер на Смитфилдском рынке. – Мне угрожает серьезная опасность

Не знаю, преследовала ли меня миссис Берк. Я бежал по нашему переулку и даже не оглядывался. Прачка миссис Уинкшип увидела меня и, догадавшись по моему перепуганному лицу, что я бегу от большой опасности, крикнула мне:

– Беги, Джимми, беги скорей, чтобы тебя не догнали!

Из переулка я побежал по Тернмиллской улице и повернул к Смитфилдскому рынку. Я понимал, что на открытом месте миссис Берк легко может догнать меня, а в закоулках и узких проходах рыночной площади ей меня не найти.

Рыночная площадь была спокойна и пуста. Я хорошо знал эту площадь, так как часто играл на ней с товарищами. Теперь я вспомнил, что мальчишки не любили ходить в «свиной ряд», и направился именно туда. Я влез на ступеньки одной закрытой лавки и осмотрелся кругом. Миссис Берк не было видно нигде.

Я запыхался от сильного бега, я ревел от боли и злости.

Слезы мои смешивались с кровью царапин, проведенных по моему лицу ногтями миссис Берк. Волосы у меня были всклокочены, шапки не было; босые ноги были в грязи, куртка покрыта дырами и заплатами.

Вот в каком виде сидел я на ступеньках свиного ряда в теплый майский вечер.

Первые полчаса мои мысли были заняты одними страхами – я все боялся, что миссис Берк притаилась где-нибудь в углу и вдруг набросится на меня. Я беспрестанно осматривался по сторонам и пугливо прислушивался к каждому шороху. Но время шло, а моего врага нигде не было видно. Мало-помалу я успокоился и, услышав, что пробило четыре часа, начал серьезно обдумывать, что мне делать. Идти домой? Нет, невозможно! Она убьет меня. Теперь она может делать со мной все, что захочет: она покажет отцу свой укушенный палец, и он скажет, что мне достается поделом. Что я скажу в свое оправдание? Я укусил ее, это было гадко. Кроме того, я уронил ребенка. Мне велели сидеть смирно и крепко держать девочку, а я выпустил ее из рук, она ушиблась и, может быть, очень сильно. Бедная Полли! Она упала с ужасными криками: может быть, у нее переломаны теперь все кости. Может быть, оттого мачеха за мной и не погналась. Нет, нечего и думать о возвращении домой!

Но куда же мне деться? На улице стемнело. Начали зажигать фонари. Сидеть в свином ряду было очень неприятно. Я пробрался в другой ряд и там опять сел, стараясь обдумать свое положение.

Становилось темно. Мне все больше хотелось есть. Я стал думать: что со мной случится, если я вернусь домой?

Я припоминал самые сильные потасовки, которые мне когда-либо задавали, и старался представить себе, в состоянии ли я буду перенести такое наказание.

Вдруг кто-то дотронулся до моей руки, и, подняв глаза, я увидел перед собой какого-то мужчину, державшего в руке два пенса.

– Ах ты, замарашка! – сказал он сострадательным голосом. – Возьми, купи себе хлеба.

Прежде чем я успел опомниться от удивления, прохожий исчез в темноте. Я даже не поблагодарил его и не знал, радоваться ли мне полученным деньгам. Зачем он не сказал просто: «Вот тебе два пенса!» Меня многие называли замарашкой, и это не оскорбляло меня, – зачем он велел мне купить хлеба, как будто я нищий! Чтобы поддержать свое достоинство, я закричал громким, здоровым голосом в ту сторону, куда прошел сострадательный человек:

– Не стану я покупать хлеба! Куплю, чего вздумается!

И я пошел с твердым желанием сделать назло человеку, подавшему мне милостыню. Я решительно отвергивался от булочных, попадавших мне на дороге, и старался думать только о лакомствах.

Так я дошел до небольшой лавчонки, где продавалось варенье. На каждой банке была надпись с обозначением цены. Особенно соблазнительною показалась мне одна банка с вареньем из слив. На банке было написано: «18 пенсов за фунт». Я стал считать по пальцам и нашел, что 2 унции этого варенья будут стоить 2 пенса и 1 фартинг. Одного фартинга у меня, правда, не хватало, но все равно, я могу спросить себе просто на два пенса варенья. Два пенса – деньги хорошие, это не то, что какие-нибудь полпенса.

– Пожалуйста мне варенья из слив на два пенса! – повторил я самому себе и твердыми шагами пошел к дверям лавки. Но едва ступил я на порог, как получил удар по уху.

– Убирайся прочь! – крикнула старуха хозяйка. – Я уже минут десять слежу за тобой, дрянной воришка!

И с этими словами она захлопнула дверь.

Я был страшно раздосадован. Я бросился на улицу за камнем и хотел разбить окна гадкой лавчонки. Но в эту минуту меня поразил такой заманчивый запах, что гнев мой сейчас же исчез.

Запах выходил из соседней закуской. Должно быть, там только что вынули из печи гороховый пудинг и масляные лепешки. Что было бы со мной, если бы я подошел к дверям закуской, уже истратив на жалкую каплю варенья свои два пенса! Не колеблясь ни минуты, я вошел в закусочную и купил себе ужин: одну масляную лепешку, кусок горохового пудинга на полпенса и на полпенса печеного картофеля. Мне хотелось тотчас же приняться за ужин, но я слышал, что на свете есть злые люди, которые подстерегают

беззащитных детей и обирают их. Поэтому я завернул свой ужин в капустный лист, спрятал его за пазуху куртки, вернулся в свиной ряд и там с величайшим наслаждением съел все до последней крошки.

Не скажу, чтобы я был вполне сыт. Нет, я мог бы съесть втрое больше, но всетаки ужин несколько утолил мой голод. Мысли мои опять перенеслись к маленькой Полли. Каково-то ей теперь?

Она не могла разговаривать со мной, но я видел, что ей очень неприятно, когда я плачу. Когда миссис Берк колотила меня, маленькая Полли обвивала мою шею ручонками и нежно целовала меня.

Мне стало так тяжело, что я решил пойти домой или хоть побродить около нашего переулка, пока кто-нибудь из соседей не расскажет мне, что у нас делается. Было уже совсем темно, и по дороге от Смитфилдского рынка мне встретилось мало прохожих. Я шел очень осторожно, осматриваясь по сторонам, и прятался в подворотни, когда мне казалось, что навстречу идет кто-нибудь похожий на отца или на миссис Берк. Но страхи мои оказались излишними, и я безопасно прошел уже половину Тернмиллской улицы.

Вдруг, не доходя саженной двадцати до нашего переулка, я наткнулся на одного из моих приятелей, Джерри Пеп, мальчика годами тремя-четырьмя старше меня.

Впрочем, не я наткнулся на него, а он на меня. Он бежал через улицу прямо ко мне и обнял меня обеими руками, как будто необыкновенно обрадовался мне.

– Джим! Милый друг! – крикнул он. – Куда ты идешь?

– Сам не знаю, Джерри, – отвечал я. – Хотелось мне сходить домой посмотреть...

– Разве ты не был дома? Не был с самого утра, с тех пор как убежал?

– Да, я целый день пробыл на улице. Что там у нас делается, Джерри? Не видел ли ты маленькой Полли сегодня после обеда?

Пеп не отвечал на мои вопросы.

– Если ты не был дома, так иди скорее! – сказал он, схватывая меня за ворот и толкая по направлению к нашему переулку. – Пойдем, пойдем!

Поведение Джерри показалось мне подозрительным..

– Я пойду домой, когда захочу, – сказал я и сел на мостовую. – Тебе нечего толкать меня, Пеп!

– Я тебя толкаю? Вот выдумал! С какой стати мне тебя толкать! Ты же сам сказал, что идешь домой! Стоишь ты, чтобы тебе оказывали услуги!

– Какие услуги, Джерри?

– Какие? Очень просто – какие! Там в переулке все ревмяревут по тебе! И отец, и мачеха, и маленькая Полли, даже слушать жалко! Ужинать без тебя не хотят садиться, а у них к ужину приготовлен огромный мясной пудинг с картофелем! Я и думаю: они тут убиваются, ждут своего любимого Джимми, а Джимми шатается по улицам, боится вернуться домой. Пойдука скажу ему, что бояться нечего. Вот и пошел. А ты валяешься себе на мостовой да думаешь, что я вру!

Я посмотрел прямо в лицо Джерри, и при свете газового фонаря лицо его показалось мне таким честным, что я перестал сомневаться. А между тем рассказ его был почти невероятен. Все обо мне плачут? Все с любовью говорят обо мне? Мясной пудинг стынет из-за меня? Я почувствовал угрызения совести, и даже слезы выступили у меня на глазах.

– Джерри, ты это правду говоришь? – вскричал я, вскакивая на ноги. – Ты уверен, что это правда? Потому что, ведь ты знаешь, как мне плохо придется, если ты сказал неправду. Ты знаешь, как она бьет меня и таскает за волосы!

– Чего там неправду! Все воют о тебе, точно весь дом горит, а отец хуже всех! Да если ты мне не веришь, войди в переулок: его голос слышен уже возле дома Уинкшип. Он повеситься готов от горя!

– А Полли? Что она? Здорова? Не сломала ли она себе какой-нибудь кости, когда я уронил ее с лестницы, не разбила ли носа в кровь? Не вскочила ли у нее на голове шишка?

– Ах, вот ты чего боишься! – весело сказал Джерри. – Полно, она совсем здорова!

Когда ее подняли, она хохотала, как сумасшедшая. Ее схватили и понесли к доктору...

– Как! Зачем же к доктору, Джерри? Ведь, ты говоришь, она не ушиблась?

– Да разве я сказал – к доктору? – проговорил Пеп, отворачиваясь от меня в смущении.

– Сказал, сказал, Пеп! Ты сказал, что ее понесли к доктору.

– Ну, так ведь я не сказал, зачем. Я только сказал, что, когда ее подняли, она хохотала.

Ну, она так сильно хохотала, что они даже испугались, подумали, не больна ли она, и снесли ее к доктору.

Совершенно успокоенный и утешенный этим объяснением, я, радостно подсакивая, пустился к нашему переулку, Джерри шел рядом со мной, весело болтая. Мы уже были в нескольких шагах от переулка, как вдруг к нам подскочил один мальчик, с которым я тоже играл не раз, и схватил меня за руку.

– Поймали, поймали! – закричал он. – Ведь пополам, Джерри? Пополам, не правда ли?

– Ну нет! – вскричал Джерри, схватывая меня за другую руку. – Не стану я делиться с тобой! Я за ним гоняюсь с тех пор, как его отец вернулся домой! Я первый поймал его!

– А я тебе говорю: пополам! – сказал другой мальчик, крепче сжимая мне руку. – Я следил за вами с тех пор, как вы встретились. Без меня тебе не дотащить бы его до дому. Нечего болтать пустяков, ведем его!

– Ступай прочь! Джемс Бализет что сказал? Кто первый его поймает и приведет домой, тому – шиллинг. А о втором он ничего не говорил!

– Ну, ну, помалкивай! – сказал другой мальчик.

Он был сильнее Джерри.

– Иди же, иди! – эти последние слова относились ко мне. – С тобой-то я делиться не стану. Тебя отец избьет до полусмерти, как только ты попадешь к нему в руки.

Не помня себя от страха, я выскользнул из их рук и упал на мостовую, крича во все горло, что скорее умру, чем сделаю еще хоть шаг к нашему переулку, Так как я был босой, я не мог очень сильно лягаться, но все-таки довольно удачно отбивался от своих неприятелей.

Оба мальчика были в отчаянии. Низкий изменник Джерри побледнел от злости. Хотя он был известен своей трусостью, но тут на него вдруг нашел припадок храбрости. Он повернулся к своему противнику и со всего, размаха ударил его кулаком по лицу. Мальчик стоял секунду неподвижно, ошеломленный ударом, и пристально смотрел на Джерри, потирая ушибленный нос. Потом вдруг одним прыжком бросился на Джерри, повалил его на землю и принялся колотить изо всех сил.

Несчастье моего врага было так приятно мне, что я, забывая об опасности, несколько минут любовался этой сценой. Однако в голове моей мелькнула мысль: «Пока они дерутся, мне надо спастись!» Я в ту же секунду вскочил на ноги и с быстротой молнии пустился бежать, пока мои противники били друг друга, валяясь в грязи среди улицы.

IV

Я пробую «лаять». – Мои новые знакомые

Я побежал назад в ту сторону, откуда пришел, и снова очутился в Смитфилде, в той части рынка, где провел большую часть дня. Никто не гнался за мной, и на базаре было еще темнее и тише, чем полчаса назад, когда я ушел оттуда. Теперь я уже знал, что возвратиться домой – безумие. После разговоров между Джерри Пепом и его товарищем я не сомневался, что и отец и миссис Берк страшно рассержены на меня; Отду так хотелось расправиться со мной поскорее, что он даже обещал целый шиллинг тому, кто меня поймает.

Для него это были большие деньги: на шиллинг он мог купить себе три кружки пива. Но, если я не вернусь домой, что же мне делать? Где я буду спать?

До сих пор я всегда спал на кровати. Было не очень удобно, но все же это была кровать. А теперь... Неужели мне ночевать там, где я сижу? Впрочем, почему бы не так? Я хорошо поужинал, а ночь не особенно холодна. Одну ночь можно переспать. Свернусь здесь в уголке да и засну. Светает теперь рано, и тогда...

Тогда... да, что же я буду делать тогда? Прежде чем ложиться спать, соображу, за какую работу взяться, и завтра с утра поищу себе занятий. За какую же работу мне взяться? Конечно, за лаянье!

Пойду завтра на какой-нибудь рынок, высмотрю там разносчика подороже и предложу ему свои услуги. А что, если голос мой окажется недостаточно звонким? Надо попробовать!

Было еще не поздно, всего десятый час, и я удалился в самую середину свиного ряда, чтобы начать там свои упражнения.

Какие цветы и плоды я буду продавать? Из цветов верней всего, что желтофиоли, – теперь их много покупают.

– Желтофиоли! Свежие душистые желтофиоли!

Голос мой показался мне довольно громким, но все-таки выходило не так, как у настоящих разносчиков. Надобно было побольше протянуть: «о-фио-ли!» Попробуем еще раз:

– Желтоо-фиоли свежие, душистые, желто-о-фиоли!

Так было гораздо лучше. Я с четверть часа ходил взад и вперед по темному ряду и громко торговал желтофиолями. Я кричал «го! го!» воображаемому ослу, перевозившему корзины с цветами, и почтительно обращался к воображаемому хозяину за мелочью.

Выучившись вполне удовлетворительно продавать желтофиоли, я принялся за землянику. Оказалось, что выкрикивать землянику труднее.

– Земляника сладкая, земляника сочная, купите землянику! – кричал я на разные голоса и все не мог попасть в тон. Наконец, после множества повторений, я наловчился выкрикивать землянику как будто бы совсем хорошо. Тут я заметил, что за углом склада притаились два мальчика. Мне сейчас представилось, что это Джерри Пеп и его противник, что, окончив свою битву, они согласились действовать заодно против меня. В ту минуту, когда я повернулся к ним, один из них выскочил из своей засады и схватил меня за волосы.

– Земляника сладкая! Земляника сочная! – закричал он, передразнивая меня и дергая за волосы при каждом слове. – Чего ты тут кричишь? Как ты смеешь поднимать шум на базаре, когда тебе давно пора лежать у себя на кровати, а?

Он подражал голосу и жестам рассерженного полицейского. Хотя он пребольно таскал меня за волосы, но, повернувшись к нему, я почувствовал радость. Это не Джерри Пеп и не его соперник, это другие мальчишки! Значит, они не потащат меня домой!

– Слышишь, мальчик? – продолжал шутить мой «полицейский». – Иди сейчас домой, не то я сведу тебя в полицию!

– Сами вы идите домой! – отвечал я, вырываясь из его рук. – Чего вы сами не идете домой? Что вы ко мне пристали?

– Да мы и то идем домой, – отвечал другой мальчик, хохотавший над проделкою товарища. – Мы были в театре, а теперь возвращаемся домой.

Потом, обращаясь к своему спутнику, он прибавил:

– Пойдем, в самом деле, Моулди! Мы этак и к ночи не доберемся до Вестминстера.¹

Я несколько раз бывал с отцом на рынке Ковентгарден и знал, что рынок находится или в самом Вестминстере, или около него, но дороги туда я не мог найти и решил расспросить мальчишек.

– В какой части Вестминстера живете вы? – спросил я у мальчика, сказавшего последние слова.

– Конечно, в самой лучшей, – отвечал он.

– А близко от вас до Ковентгардена?

– До театра Ковентгарден? – спросил Моулди. – Помилуйте, в нашей коляске минуты две езды, и мы с Рипстоном всегда берем себе там ложу! Правда ведь, Рипстон?

– Полно тебе пустяки болтать, – остановил его Рипстон. – Мы живем, правда, близко и

---

¹ *Вестминстер* – пересыльная каторжная тюрьма в Англии.

от рынка Ковентгардена и от театра. Живем в Дельфах. А ты, мальчуган?

«Не все ли равно, где я живу? – подумал я. – В Ковентгардене я найду себе такой же удобный ночлег, как и в Смитфилде. Если я пойду туда с этими мальчишками, они покажут мне дорогу, и я буду завтра вовремя на месте».

– Пойдемте, – сказал я, – уже поздно.

– Да ты куда же идешь? – с удивлением спросил Моулди.

– Я иду с вами, – смело отвечал я.

– Да ведь мы идем в Дельфы.

– И я туда же.

– Разве ты живешь в «Арках»?

– В каких «Арках»? Вы сказали – в Дельфах?

– Ну, да, Дельфы, или Арки, – это ведь все равно.

– Ах, я не знал! Да я и не мог знать: я ведь никогда там не бывал.

– Никогда не бывал! Ты же сказал, что живешь там?

– Нет, я нигде не живу, у меня нет никакой квартиры.

– Ну, уж это пустяки! – вскричал Моулди. – У всякого человека есть квартира. Где же твое старое жилье?

– Где мое жилье?

Мне не хотелось рассказывать этим незнакомым мальчишкам про все свои дела, но они пристали ко мне с расспросами, и я не мог больше скрывать от них, что я бездомный бродяга. Впрочем, им, кажется, не опасно открыться. Они, по-видимому, живут сами по себе и, может быть, даже помогут мне пристроиться и найти работу.

– А вы обещаете, что не выдадите меня, если я вам все расскажу? – спросил я.

Они торжественно заверили меня, что не способны на такую низость.

– Ну, вот видите, я жил дома, с отцом, там я и спал до сегодняшней ночи.

– И ты убежал? И не хочешь возвращаться домой?

– Я никогда не возвращусь! Мне нельзя возвратиться! – с убеждением отвечал я.

– Понимаю! – сказал Моулди. – Ты что же там такое стибрил?

– Как стибрил?

– Ну да, стащил. Тебя поймали? Или тебе удалось благополучно улизнуть?

– Как поймали? Я ничего не украл, я просто бежал оттого, что меня там били.

Мальчишки недоверчиво переглянулись.

– И неужели ты в самом деле только оттого убежал, что тебя били? – спросил Рипстон.

– Только! Если бы вам задавали такого трезвону, вы не говорили бы «только»!

– А тебе давали там обедать и все такое?

– Давали.

– И у тебя была настоящая постель с простынями, с одеялом, с подушкой?

– Конечно.

– Каково! Он еще говорит «конечно»! – вскричал Рипстон. – И неужели ты думаешь, мы поверим, что ты бросил все, и еду, и постель, и убежал из дому только оттого, что тебя били! Ты просто лгунишка.

– Или набитый дурак! – решительно сказал Моулди.

– Не верьте мне, если не хотите, – проговорил я. – Только я сказал вам сущую правду!

– Что же, может, оно и так! – заметил Рипстон. – На свете случаются странные вещи!

Только вот я тебе что скажу, мальчик: кто бежит из хорошей квартиры да от хорошей еды только потому, что его бьют, того и стоит оставить без квартиры и без еды, пока он научится ценить их!

– Пусть бы меня бил кто-нибудь с утра до вечера, – заметил Моулди, – только бы дал мне порядочное жилье.

– Ну, ему это было бы невыгодно, Моулди, – смеясь, отвечал его товарищ. – Нет, я не верю, что этот мальчишка убежал от побоев. Он, должно быть, обокрал или поджег кого-нибудь, только не хочет признаться, – боится, что мы выдадим. Оно и понятно! Ведь он нас

не знает.

Разговаривая таким образом, мы шли вперед очень скоро.

Впрочем, нам приходилось часто останавливаться, так как у Моулди то и дело падали с ног его огромные сапоги. Мы проходили по таким темным извилистым переулкам, каких я в жизни не видывал. Даже днем путешествие по этим узким мрачным переулкам не могло быть приятно.

А теперь была ночь, темная ночь, и я чувствовал, что каждый шаг удаляет меня от дома. Моя домашняя жизнь была очень горька, но все-таки, по словам моих спутников, я был дурак, что бросил ее. Я начинал чувствовать раскаяние, и слезы выступили у меня на глазах.

Мы шли все дальше и наконец очутились в широкой, освещенной газом улице.

V Арки

Было уже поздно, около одиннадцати часов, но на улице толпилось множество народа. Нас толкали на каждом шагу, и мы с трудом пробирались вперед.

– Идем скорей! – заметил Рипстон, оборачиваясь ко мне. – Теперь нам уже недалеко.

Это замечание обрадовало меня. Когда мы вышли на широкую светлую улицу, я подумал: «В каком прекрасном месте живут мои спутники, и с каким удовольствием я сам стал бы жить здесь!» Но затем меня взяло раздумье. Они сказали, что идут домой, в свое жилище, а меда с собою не звали. Пожалуй, они войдут в тот дом, где живут, а меня оставят среди улицы.

Слова Рипстона: «Пойдем, теперь уж недалеко» – ободрили меня; я решил, что, значит, они приглашают меня к себе.

Вдруг оба мои спутника исчезли. Куда они девались? Может быть, я обогнал их, сам того не замечая?

Хотя это было неправдоподобно, но я все-таки повернул назад, громко клича их по именам. Никто не отвечал мне. Я побежал опять вперед и изо всех сил крикнул: «Рипстон!» Нет ответа.

Отчаяние опять овладело мною. Может быть, мальчики нарочно сыграли со мной эту злую шутку. Им не хотелось идти со мной, и они бросили меня среди улицы. Может быть, они завели меня совсем не туда, где находится Ковентгарден, и я от него еще дальше, чем был до встречи с ними. Все эти мысли были так печальны, что я не мог совладать со своим горем.

Я прислонился к фонарному столбу и начал громко плакать.

Вдруг я услышал знакомый голос:

– Смитфилд, где ты?

Меня не звали Смитфилдом, но так называлось то место, где меня встретили мои товарищи, и они, не зная моего настоящего имени, прозвали меня так. Голос, услышанный мною, был голос Моулди, я в этом не сомневался.

– Я здесь! – отвечал я. – А вы где?

– Мы здесь. Разве ты не видишь?

Я не видел никого. Голос выходил словно из-под земли. Рядом с теми лавками, перед которыми я теперь очутился, тянулась невысокая стена. В стене, возле самой земли, были проделаны круглые дыры, которые вели куда-то вглубь. Не оттуда ли доносился ко мне этот голос?

Вдруг кто-то схватил меня за руку..

– Это ты, Моулди? – спросил я.

– Конечно, я, – нетерпеливо отвечал он. – Иди же, если хочешь идти!

И Моулди ввел меня в одну из тех круглых пещер, которые были в стене. В лицо мне пахло сырým и холодным воздухом. Вокруг было так темно, что за два шага ничего нельзя было разглядеть.

Пройдя несколько саженей в том ужасном проходе, который, как звериная нора, шел вглубь, я почувствовал такой страх, что принужден был остановиться.

– Вы здесь живете, Моулди? – спросил я.

– Здесь внизу, – отвечал он, – надобно еще немножко спуститься. Идем, чего ты боишься?

– Да здесь так темно, Моулди.

– Ты, верно, привык спать на пуховиках, а мы не так избалованы. Идем, не то пусти мою руку, не задерживай меня!

Я изо всех сил уцепился за его руку. Я не знал, что делать. Он, должно быть, почувствовал, как дрожала моя рука.

– Полно, чего тут бояться, малютка! – сказал он почти ласково. – Пойдем скорей, там мы найдем фургон или телегу и охапку соломы – будет на чем прилечь.

Я пошел с ним дальше в темный сырой проход.

Проход этот так круто спускался вниз, и был такой скользкий, что, будь я в башмаках, я, наверное, раз десять упал бы. Я старался ободрить себя, думая о том, как недурно будет в конце этого прохода найти телегу с соломой, о которой говорил Моулди, и улечься на ней. Какой добрый мальчик Моулди, что так гостеприимно предлагает мне разделить с ним постель! Мы спускались все ниже и ниже, а ветер, дувший нам в лицо, становился все холоднее.

Наконец мы догнали Рипстона. Он заворчал на нас, что мы так замешкались, и предсказывал, что теперь не найдется ни одной пустой телеги.

– Куда мы пойдем? – спросил я несмело. – Куда ведет эта дорога?

– В реку, если идти все прямо, – смеясь отвечал Рипстон.

– Чего ты его пугаешь? – добродушно вмешался Моулди. – Да, Смитфилд, дорога ведет в реку, если идти по ней все прямо, но мы не пойдем прямо, мы свернем в сторону.

Я не помнил себя от страха и шел вперед потому, что если бы я вздумал воротиться, то не нашел бы дороги. Кругом было попрежнему темно. Моулди вел меня за руку, а Рипстон шел сзади, напевая какую-то веселую песенку. Мы свернули в сторону и спустились вниз по лестнице. Дойдя до самой нижней ступени, Моулди сказал:

– Ну, вот мы и пришли! Рип, возьми его за другую руку, а то он наткнется на что-нибудь и разобьет себе голову!

– Поднимай ноги, Смитфилд, – посоветовал мне Рипстон. – Да коли наступишь на что-нибудь теплое, мягкое, не думай, что это муфта, не трогай, не то, пожалуй, укусит!

– Кто укусит? – боязливо спросил я, раскаиваясь, что не остался ночевать в свином ряду.

– Кто? Крыса! – отвечал Рипстон, видимо, наслаждаясь моим страхом. – Тут бегают громадные крысы, с добрую кошку величиной.

– Полно болтать пустяки! Иди вперед! – остановил товарища Моулди.

Куда мы попали? Темно и страшно! От кирпичных стен валит густой пар, это видно при мерцающем свете сальных огарков, рассеянных там и сям. Один из таких огарков прилажен к стене на старом ноже со штопором, шагах в двадцати от лестницы, по которой мы спустились. Свет его падает на грязного оборванного старика, который чинит сапог. Старик сидит на крышке рыбной корзины. Рабочими инструментами ему служат старая столовая вилка и кусок бечевки. Провертев вилкой дыру в сапоге, старик заостряет губами конец бечевки и держит развалившийся сапог поближе к огарку, чтобы лучше разглядеть, куда попасть бечевкой. На носу у него очки или, лучше сказать, медная оправка с одним стеклышком.

Руки у него дрожат так, что, даже высмотрев дырку, он не сразу может попасть в нее бечевкой. Огарок, освещающий старика, бросает свет также на передок повозки, в которой сидят несколько мальчиков и кидают комки грязи в свечу старого сапожника. Комок грязи попал старику в лоб.

– Ха, ха, ха! Смотри, Смитфилд! – засмеялся Моулди. – Славная штука! Поделом

старика.

– Отчего поделом? Что он им сделал? – спросил я.

– О, он такой скупердый! – отвечал Моулди. – У него, говорят, зарыто под этими камнями много денег, много золота и драгоценных камней. Эх! Хорошо бы нам найти их!

В эту минуту метко пущенный комок грязи вышиб сапог из рук старика, только что ему удалось продеть бечевку сквозь дырочку.

Теперь он ползал на четвереньках, отыскивая на полу сапог. С повозки, в которой сидели мальчишки, раздался дружный хохот.

– Деточки! Дайте мне, пожалуйста, кончить работу! – просил старик. – Мне осталось сделать стежков шесть – семь, и я отдам вам свою свечку. Можете тогда играть в карты или во что хотите.

– А ты нам спой, дядя, песню! – раздался голос из повозки. – Тогда мы не будем тебя трогать!

Старик запел дрожащим голосом, стараясь воспользоваться перемирием, чтобы кончить работу. Когда он пропел первый куплет и дошел до припева, мальчишки хором подтянули ему. В эту самую минуту ловко пущенный комок грязи совершенно залепил одинокое стеклышко на очках старика. Другой комок погасил свечку и свалил ее на пол.

В телеге поднялся смех еще громче прежнего.

– Идем, – сказал Моулди, – нечего нам тут стоять. Наш фургон там, в заднем конце.

Крепко держась за Моулди, я последовал за своими товарищами.

Оба они, видимо, совершенно привыкли к этому месту. Они ловко пробирались вперед, между тем как я беспрестанно натыкался на оглобли повозок, которые трудно было различить в темноте. Одна только свеча бедного старика могла сколько-нибудь освещать пространство. Все остальные огарки были окружены толпами мальчишек и взрослых, которые, присев на сыром полу и на клочках соломы, играли в карты, курили трубки и ругались самыми гадкими словами.

Наконец мы остановились.

– Стой, Смитфилд, вот наш фургон! – сказал Моулди.

Я ничего не видел, но слышал, что Моулди лезет по спицам, колеса.

– Ну, что, какво там? – спросил Рипстон.

– Отлично, – отвечал Моулди с фургона.

– Ну, полезай, – сказал мне Рипстон. – Становись ногою на колесо, я тебя посажу.

Он действительно посадил меня, да так энергично, что я упал на четвереньки на дно повозки.

– Ты сказал: отлично! – проворчал Рипстон, также влезая в телегу, – а соломы тут и нет!

– Ни крошки! – подтвердил Моулди.

– Я так и знал, – продолжал ворчать Рипстон. – Я, как только ступил на колесо, так сейчас почувствовал, что в этой телеге возили сегодня уголь.

– А ты бы, – заметил Моулди, – написал перевозчику, чтобы он перестал возить уголь, занялся бы перевозкою мебели да оставлял бы всякий вечер хорошую охапку соломы, не то мы переменим квартиру.

– Это еще ничего, что соломы нет, – проговорил Рипстон. – Главное, неприятно, что проклятая угольная пыль постоянно лезет в нос и в рот.

– Ну как тебе здесь нравится, Смитфилд?

– Мы здесь ляжем спать?

– Это и есть наша квартира. Милости просим, будьте как дома! – любезно проговорил Моулди.

– А где же ваша постель? Ведь есть же у вас постель?

– Еще бы! Перина, набитая лучшим пухом, и целая куча подушек и простынь! У нас все есть, только вот беда, не знаю, куда все это девалось!

И Моулди принялся шарить по повозке, как будто отыскивая пропавшую вещь.

– Эх! – сказал он потом. – Толкуй ты нам о постелях! Вот наша постель! – И он стукнул каблуком о край повозки. – Жестка она тебе кажется, так полезай вниз, там много мягкой грязи!

– Не слушай его, Смитфилд! – заметил Рипстон. – Сегодня здесь хуже, чем всегда, потому что нет соломы. А когда есть солома, здесь очень хорошо! Придешь сюда этак в холодную ночь, думаешь: опять ты несчастный, опять будешь спать на голых досках! Вдруг смотришь, в повозке целый ворох славной сухой соломы, в которую хоть с головой зарывайся.

И при воспоминании об этой роскоши Рипстон причмокнул языком так аппетитно, точно хлебнул ложку горячего вкусного супу.

– А вам не холодно, когда вы раздеваетесь? – спросил я.

– Не знаю! – коротко ответил Рипстон. – Никогда не пробовал.

– Я раздевался в последний раз в прошлом августе, – сказал Моулди. – Однако пора спать, давай ложиться. Кто будет подушкой? Смитфилд, хочешь ты?

Я был до того несчастен, что мне казалось все равно, чем ни быть, и потому я согласился.

– Да ты, может, не хочешь? Так ты скажи, но стесняйся! – заметил Рипстон. – Ведь это как кто любит! Одному нравится, чтобы было мягко, другому – чтобы тепло. Тебе что лучше?

– Я люблю, чтобы мне было и тепло и мягко! – со слезами отвечал я.

– Ишь как! И то и другое! – усмехнулся Моулди. – Ну, слушай, хочешь быть подушкой, так полезай сюда и не хнычь! Нам плакс не нужно! Напрасно мы взяли тебя с собой!

Я поспешил уверить Моулди, что плачу потому, что не могу удержаться от слез, но что я готов быть подушкой, если он мне покажет, как это делается.

– Тут нечего показывать, – отвечал Моулди, смягчившись. – Подушка тот, кто ложится вниз, так, что другие кладут на него голову. Ему от них тепло, а им мягко; это и просто и удобно.

– Ну, прочь с дороги: я буду подушкой! – вскричал Рипстон и лег в одном конце фургона. – Ложитесь на меня!

– Ложись, как я, Смитфилд, – сказал Моулди, укладываясь спать.

Но подражать его примеру было довольно трудно: он захватил для себя все туловище Рипстона, а мне предоставил одни ноги.

Роптать было бесполезно, и я постарался устроиться кое-как.

– Ты хочешь спать, Рип? – спросил Моулди после нескольких минут молчания.

– Хочу. А ты?

– Я никогда не могу спать после таких сражений. Представь себе, что на твой корабль насакивают трое разбойников, а на тебе всего рубашка, штаны да два ножа и никакого другого оружия!

– Да, славные штуки представляют в театре! – проговорил Рипстон сонным голосом. – Спокойной ночи!

Опять наступило молчание, и опять Моулди прервал его:

– Ты спишь, Рип? Рип! Слышишь, спишь?

– Ну, уж другой раз не заманишь меня в подушки, если будешь этак болтать! – сердито отозвался Рипстон. – Чего тебе надо?

– Станный ты человек! Ты не любишь лежать и разговаривать о том, что видел!

– Из-за этаккой-то глупости ты меня разбудил?

– Я хотел только спросить у тебя: как ты думаешь, разбойники бросили в колодец настоящее тело?

– Конечно! Я видел руки сквозь дырку в мешке, – насмешливо отвечал Рипстон. – И ты думаешь, там был настоящий глубокий колодец?

– Еще бы! Конечно.

– А я не слышал, как плеснула вода, – настаивал Моулди.

– Ты плохо слушал. Колодец-то ведь глубокий, сразу не услышишь, а я услышал уже через три минуты.

Моулди замолчал, но он дышал очень тяжело. Видно, что ему хотелось поговорить. Он попробовал покликать Рипстона, но тот, вместо ответа, громко захрапел.

Он позвал меня, но мне не хотелось разговаривать, и я притворился, что сплю.

А на самом деле мне не спалось. Прижавшись мокрою от слез щекою к коленям Рипстона, я думал о своем прошлом, о бегстве из дома и о том, что ожидает меня в будущем. Лучше бы я выдержал потасовку миссис Берк! Лучше бы я вернулся домой, когда Джерри Пеп схватил меня! Отец отстегал бы меня ремнем, но теперь все было бы уже кончено, я лежал бы в теплой постели и баюкал бы маленькую Полли, Конечно, боль от побоев еще не прошла бы, но в эту минуту я готов был вынести всякое мучение, только бы меня перенесли в наш переулок, в дом № 19, и простили бы мне все мои прегрешения.

Бедная маленькая Полли! Я не мог думать о ней без слез, а между тем она не выходила у меня из головы.

Может быть, она убилась о каменные ступени лестницы и теперь лежит в комнате одна, без движения, мертвая. Эта последняя мысль была так ужасна, что остановила мои слезы. Я вспомнил свою мать, вспомнил тот вечер, когда она умерла, и тот день, когда ее похоронили.

Вдруг послышались тяжелые шаги. Подростки и мальчишки, игравшие в карты, бросались к фургонам, крича:

– Туши свечи! Идут крючки!

Я знал, что крючками называют полицейских, и мне вдруг стало страшно. Наверно, миссис Берк донесла полиции о моем побеге, и теперь меня разыскивают!

Зачем я не лег подушкой! Тогда бы меня не видно было из-под других! Шаги приближались. Трое полицейских подошли к нашему фургону, Я задрожал всем телом, и на лице у меня выступил холодный пот. Один из полицейских вскочил на колесо и осветил наш фургон ярким светом фонаря.

Но вот он соскочил вниз, и я вздохнул свободнее.

Они ушли все трое, разговаривая о своих делах, и шум их шагов слышался все слабее и слабее. Мало-помалу все звуки стихли, кроме храпения спящих и писка крыс. Я заснул.

VI

Товарищество «Рипстон, Моулди и К°»

Я спал крепким сном, когда «подушка» вывернулась из-под меня, и голова моя ударилась о дно повозки.

Я протер глаза и заметил, что Моулди уже встал. Кругом было полутемно; мне казалось, что полицейский осветил нас фонарем всего минут пять тому назад.

Я чувствовал себя усталым и измученным, как будто совсем не спал, и потому без дальних рассуждений опять свернулся в углу, подложив себе руку под голову.

– Чего же ты, Смитфилд? – вскричал Рипстон. – Поворачивайся! Разве ты намерен целый день сидеть здесь?

– Да теперь еще не день, – проворчал я. – Какой же день, когда так темно!

– Глупости ты мелешь! Вставай и смотри, как светло! Солнце уже вошло; полезай сюда, так сам увидишь!

Кругом все было темно; но там, куда указывал Рипстон, видно было что-то, с первого взгляда похожее на блестящий серебряный шар. Присмотревшись лучше, я понял, что это просто круглое отверстие, в которое врываются солнечные лучи. Через это светлое отверстие видна была вода реки, подернутая мелкою рябью и сверкавшая под лучами солнца. Виден был клочок голубого неба и нагруженная сеном барка, медленно двигавшаяся по течению.

– Пойдем, – сказал я, перекидывая ногу за стенку фуры, – пойдем туда, где светит солнце. Чего нам сидеть здесь в темноте!

– Всякий идет, куда ему дорога, – ворчливо ответил Моулди. – Иди туда, если хочется!

- А вы с Рипстоном разве не пойдете?
- Мы пойдем туда, куда всегда ходим, – в Ковентгарден. Что нам делать около реки?
- Может быть, он идет собирать кости, – заметил Рипстон.
- Хорошее дело! Получать по медному грошу за фунт, да еще когда наберешь этот фунт? А барочники приколотят. Они думают, что всякий идет на берег воровать уголь. Ты за костями, что ли, Смитфилд?
- Нет, я этого дела не знаю.
- Так что же ты думаешь делать?
- Мне все равно. Мне надо только что-нибудь заработать себе на хлеб. Я думал взяться за «лаянье». Ведь это хорошо, а?
- Оба мальчика переглянулись и засмеялись.
- С чего это ты вздумал? – спросил Моулди. – Разве ты уж у кого-нибудь лаял?
- Нет, я так только – пробовал, учился. Помните, вчера на рынке?
- В самом деле? Э, да у тебя славный голос!
- Мне было очень приятно слышать эту похвалу.
- Значит, ты думаешь, – спросил я у Моулди, – мне удастся найти себе хозяина и заработать этим хлеб?
- Хозяина ты, может быть, найдешь, – отвечал Моулди, – а уж насчет хлеба... – Он сделал выразительный жест рукою. – Мы попробовали это дело, да и многие наши знакомые мальчишки пробовали, – ничего в нем хорошего нет. Правда, Рип?
- Еще бы, – подтвердил Рипстон. – Что за жизнь? Встанешь поутру, еще совсем темно, должен везти тележку на базар, потом присматривать за тележкой, пока хозяин закупает разные разности. Если он торгует овощами, надо их мыть и раскладывать, а потом шляться целый день и кричать по улицам.
- Вечером, – подхватил Моулди, – весь товар сложат в одну корзину, и опять надо бегать с ним да орать, пока не погаснут огни во всех домах. И за все это что ты получишь? Только что покормят!
- И кормят-то не всегда, – прибавил Рипстон.
- Это было далеко не утешительно. Я надеялся сделаться «лаятелем», и эта надежда заставила меня бросить отцовский дом и потом идти за Рипстоном и Моулди к Ковентгардену. А вот теперь оказывается, что двое мальчишков уже пробовали заниматься лаянием и бросили это дело, так как оно оказалось невыгодным.
- Чем же вы добываете себе хлеб? – спросил я у своих товарищей.
- Чем добываем? Разными разностями, – отвечал Моулди.
- В это время мы все трое шли по тому узкому проходу, через который вошли вчера ночью.
- Мы глядим в оба и что попало, то и хватаем, – пояснил Рипстон.
- Значит, у вас ничего нет определенного?
- Э, нам нельзя быть разборчивыми! – сказал Моулди. – Иной раз так хорошо, что сидим себе да поедаем жареную сйинину, а другой раз куска хлеба не достанем. Все дело счастья.
- И мы никогда не знаем, когда подвернется счастье, вот хоть, например, вчера вечером. Целый день мы не добыли ничего. Не завтракали, не ужинали, – не ели ни крошки. Нашли в сорной куче несколько кочерыжек капусты, вот тебе и вся еда! Моулди уж рукою махнул. Говорит: «Пойдем под „Арки“ спать, что тут шляться!» А я говорю: «Попробуем еще немного; коли ничего не будет, пойдем». Только что я это сказал, вдруг, слышим, кто-то кричит: «Эй!» Видим, стоит какой-то джентльмен, хочет нанять карету. Моулди побежал, привел ему карету, джентльмен дал ему шесть пенсов да извозчик один пенс.
- Вот мы и разбогатели: пять пенсов проели, а за два сходили в театр. Мы часто бываем в театре. А ты когда-нибудь видел представление, Смитфилд?
- Я видел только в балагане.
- О, это совсем не то! Мы ходим в настоящий театр, где дают славные пьесы:

«Капитан-вампир», «Смерть разбойника», «Пират пустыни», «Окровавленный бандит»...

В это время мы вышли на набережную. Там было очень тихо, на часах только что пробило пять.

Моулди остановил нас.

– Слушай, – сказал он мне. – Прежде чем идти дальше, ты должен решить, пойдешь ты вниз к реке или в Ковентгарден со мной и Рипстоном?

– Да я бы лучше с вами пошел, если бы вы позволили.

– Чего тут позволять! Всякий может идти, куда хочет! Ты, главное, придумай, за какую работу ты возьмешься.

– Я не знаю никакой работы. Я совсем один, я не знаю, за что взяться, – отвечал я. – Я бы хотел идти с вами, чтобы вы меня научили!

– Да ты как хочешь? – спросил Рипстон. – Работать сам по себе или идти с нами в долю?

– Я бы лучше хотел идти к вам в долю, – с радостью ухватился я за это выгодное предложение.

– Ну, хорошо, так ты и во всем должен быть с нами в доле, – сказал Рипстон. – С нами и работать, и есть, и жить!

– Конечно.

– Значит, ты пойдешь с нами и будешь делать то же, что мы? – сказал Моулди.

– Все, что найдешь, все что получишь, все будешь отдавать нам, ничего не истратишь без нас?

– Никогда! Я знаю, что это нехорошо.

– И если тебя поймают полиция, ты не выдашь нас, чтобы самому вывернуться из беды?

– Ладно! Не выдам!

Я на все соглашался, хотя не вполне понимал, чего от меня требовали.

– Ты будешь нам верным товарищем, не струсил, не изменишь?

– Никогда!

– Ну, так по рукам! Мы товарищи. Пойдем и примемся сейчас же за работу.

Судьба моя была решена. Целый день и целую ночь меня не было дома, теперь я и думать не смел о возвращении домой. Кроме того, жизнь, которую вели мои новые товарищи, казалась мне гораздо приятнее моей домашней жизни: их никто не бил, они делали, что хотели, ели иногда свинину, которой мне никогда не давала миссис Берк, и даже ходили в театр. Эти мысли занимали меня, пока мы дошли до Ковентгардена, Мы не вошли в крытую часть базара, а стали ходить по окраинам, где нагружались тележки и тачки. Мы долго ходили таким образом, и я уже хотел спросить, когда же начнется наша работа, как вдруг Рипстон отбежал от нас и кинулся к человеку, стоявшему с поднятым пальцем подле груды салата.

– Куда он пошел? – спросил я.

– На работу, – объяснил мне Моулди. – Ты видел этого человека, что стоял с поднятым пальцем? Это значит – ему нужен был мальчик. Если бы он поднял два пальца, – значит, работа для взрослого. Рипстонова работа даст нам кофе. Если мы с тобой что-нибудь добудем, мы купим булок, а то кофе без булки – плохой завтрак. Ты смотри в оба, Смитфилд!

Я смотрел во все стороны, но никто не поднимал пальца.

Минут через двадцать мы подошли к кофейной, недалеко от базара. Туда же пришел и Рипстон. Он заработал полтора пенса, и мы решили, не ожидая, пока добудем себе на хлеб, тотчас же выпить кофе. В кофейной нам дали по чашке слабого, но очень горячего кофе. Выпив его, мы почувствовали себя гораздо бодрее и пошли опять искать работы.

Наши поиски на этот раз оказались неудачными. Мы исходили овощной рынок вдоль и поперек, мы побывали во всех закоулках фруктового базара, но работы себе не нашли никакой. Я не унывал, видя, что Рипстон и Моулди спокойно и весело прохаживаются взад и вперед, нимало не огорчаясь нашим несчастьем. Часов в десять утра мы оставили базар и

пошли глухими улицами и задворками к Дрюри-Лейну.

– Ну, что, Смитфилд? – спросил у меня Моулди. – Нравится тебе быть с нами в доле?

– Нравится, – отвечал я, – только жалко, что сегодня у нас было так мало удачи.

– Ну, не особенно мало, – заметил Рипстон. – Тебе, кажется, Смитфилд, было очень хорошо?

Я принял это за шутку и отвечал смеясь:

– Конечно, мне везде хорошо! Так же, как и вам!

Весело и беззаботно шли мы по улице до входа в какой-то грязный переулок. Здесь товарищи мои остановились.

– Ну, Смитфилд, – сказал Моулди, – выкладывай!

– Что такое выкладывать? – с удивлением спросил я.

– Э, да все, что у тебя есть! – сказал Рипстон. – Тот старик, с которым мы ведем дела, живет здесь.

Я решительно не понимал, чего хотели от меня мои товарищи.

Моулди принялся обыскивать меня и обшарил все мои карманы. Когда он убедился, что они пусты, лицо его выразило сильнейшую ярость.

– Вот так товарищ у нас! – вскричал он, обращаясь к Рипстону. – Славный товарищ, нечего сказать!

– Да в чем дело? – спросил Рипстон.

– У него нет ничего, решительно ничего. Хоть бы какая дрянная луковица!

– И это ты называешь быть нашим товарищем? – с укором спросил у меня Рипстон. – Хорош гусь, нечего сказать!

– Что же мне было делать, – оправдывался я, – если я нигде не мог найти работы? Ведь вы знали, что денег у меня нет. Да если бы и были, я скорее купил бы себе хлеба, чем луку!

Я никогда в жизни не видал лица, сердитее того, с каким обратился ко мне Моулди, выслушав мои объяснения. Гнев его был так силен, что он не мог произнести ни слова.

Рипстон засмеялся.

– Ну, не злись так, Моулди, – сказал он. – Смитфилд еще глуп. Смотри сюда, Смитфилд!

С этими словами он вынул из кармана своей куртки семь отличных яблок. Затем показал мне карманы своих штанов. Карманы были полны орехов.

– Зачем же это ты купил столько яблок и орехов? – спросил я.

– Зачем? Чтобы перепродать их. Я ведь торгую ими.

– Да когда же ты покупал? Я не видел...

– И тот торговец, у которого я покупал, тоже не видел: он в это время занимался с другими покупателями, и я не хотел отрывать его от дела. Понимаешь?

Я начинал понимать, и мне становилось страшно.

Я боялся даже высказать свои догадки, чтобы не вышло какогонибудь недоразумения.

– Э, что с ним толковать! – вскричал Моулди. – Он не понимает твоих намеков. Смотри сюда, Смитфилд! Видишь эти яблоки и орехи, которые добыл Рипстон? Ну, он стащил, украл их! Понимаешь? Теперь смотри сюда! Вот это украл я, и очень жалко, что мне не удалось стащить побольше. Теперь мы идем в этот переулок продавать украденное нами. Получим деньги и купим себе съестного.

Грубое признание Моулди поразило меня.

– Ну, чего же хныкать? – насмешливо вскричал он. – Неужели ты воображал, что мы благородные, благонравные, благочестивые мальчишки?

– У тебя есть семья, – сказал Рипстон, – ты можешь вернуться домой, когда хочешь. Ты ведь не обязан есть тот пудинг, который мы купим себе, потому что этот пудинг достался нам нечестным путем. Иди добывай себе хлеб, как знаешь!

С этими словами они отвернулись от меня и вошли в переулок, оставив меня одного.

VII

Я начинаю работать

Я стоял на улице и должен был, как сказал Рипстон, добывать себе хлеб. Я мог убежать домой. Правда, я не знал туда дороги, но я мог расспросить у прохожих. Вполне честный мальчик не остановился бы ни перед какими трудностями. А разве я не был честен?

Я ночевал, я провел все утро, я завтракал вместе с ворами, но это мучило меня, краска бросалась мне в лицо при одной мысли об этом. Отчего же я не шел домой?

Чего я ждал? Это может спросить только тот, кто не испытал, что такое голод, страшный голод, который мучает мальчика, мало евшего накануне и с утра проглотившего всего одну чашку жидкого кофе без булки, – страшный голод, от которого по всему телу распространяется дрожь, цепенеют руки и ноги. Мысль, что Моулди и Рипстон воры, была ужасна, но мой голод был не менее ужасен.

Рипстон сказал, что я могу не есть их пудинга, если не захочу; значит, если захочу, они дадут мне поесть. И какой это, должно быть, чудный пудинг! Я его знаю, он продается во всех съестных лавках. Его делают из муки, из почечного сала и из чего-то еще необыкновенно сытного. Он такой горячий, что греет руки, пока не положишь в рот последнего куска. Его обыкновенно режут большими-большими кусками, и каждый кусок величиною с кирпич.

Картина такого огромного горячего, вкусного куска пудинга носилась у меня перед глазами, когда я увидел, что Рипстон и Моулди возвращаются из переулка.

Я спрятался за фуру с мешками муки и следил за ними.

– Ну, вот, – весело говорил Рипстон, – наконец-то мы можем позавтракать!

– Да, славные денежки дал нам старик за яблоки и орехи! – ответил Моулди, весело подбрасывая и ловя на лету пять или шесть пенсовых монет.

– Но куда же запропастился Смит? Надо позвать его!

И Рипстон свистнул. Но я прижался плотно к колесу, и они прошли мимо, не заметив меня. Я перешел дорогу и стал следить за ними.

– Вот и лавка Блинкинса, зайдем и купим себе две порции пудинга, Рип. Пускай этот дурачина Смит голодает, если ему нравится.

Моулди вошел в лавку и через несколько секунд вышел оттуда, неся на листе целую грудку того самого пудинга, о котором я мечтал.

– Славно пахнет, – сказал Рипстон, вдыхая душистый пар, распространявшийся вокруг.

Я перешел на ту сторону улицы и пошел за ними; я был довольно далеко, однако мог ясно видеть, как Рипстон взял один из больших ломтей, поднес его ко рту и откусил от него кусок, ах, какой большой кусок!

Я подходил к ним все ближе и ближе, наконец так близко, что мог слышать, как они едят. Я слышал, как Рипстон втягивал и выпускал дыханье, чтобы остудить забранный в рот слишком горячий кусок. Когда он поворачивал голову, я даже видел удовольствие, блиставшее в его глазах.

Когда они начали есть, на капустном листе было всего пять ломтей; теперь каждый из них уже доедал по второму.

– Люблю я пудинги Блинкинса, – сказал Рипстон, – в них так много сала!

– Это правда, – отвечал, облизываясь, Моулди. – Они все равно что с мясом.

– Мне уж, пожалуй, и довольно! – заметил Рипстон. – Пудинг такой сытный!

– Конечно, не ешь насильно, – засмеялся Моулди, – я и один справлюсь с последним куском.

Я не мог выдержать.

– Моулди! – воскликнул я, положив руку на его плечо. – Дайте мне кусочек!

– А, это ты? – вскричал Моулди, увидев меня. – Что, верно, бегал домой посмотреть, не примут ли назад, да тебя выгнали?

– Или ты, может быть, ходил на базар и выдал нас? – спросил Рипстон.

– Никуда я не ходил, я все шел следом за вами. Дайте мне кусочек, будьте так добры!

Если бы вы знали, как я голоден!

– А разве ты не знаешь, что красть нехорошо? – подсмеивался безжалостный Моулди, засовывая в рот последний кусок своего второго ломтя. – Как же ты хочешь, чтобы я кормил тебя ворованной едой? Ты еще, пожалуй, подавишься.

– Мы же решили, что всем будем делиться, – сказал я, видя, что мне не разжалобить Моулди.

– Да, конечно, я и теперь не прочь от этого, – возразил он. – Но ты хочешь есть с нами пудинг, а не хочешь с нами воровать. Так нельзя. Не правда ли, Рип?

– Да он просто, может быть, не понял, в чем дело, – заметил Рипстон, который был гораздо добрее своего товарища. – Если бы ему хорошенько все объяснить, он, может быть, и не сплосал бы. Правда, Смитфилд?

И Рипстон дал мне последний оставшийся у него кусочек пудинга. Что это был за кусочек! Никогда в жизни не едал я ничего подобного! Такой теплый, вкусный! А на ладони Моулди лежал на капустном листе дымящийся ломоть, из которого могло выйти по крайней мере десять таких кусочков.

– Так как же, Смитфилд?

Моулди уже подносил ко рту последний кусок. Рипстон знаком остановил его. Кто съест этот кусок? Все зависело от моего ответа.

А я со вчерашнего завтрака ничего не ел, кроме скудного ужина.

– Конечно, – смело отвечал я, – я бы не сплосал.

– Значит, теперь, когда ты знаешь, в чем дело, ты не станешь плошать?

– Не стану.

– Ну, и отлично. Дай ему этот кусок пудинга, Моулди. Он, кажется, ужасно голоден.

– Нет, постой, – возразил Моулди. – Я не буду есть этот кусок, – он спрятал его в карман куртки, – но пусть Смитфилд прежде заработает его и докажет, что говорит правду. Пойдем.

Мы пошли назад в Ковентгарден. Я держался поближе к тому карману Моулди, где лежал пудинг, и не отставал от товарищей.

Когда мы подошли к рынку, Моулди огляделся кругом.

– Видишь там ларек... между столбами, где стоит человек в синем переднике? – спросил он меня. – Там расставлены корзины с орехами.

– Вижу.

– В первой корзине миндальные орехи. Иди туда, мы подождем тебя здесь.

Я понял, чего требовал от меня Моулди. Он хотел, чтобы я пошел и наворовал из корзины орехов. Я уже решил, что приобрету себе порцию пудинга во что бы то ни стало, и не колебался, хотя сердце мое сильно билось, пока я подходил к ларьку. С этой стороны ларек был завален грудями цветной капусты и зелени.

Подойдя поближе, я понял, что мне нужно обойти его кругом и приблизиться к орехам. Я притаился за грудой капусты; продавец орехов разговаривал с покупателем, повернувшись ко мне спиной.

Женщина, торговавшая капустой, тоже сидела спиной ко мне. Она обедала, держа свою тарелку на коленях. Корзина была доверху наполнена орехами.

Я запустил руку раз, другой, третий, насыпал себе полный карман и затем, выскочив из узкого прохода, в котором стоял, пошел к Моулди и Рипстону, выглядывавшим из-за столба.

– Славно, Смитфилд! – воскликнул Моулди. – Я все видел. Ты напрасно уверяешь, что не знаешь дела! Молодец! Вот тебе твой пудинг!

– Мне бы так чисто никогда не сработать! – заметил Рипстон.

– Тебе? – с презрением вскричал Моулди. – Да если ты воображаешь, что ты можешь своровать хоть в четверть так хорошо, как Смитфилд, так ты ужасный хвостун. Я бы сам не сумел стащить орехи так ловко, как он. Но, конечно, в других вещах ему со мной не сравняться, – прибавил он, вероятно, боясь, чтобы я не слишком возгордился.

Все шло хорошо, пока было светло, но когда наступила ночь и я снова очутился в

темном фургоне, я начал чувствовать сильнейшие угрызания совести. На этот раз Моулди был подушкой, и мне предоставили лучшее место. Я лежал головой у него на груди, и все же не мог заснуть. Я сделался вором! Я украл миндальные орехи, я убежал с ними, продал их и истратил вырученные деньги! Все мои жилы напряглись и бились, беспрестанно повторяя мне ужасное слово «вор».

«Вор, вор, вор!» – твердило мне сердце, и я ни на минуту не находил себе покоя.

– Вор! – прошептал я.

Моулди еще не спал.

– Кто вор? – спросил он.

– Я вор, Моулди, – отвечал я.

– Ну, а кто же тебе говорит, что ты не вор? – насмешливо спросил Моулди.

– Но ведь я никогда прежде не был вором, – серьезно сказал я. – Уверю вас, никогда.

Оттого-то мне так и грустно теперь.

– Ты врешь, – произнес Рипстон, также еще не спавший.

– Нет, право, – уверял я. – Умри я на этом месте, если неправда.

– Ну что же, – заметил Моулди, – ты точно так же и теперь можешь сказать: «Умри я на этом месте, если я вор».

– Нет, этого я не скажу, а то, пожалуй, и в самом деле умру. Ведь я теперь вор.

– Пустяки! Какой ты вор! – вскричал Моулди. – Разве то, что ты сегодня сделал, можно назвать воровством? Это совсем не воровство.

– А что же это такое? Мне всегда говорили, что брать чужое – значит воровать.

– Это говорят люди, которые сами не пробовали и потому не понимают, – сказал Моулди, приподнимаясь на локте, чтобы удобнее обсудить интересный вопрос. – Вот видишь, если какой-нибудь мальчишка войдет в лавку да запустит руку в ящик с деньгами и его поймут, – это будет воровство. Если он полезет в карман к покупателям, – это также воровство. За это отдадут под суд, и судья также скажет, что это воровство. Ну, а если какой-нибудь маленький мальчишка старается заработать себе полпенни, да его поймут с чужими орехами или с чужими яблоками, разве, ты думаешь, его будут судить? Никогда! Просто купец даст ему подзатыльника, и самое большее, если позовет сторожа. Тот поколотит его палкой да и отпустит; а разве сторожу позволили бы самому расправляться с настоящими ворами? Ни за что!

– Если брать орехи и другие вещи не называется воровать, так как же это называется? – спросил я у Моулди.

– Мало ли как? Это называется свистнуть, смазурить, слямзить, стянуть, стибрить. Да не все ли равно, как назвать!

– Ну, а если бы я спросил у полицейского, как бы он это назвал?

– Вот выдумал! Кто же станет спрашивать у полицейских? Известно, какие они лгуны! – возразил Рипстон.

– Признайся, Смитфилд, что ты просто трусишь? – сказал Моулди.

– Нет. Но мне думалось, что это – воровство, а если не воровство, так и прекрасно.

– То-то же! – сказал Моулди. – Когда я был маленький и жил дома, я нередко слышал, как отец читает матери газеты. Вот и в газетах часто говорится, что даже судейские, на что хитрые люди, а и те должны быть осторожны, должны называть все как следует! Если кто не пойман на настоящем воровстве, они не смеют назвать его вором. Они говорят, что он «присвоил», совершил «похищение» или «сплутовал». А похищение не беда. Вон Рипстон стащил раз чайные ложки, так его засадили в тюрьму на две недели. Правда, Рипстон?

– Нечего тыкать мне этими ложками в глаза, – сердито отвечал Рипстон. – Я знаю ребят, которым доставалось побольше двух недель, да еще и розги в придачу, я только не болтаю всего.

Намек этот, видимо, относился к Моулди, который обиделся и назвал Рипстона бродягой. Впрочем, они скоро помирились, поболтали еще несколько времени о том, о сем, и оба спокойно заснули.

Но я опять, как и в прошлую ночь, долго не мог заснуть.

Рассуждения моих товарищей не убедили меня. Может быть, похищение орехов не называется воровством, но во всяком случае я не хотел заниматься ничем подобным. Я собирался завтра же утром объявить Моулди и Рипстону, что буду честным мальчиком и стану просто работать на рынке. Если они не хотят оставаться моими товарищами, я уйду от них. Приняв это решение, я заснул.

Проснувшись на следующее утро, я почувствовал себя ужасно несчастным. Мне было холодно, зубы у меня стучали, я готов был отдать всю одежду за глоток горячего кофе.

У Моулди были деньги на кофе. Вчера вечером он подержал лошадь одному господину, зашедшему в ресторан поесть устриц, и получил шесть пенсов. Четыре пенса мы истратили на ужин, а два оставили себе на завтрак.

Мы вышли на улицу, дрожа от холода. Моросил дождь. На мостовой было мокро и грязно. Мы не успели еще дойти до кофейной, как я почувствовал, что моя рубашка и штаны промокли насквозь и прилипли к телу. Я не забыл своего вчерашнего решения уйти от этих ребят и все собирался с духом, чтобы сказать им об этом. Но как я мог собраться с духом? Я был голоден, я промок до костей, я чувствовал, что буду совсем одинок и беспомощен, если поссорюсь с моими товарищами.

– Три чашки кофе на два пенса! – потребовал Моулди у буфетчика.

Все было кончено. Если бы этот кофе принадлежал кому-нибудь другому, я, пожалуй, сказал бы, что хочу уйти, но я не мог, принимая угощение Моулди, попрекать его темным промыслом.

Прежде чем мы допили кофе, Моулди сказал:

– Ну, нечего прохлаждаться! Сегодня нам будет много дела. Знаешь, Смитфилд, в хорошую погоду всякий сам бегаёт по своим делам, а в дурную все норвят как бы кого-нибудь нанять для беготни.

Это оказалось верным. Дождь лил все утро, и работы у нас было вдоволь. Я зарабоал одиннадцать пенсов, Рипстон – шиллинг и полтора пенса, а Моулди – девять с половиной пенсов. Меня очень радовало, что я добыл больше Моулди. Хотя я промок до костей и больно порезал себе палец на ноге, наступив на разбитую бутылку, но я чувствовал себя необыкновенно счастливым, посматривая на свои деньги, добытые честным трудом. Рипстон и Моулди, заработав себе достаточно на пропитание, также не стащили ни одного яблока на базаре.

– Вот, можно сказать, честно поработали утро, – сказал, принимая от нас деньги, Моулди, который всегда был нашим казначеем.

– Это лучше, чем добывать разные вещи дурным манером да продавать их, – осмелился заметить я.

– Еще бы, конечно, так больше добудешь!

– Мне бы хотелось, чтобы меня заставляли работать, а не... делать другое, – сказал я.

– Кто же тебя заставляет? Беда в том, что нельзя всегда одним заниматься. Порою так плохо придется, что недолго и с голоду помереть. По-моему, надо браться за все, что попадет под руку.

Рипстон был совершенно согласен с мнением своего товарища.

Мы пошли в харчевню, очень весело пообедали, отложили себе денег на ужин, и у нас еще осталось шесть пенсов. На эти шесть пенсов товарищи решили купить мне сапоги. Мы пошли в лоскутный ряд и купили несколько широкую, но очень удобную обувь.

VIII

Собачонка. – За мною следят. – Неприятная ночь

Жизнь наша была, в сущности, довольно однообразна. Каждый день мы вставали с рассветом, ходили по одним и тем же улицам и переулкам и исполняли одну и ту же работу. Когда работы не хватало для нашего пропитания, мы воровали разную мелочь из одних и тех

же корзины и продавали ее одному и тому же старику, а затем обедали.

Иногда мы угощались свининой, а иногда целый день должны были питаться куском черного хлеба. Иногда находили в своем фургоне солому, иногда должны были спать на голых досках.

Когда я убежал из дому, у меня было мало одежды: всего пара штанов, одна рубашка и рваная старая куртка. Теперь рубашка и штаны у меня были новые, а куртку заменило нечто вроде сюртука.

Шестипенсовые сапоги мои очень скоро развалились, и я по-прежнему ходил босиком, так как у нас не хватало денег для покупки новой пары обуви.

Я познакомился с Рипстоном и Моулди в половине мая, а теперь была уже половина октября.

В течение осени я раз семь или восемь побывал в театре, и это доставило мне величайшее удовольствие.

Раз мне пришлось провести ночь в полицейском участке.

Вот как это случилось. Возвращаясь домой под Арки, мы заметили маленькую собачку, бежавшую за нами следом.

– Пошла прочь! – ворчал Моулди. – Некогда нам возиться с тобой!

Он поднял камень и бросил в собаку.

– Как тебе не стыдно, Моулди! – добродушно заметил Рипстон. – Пускай себе бежит.

– Рип, возьмем ее с собой, – сказал я. – Мы можем приютить ее в нашем фургоне и даже покормить; она, верно, бездомная.

Ночью я проснулся от резкого света фонаря, направленного мне в лицо.

Около нашего фургона стоял полицейский, держа в руках приведенную собачку.

– Это ты украл собачонку, мошенник?! – закричал полицейский, грубо хватая меня за руку.

– Она сама пристала ко мне, сэр, – ответил я, дрожа от страха.

– Знаем мы это «сама пристала», – передразнил меня полицейский и вытащил за шиворот из фургона.

Я горько плакал.

– Ничего, не беспокойся, Смиф, – утешал меня Рипстон. – Я выручу тебя.

И он действительно спас меня от грозившей мне тюрьмы. Он расспросил, чья это собачка, прямо отправился в дом к ее хозяевам и рассказал им все дело. Собачка принадлежала больной дочери городского доктора.

В середине следующего дня меня вызвали в приемную комнату участка. Грустная молодая женщина, сидевшая там, подозвала меня к себе и спросила:

– Это ты тот мальчик, который приютил вчера маленькую собачку?

– Я, миледи, – ответил я, не зная, пугаться мне или радоваться.

– Тебя сейчас выпустят отсюда. Я пришла похлопотать за тебя и поблагодарить за свою маленькую дочку. Она больна и не могла заснуть: все плакала о своей собачке. Теперь ей стало немного лучше. Спасибо тебе. Не сердись, что из-за нас ты провел ночь в участке.

И она ласково погладила меня по голове.

Выходя из участка, я прыгал от радости, ощупывая в кармане монету в пять шиллингов, которую она мне дала.

Пять шиллингов! Это было такое богатство, какого наша маленькая компания никогда еще не получала сразу. Решено было вдоволь насладиться им. Мы пообедали в хорошей столовке, выпили по кружке пива и развеселились так, что решили ехать в театр в omnibusе, платя по два пенса за место. От выпитого пива Рипстону и Моулди сделалось дурно; нас вывели из театра в половине пьесы, и мы должны были вернуться домой пешком по дождю, не имея ни пенса в кармане.

Раз утром, недель через пять после моего побега из дому, я встретил на базаре одного нашего соседа.

– А! – закричал он. – Вот ты и попался, негодяй! Сейчас я отведу тебя к отцу.

И он хотел схватить меня, но мне удалось увернуться. После этого я стал внимательнее прежнего посматривать по сторонам, боясь встретить отца. Товарищи, которым я подробно описал его наружность, усердно помогали мне.

На следующее утро, часов в семь, Моулди указал мне на двух мужчин, шедших от фруктового ряда.

Я тотчас узнал того человека, который чуть не поймал меня вчера, и отца. Отец был очень бледен, видимо, сильно взволнован, а в руках держал большой кнут, который, вероятно, достал у кого-нибудь для этого случая. При одном взгляде на него колени мои затряслись и губы задрожали.

– Рип, голубчик, спаси меня, – проговорил я, прячась за спину товарища. – Видишь, какой он сердитый и какой у него кнут.

Рипстон попятился, подвел меня таким образом к груде пустых корзин и прикрыл меня ими, а сам сел на опрокинутое лукошко и принялся, как ни в чем не бывало, чистить и есть морковку. Через несколько секунд подошел отец.

– Слушай-ка ты, малый, – обратился он к Рипстону, – не видал ли ты тут на базаре мальчика в старой курточке? Росту он будет вот этакого.

Я видел сквозь щели корзины, как отец указал мой рост.

– А как его зовут? – спросил Рипстон, продолжая жевать морковь.

– Джим.

– Джима я знаю. Он такой толстый, сильный, славно дерется на кулачках, любого мужчину свалит.

– Эх ты! – нетерпеливо отозвался отец. – Я спрашиваю тебя о маленьком мальчике, лет этак восьми.

– Восьми... – медленно повторил Рипстон. – А его точно Джим зовут?

– Да, конечно! Его зовут Джим Бализет.

– Джим Бализет! – вскричал Рипстон, точно вдруг вспомнил. – Знаю, знаю, мы его прозвали Раузер, оттого я и не мог вдруг вспомнить. Он жил где-то около Кау-Кроса, и отец у него, кажется, разносчик?

– Ну, он и есть! Где же он?

– Отец еще злой такой? Часто стегал Джима кожаным ремнем?

– Он это рассказывал? Экий неблагодарный мальчишка!

– И у него есть еще мачеха, этакая гадина, ябедничает на него, пьет водку как воду...

– Где он? – заревел отец. Он бросился на Рипстона и тряхнул его за шиворот так сильно, что корзины чуть не разлетелись в разные стороны.

– Пустите, так скажу, а то не скажу! – крикнул Рипстон, и по тону его голоса мне показалось, что он в самом деле хочет выдать меня.

– Ну, говори! – сказал отец.

– Сказать вам правду, он пошел в грузчики.

– Когда, куда?

– Это я не знаю, – угрюмо отвечал Рипстон. – А только вчера вечером один мой знакомый встретил его на Вестминстерском мосту, да и спрашивает: «Ты что здесь делаешь, Раузер, разве на базаре нет работы?» А Раузер и говорит: «Нет уж, говорит, я на базары больше не стану ходить, там меня выследит отец, а я пойду к одному своему знакомому барочнику, который живет на Уенсвортской дороге, да и поступлю к нему в грузчики». Вот, больше я ничего не знаю.

– Проклятый мальчишка! – вскричал отец. – А не говорил он, когда он думает воротиться?

– Не знаю, да вряд ли он вернется! Он все говорит, что хочет в море уплыть, – отвечал Рипстон. – Попадет теперь на реку, увидит там корабли и все такое, и поминай его, как звали!

– Это верно, – сердито сказал отец. – Пойдем, Джек, – обратился он к своему знакомому. – Чего нам гоняться за этим негодяем? Пусть он потонет в море, бродяга!

И, сунув кнут под мышку, отец ушел вместе с приятелем, а Рипстон помог мне выбраться из моего убежища.

После этого мне ни разу не случалось встречать ни отца, ни кого-нибудь из своих прежних знакомых.

Вскоре я захворал.

Хотя я держался на ногах и не жаловался, но я уже давно чувствовал себя не совсем здоровым, И это не удивительно.

Осень стояла очень дождливая, платье не высыхало на мне по нескольку дней кряду. Я не мог не только просушить его, но даже снять на ночь. Несколько раз я чувствовал сильную боль в горле и в спине между лопатками. Целых две недели меня мучила зубная боль.

Это было ужасно. Я не мог съесть куска хлеба, не размочив его сперва в воде, я не мог разжевать ни репы, ни кочерыжек, часто составлявших нашу единственную пищу, и принужден был голодать, пока какой-нибудь счастливый случай не давал мне возможности купить себе мягкой пищи в булочной или в съестной. Я целые ночи просиживал без сна в уголку фургона, покачиваясь из стороны в сторону и не смыкая глаз от боли, к досаде моих товарищей.

– Чего ты хнычешь, Смиф! Не мешай нам спать, – ворчал Рипстон.

– В самом деле, Смиф, какой ты несносный! – прибавлял Моулди. – Не только не помогаешь раздобывать пропитание днем, но еще надоедаешь по ночам.

– Но что же мне делать, Рип? – плакал я. – Вы оба стали бы добрее ко мне, если бы сами промучились столько времени, как я.

– Надо ему как-нибудь помочь, Моулди, – сказал Рипстон, разжалобленный моими слезами. – Позовем старого скрипача, который ночует в соседнем фургоне. Мне говорили, что он умеет рвать зубы. По-моему, лучше сразу вынести сильную боль, чем возиться с каким-то несчастным зубом целые недели.

– Вот это дело, – сказал Моулди и отправился за скрипачом.

Через несколько минут они вернулись оба, В руке у скрипача была длинная ржавая струна.

– Ну, бедный малый, – сказал скрипач, – садись и разевай рот пошире, а вы, ребята, держите его за руки, чтобы он не мешал мне работать.

Я повиновался, хотя сердце мое сильно стучало от страха.

Старик обмотал струной мой больной зуб и... дернул ее изо всей силы.

– А-а-а! – закричал я, повалившись на спину.

Изо рта у меня текла кровь, но с зубной болью было покончено...

Наши дела в Ковентгардене в последнее время шли все хуже и хуже. Нас там заприметили, и это было очень невыгодно. Все знали, что мы воришки, и зорко следили за нами. Чуть не каждый день нас колотил то какой-нибудь торговец, то базарный сторож.

Рипстону удалось открыть погреб, где хранилась на зиму морковь. Мы забрались туда и целую неделю питались одною морковью.

Сначала мы сочли это за большое счастье для себя, но скоро увидели, что питаться одной морковью очень вредно.

Вероятно, она и была отчасти причиной моей болезни.

Обыкновенно в воскресные дни, если погода была не плохая, мы долго гуляли по берегу реки, а потом ложились в свой фургон и рассказывали друг другу разные истории. В тот день, когда я заболел, Рипстон и Моулди пошли гулять, а я остался в фургоне. У них от вчерашнего дня сохранилось несколько пенсов, и они пообедали хлебом с патокой, я же ничего не ел со вчерашнего обеда.

Я весь горел и дрожал, язык у меня пересох, глаза болели, голову ломило, точно кто-нибудь бил ее колотушками. На мое счастье, в фургоне было немного соломы, и товарищи предоставили ее всю в мое распоряжение. Но я никак не мог улечься как следует: сколько я ни встряхивал свою соломенную подушку, она все казалась слишком низкой для моей отяжелевшей головы.

К ночи мне сделалось еще хуже. Я должен был на этот раз служить подушкой, но Рипстон великодушно занял мое место, а Моулди позволил мне положить голову к нему на колени, хотя право выбирать место принадлежало ему, так как он был подушкой накануне.

Они даже легли спать раньше обыкновенного, чтобы я мог скорее улечься как следует. Но все заботы их были напрасны. Скоро Рипстон заметил, что голова моя жжет его через куртку. Моулди, вообще мальчик кроткий, был ужасно зол спросонья. Он вдруг, ничего не говоря, ударил Рипстона по ноге.

– Ты чего это? – с досадой спросил Рипстон.

– А ты что не лежишь смирно? Дрыгает ногами, точно танец отплясывает!

– Да разве это я! – воскричал Рипстон, – Это Смитфилд.

– Ты чего трясешься, Смиф?

– Мне ужасно холодно, Моулди. Я просто как лед холодный.

– Хорош лед! От него пышет, как от печки. Пощупай-ка, Моулди, – сказал Рипстон.

Моулди приложил руку к моей щеке.

– Вот тебе! Не смей лгать! – вскочил он и дал мне сильную пощечину. – А расплачешься, так я и другую влеплю!

Я старался превозмочь себя и не плакать, но это было выше моих сил. Целый вечер удерживался я от слез, но выходка Моулди прорвала плотину. Рыдания душили меня, и слезы полились из моих глаз так быстро, что я не успевал вытирать их. Я как будто переполнился горем, которому непременно надо было излиться. Я плакал тихо, припав ко дну фургона, и товарищи могли заметить мои слезы только по судорожным всхлипываниям, вырывавшимся у меня иногда.

Когда я увидел отца с кнутом на Ковентгарденском рынке, я решил никогда не возвращаться домой. С того дня я даже не вспоминал ни о маленькой Полли, ни о домашней жизни, сердце мое замерло и очерствело.

Теперь я почувствовал, что оно как будто оттаивает, становится мягче, и в то же время на него ложится тяжесть, которую я не в силах выносить.

У Моулди, должно быть, тоже не хватало сил выносить мой плач. Исполняя свое обещание, он размахнулся еще раз и дал мне пощечину сильнее прежней.

– Экий ты разбойник! – набросился на него Рипстон. – Бьет бедного мальчика, который меньше его, да к тому же болен! Встань-ка, голубчик Смитфилд, помоги мне, мы ему зададим!

И, не ожидая моей помощи, Рипстон засучил рукава и принялся бить Моулди. Мне не хотелось драться, я старался примирить их, уверяя, что мне не больно, что я плачу не от пощечины, а от болезни.

Как только Моулди совсем очнулся, он выказал полнейшее раскаяние. Он сознался, что поступил как негодяй и, в виде удовлетворения, предложил мне ударить его изо всей силы по носу, причем он будет держать руки за спиной. Рипстон убеждал меня принять это предложение, но я отказался, и тогда Моулди заставил меня взять по крайней мере его шапку под голову и укрыться его курткой. Рипстон так же охотно отдал бы мне свою одежду, но у него была всего одна синяя фуфайка, заменявшая ему и рубашку и куртку, а шапку он потерял накануне, убегая от рыночного сторожа.

Хотя товарищи всеми силами старались уложить меня поспокойнее и укрыть потеплее, мне не становилось лучше. Я по-прежнему весь горел и в то же время дрожал от холода, язык мой был сух, а дыханье прерывисто и тяжело. Впрочем, после слез мне стало както легче, я готов был лежать спокойно и покоряться всему, что со мною сделают.

IX

Я попадаю в работный дом

Моя болезнь сильно тревожила товарищей. Укрыв меня курткой и уложив как можно спокойнее, они сами не легли, а сели в дальний угол фургона и начали перешептываться.

– Это, должно быть, простуда, – шептал Рипстон. – Беда, если на человека нападёт простуда. Ведь это простуда, правда, Моулди?

– Должно быть, что-нибудь такое, – ещё тише отвечал Моулди.

– Хорошо бы горчичники поставить... Я помню, мне ставили, когда я был маленький... Как ты думаешь, Моулди, не сходить ли за горчицей?

– Чего ходить? Ведь сегодня воскресенье, все лавки закрыты, одни аптеки открыты, а в аптеках горчицы нет.

– В аптеке можно бы купить пилюли, – предложил Рипстон. – Одна беда: у этих пилюль такие трудные названия – не знаешь, как спросить.

– Да так и спроси: пилюль на четыре пенса.

– А аптекарь спросит: «Каких вам?»

– Сказать: слабительных. Они, кажется, все слабительные, – равнодушно ответил Моулди. Он вообще вел разговор неохотно и, казалось, думал о чём-то совсем другом.

– Значит, решено, Моулди, – опять заговорил Рипстон. – Наш первый пенс завтра пойдёт на пилюли для Смитфилда?

Моулди ничего не ответил, они оба на минуту смолкли. Я лежал тихо и вслушивался в их шепот. Сдержанность Моулди возбудила подозрение Рипстона.

– Моулди, – спросил он, – если это не простуда, то что же такое у Смитфилда?

– Почему я знаю! – неохотно ответил Моулди. – Да ведь ты же был в больнице, ты видал так много больных. Может, с кем-нибудь было то же, что с ним?

– Тише, – заметил Моулди, – он, пожалуй, не спит.

– Спит. Слышишь, как он ровно дышит?

– Да. А слышишь, как под ним солома шуршит, – должно быть, опять озноб сделался. – Затем он прибавил ещё более тихим шепотом: – Жалко мне, что я отдал ему свою куртку, Рип. Шапка – не беда, а куртки жаль!

– Экая ты жадная скотина! – выбранился Рипстон. – Он бы, наверное, отдал тебе свою куртку, кабы тебе понадобилась!

– Ну, пусть пропадает, все равно! – вздохнул Моулди.

– Отчего же пропадает? Ты ведь завтра возьмешь ее?

– Ну, нет, с ней вместе можно захватить такую вещь, которой бы мне не хотелось.

– Да что такое? Говори толком!

– Тише, тише! Коли он услышит, так перепугается.

Они тихонько приподнялись и высунули головы из фургона, но я все-таки слышал все, что они говорили.

– У тебя привита оспа, Рип? – спросил Моулди.

– Привита, и свидетельство есть.

– Ну, и отлично: значит, тебе и бояться нечего. А у меня не привита, ко мне горячка как раз пристанет!

– Разве у него горячка? – испуганным голосом спросил Рипстон. – Значит, он умрет, Моулди?

– Наверно.

– Вдруг, Моулди? Так вдруг и умрет?

– Нет, не вдруг, – прошептал Моулди. – С ними там еще прежде разные штуки делают, головы им бреют, и все такое.

– Это зачем же, Моулди? – с сильнейшим страхом спросил Рипстон.

– Да они совсем как сумасшедшие делаются. Если их не обрить, они себе все волосы вырвут, – отвечал Моулди.

– Ах, какая беда! Бедный Смитфилд умрет! Бедняга Смитфилд!

И Рипстон заплакал. Я едва верил глазам своим, но это была правда, он плакал.

Я не испугался и даже не удивился тому, что у меня, по словам Моулди, была горячка. Горячка была самая худшая болезнь, какую я знал, а я чувствовал себя очень, очень худо. Я знал, что горячка смертельна, но даже это не пугало меня. Мне хотелось одного: чтобы меня

оставили в покое, чтобы никто не трогал меня, не говорил со мной. Рипстон и Моулди продолжали шептаться в другом углу фургона. Я слышал их шепот и разговоры, смех и ругательства мальчиков, игравших в карты, и топот ног, и всякие другие звуки.

Понемногу все стихло, только товарищи мои продолжали разговаривать. Я рад был, что они не спят. Мне ужасно хотелось пить, и я попросил Моулди достать мне глоток воды. Товарищи всполошились.

– Полно, дружище! – уговаривал меня Моулди ласковым голосом. – Как же я тебе достану воды? Ведь ты знаешь, что у меня нет никакой посуды. Потерпи, полежи спокойно до пяти часов, тогда придут перевозчики, и ты можешь пить, сколько хочешь.

– Ах, я не могу ждать до пяти часов, Моулди, право, не могу, я с ума сойду! Не говори мне, чтобы я ждал до пяти!

– Ну хорошо, я не буду говорить, только ведь это правда, оттого я и сказал.

– А который теперь час?

– Должно быть, около часу.

Меня мучила страшная жажда, а волны реки беспрестанно ударялись о нижнюю часть стены, около которой стоял наш фургон. Я представил себе реку, какую я видел ее утром после первой ночи, проведенной под Арками. Она искрилась в солнечных лучах, и по ней тихо плыла барка с сеном. Мною овладело непреодолимое желание сойти вниз к берегу и напиться. Мне не нужно было посуды, я мог просто свесить голову вниз и пить прямо из реки. Я поднялся и стал перелезать через стену фургона. Было так темно, что товарищи не могли видеть меня, но они слышали шорох, и я едва успел перекинуть одну ногу за край телеги, как Рипстон крепко схватил меня за другую.

– Что ты, Смитфилд? – вскричал он испуганным голосом и чуть не со слезами. – Куда это ты, голубчик?

– За водой.

– Да ведь воды нет. Моулди, иди, помоги мне! – с отчаянием вскричал бедный Рипстон. – Нет воды, Смити.

– Вода есть, – говорил я, – я пойду к реке и там напьюсь.

– Нет, не пить ты идешь. Ты, верно, хочешь топить, ты ведь теперь все равно что сумасшедший! – с отчаянием кричал Рипстон. – Моулди, да полно тебе трусить, хватай его да помоги удержать.

Но Моулди не решился подойти; он боялся: ведь у него не привита оспа. Кроме того, ему казалось, что в бешенстве я могу укусить его. Он начал со мной переговоры, не выходя из своего угла.

– Чего это ты вскочил, Смит? – говорил он успокоительным голосом. – Ведь ты этак разбудишь все Арки. Ляг спокойно, я сейчас добуду тебе воды.

– Ты ведь это врешь, что принесешь воды, – сказал Рипстон. – Ры просто хочешь удрать и оставить меня одного с ним!

Я думал то же, но мы были несправедливы к Моулди. Он взял свою шапку у меня из-под головы, соскочил с фургона и через несколько минут воротился с полной шапкой свежей речной воды.

Пробираться в темноте к реке было небезопасно. Моулди, однако, посчастливилось совершить свое путешествие благополучно. Шапка его, хоть и старая, была крепка и до того засалена, что совсем не пропускала воды. Я опорожнил ее пятью большими глотками, и это питье доставило мне несказанное наслаждение. В ту ночь мои маленькие товарищи-оборотыши положительно спасли мне жизнь. Если бы они пустили меня на берег, резкий холодный ветер с реки, наверное, убил бы меня. Пробираясь в темноте, я легко мог поскользнуться и упасть в реку.

Утолив жажду, я лег и заснул. Мне все снились какие-то отрывки странных и неприятных снов, пока Рипстон не потряс меня за плечо, говоря, что пора вылезать из фургона, что фургонщик уже пошел за лошадьми. Я попробовал привстать, но не мог. Я мог сидеть, но, когда поднимался на ноги, колени мои дрожали, и я падал.

– Ну, ребята, – сказал фургонщик, подходя к телеге, – вываливайтесь, некогда мне возиться с вами.

– Да вот у нас тут один мальчик не может вывалиться, – сказал Моулди, уже выскочивший из фургона.

– Что ты такое говоришь? Как это не может вывалиться?

– Вывалиться-то, пожалуй, он и может, только ему не вылезть. Он говорит, что у него ноги отнялись. Не потрудитесь ли вы сами высадить его?

– Я его высажу так, что он долго меня не забудет!

С этими словами сердитый фургонщик быстро прыгнул в телегу с фонарем в руках.

– Пошел вон, лентяй! – закричал он на меня.

Но в эту минуту свет от его фонаря упал на мое лицо, и он сразу переменял тон.

– Бедный мальчуган! – вскричал он. – Давно это с ним?

– Со вчерашнего вечера, – отвечал Рипстон, – да мы не знали, что ему так плохо.

– Где же он живет? Надо свезти его домой, – сказал фургонщик.

Мне вспомнилось сердитое лицо отца, когда я видел его в последний раз сквозь щели корзин на базаре.

Я боялся его кнута, когда был здоров, а вернуться к нему теперь казалось мне совсем невозможным.

– Мальчик, где ты живешь? Где твой дом? – спрашивал меня фургонщик.

Я ничего не отвечал, притворившись, что не слышу.

– Да вы, ребята, не знаете ли, где он живет? – обратился он к моим товарищам.

Они это очень хорошо знали, но мы поклялись друг другу никому не открывать, где наши дома, и они не выдали меня.

– У него нет никакого дома, он живет здесь, – сказал Моулди.

– И отца с матерью нет, он сирота, – прибавил Рипстон.

– Несчастный! – сказал фургонщик. – Если оставить его здесь, он, наверное, умрет. Свезу его хоть в работный дом. Хочешь в работный дом, мальчик?

Мне было все равно, только бы не домой. Я был так слаб, что не мог говорить. На вопрос фургонщика я только кивнул головой.

Добрый человек заботливо укутал меня в попону своей лошади и, взяв лошадь под уздцы, вывез фуру из-под Арок. Рипстон все время сидел рядом со мной в фургоне.

Моулди, несмотря на свою боязнь горячки, не мог расстаться со мной, не попрощавшись. Я услышал, что он цепляется руками за задок фургона, и, взглянув в ту сторону, увидел его грязное лицо.

– Прощай, Смитфилд! – сказал он мне и затем обратился к фургонщику: – На нем моя куртка, так вы, пожалуйста, скажите в работном доме, пусть ее спрячут и отдадут ему, если он выздоровеет. Ну, прощай, голубчик Смит! Не скучай!

И он исчез.

Рипстон долго оставался в фургоне. Наконец крепко пожал мою горячую руку, с любовью посмотрел на меня, плотнее завернул меня в попону, перескочил через задок фургона и, не говоря ни слова, ушел прочь.

Х

Я остаюсь в живых

Добрый фургонщик привез меня в работный дом.

Там меня раздели, обмыли и уложили в постель. Все говорили, что мне очень плохо; однако – странное дело! – я не чувствовал себя особенно дурно. Я лежал очень спокойно и удобно, у меня ничего не болело.

Если бы кто-нибудь спросил меня, что лучше: быть здоровым под темными Арками или лежать здесь в горячке, – я, не задумавшись, выбрал бы горячку. Да и чего было задумываться? Горячка не причиняла мне никакой боли. Я не испытывал и двадцатой доли

тех страданий, какие перенес от зубной боли в фургоне.

Постель у меня была чистая и мягкая, лекарство не особенно противное, а бульон, которым меня кормили, превосходный. И однако все, даже доктор, смотрели на меня как-то серьезно, все подходили к моей постели осторожно и говорили со мной тихим мягким голосом, точно думали, что я ужасно как мучаюсь. Не раз приходило мне в голову, что я, может быть, попал сюда по ошибке, что у меня совсем не та страшная болезнь, которую называют горячкой, что, как только ошибка откроется, меня тотчас же выгонят прочь.

Не знаю, сколько времени пролежал я таким образом, но помню, что раз утром я проснулся гораздо бодрее, чем был накануне. Все с удивлением глядели на меня. Сиделка, подавая мне завтрак, чуть не разлила его, начав что-то бормотать о людях, которые спасаются от гроба. Надзирательница остановилась подле моей постели и сказала:

– Ну, его, кажется, не скоро придется хоронить!

Больше всех удивлялся доктор.

– Аи да молодец! – вскричал он. – Вот уж не ожидал, что он так ловко вывернется!

– Да, сэр, – заметила сиделка, – он, можно сказать, обманул свою смерть.

– Вот это верно, – засмеялся доктор, – он вправду обманул ее! Вчера ночью жизнь его висела просто на волоске, а теперь каким молодцом глядит! Он, наверно, поправится! Мы поставим его на ноги, прежде чем ему придется еще раз стричь волосы.

Я не совсем понимал весь этот разговор, но последние слова доктора удивили меня. В первый же день моего пребывания в работном доме меня обрили так, что голова моя была совсем гладкая, волосы мои долго не нужно будет стричь; неужели же я не выздоровею раньше этого времени? Должно быть, доктор ошибается.

Действительно, доктор ошибся; худо было то, что и я также ошибся. Волосы мои росли очень медленно, но выздоровление шло еще медленнее. Можно сказать даже, что настоящие страдания мои начались именно с того времени, когда, по мнению доктора, я должен был бы бодро стоять на ногах. На ногах я, правда, стоял, то есть меня принуждали вставать, одеваться и ходить по палате. Но я не чувствовал себя ни бодрым, ни веселым. Appetit у меня был хорош, даже слишком хорош, так что я без труда мог съесть втрое больше скудных больничных порций. Но мне было гораздо приятнее лежать в горячке, когда все за мной ухаживали и я мог, сколько хотел, нежиться в постели, чем слоняться из угла в угол, попадаясь всем под ноги, беспрестанно натыкаясь больными костями на края кроватей и на жесткую мебель. Одну неделю у меня сделалась опухоль в ногах, так что я не мог надеть башмаки, потом у меня заболели уши, потом глаза, так что я должен был ходить с большим зеленым козырьком. И все время я ужасно скучал, чувствовал себя и несчастным и сердитым. Каждый скрип двери раздражал меня, работный дом опротивел мне. Я захотел поскорее выздороветь, чтобы мне отдали мое платье и отпустили меня на волю.

Я был вполне уверен, что ничего другого со мною не сделают.

Мне хотелось только одного: чтобы к моему костюму прибавили рубашку, шапку и, пожалуй, сапоги. Я думал, что могу, когда захочу, сказать: «Благодарю вас, что вы вылечили меня, теперь я уйду» – и предо мной тотчас же откроются все двери, и мне можно будет идти на все четыре стороны. Куда идти, об этом я также не задумывался. Я, конечно, возвращусь под темные Арки к Рипстону и Моулди, которые очень обрадуются мне. Хотя я пользовался в работном доме и хорошою пищею и хорошим помещением, но я без всякого страха думал о возвращении к прежней жизни маленького бродяги. Мне вспоминалось, как мы свободно расхаживали по улицам города, добывая и тратя деньги на что хотели, мне вспоминались все наши веселые проделки, и я от души хотел поскорее увидаться с Моулди и Рипстоном. В целом мире о них одних думал я с любовью.

Мой родной дом как будто не существовал для меня.

В одной палате со мной были и другие мальчики, давно уже жившие в работном доме, но я не сближался с ними. Они казались мне какими-то глупыми, я боялся рассказывать им что-нибудь о своих делах, чтобы они не выдали меня. В работном доме все со слов фургонщика считали меня сиротой, у которого нет ни жилья, ни друга, ни покровителя.

Наконец я выздоровел. Это было уже в феврале.

Снег толстым слоем покрывал землю, когда доктор, обходя палату, приказал завтра выписать из больницы меня и другого мальчика, Байльса, у которого недавно была скарлатина.

Когда доктор ушел, Байльс спросил меня:

– Слушай, Смитфилд, ты – сирота?

– Сирота, – отвечал я.

– Ну, так тебе морские работы.

– Как так? С какой стати?

– А так, что всех сирот отправляют в Стратфорд, и тебя туда отправят. Разве ты не знал? Ужасно больно секут в Стратфорде и в черную яму сажают. Я знал одного сироту – такого же, как ты, так его там убили.

– За что же убили?

– А его поймали, когда он хотел убежать: он перелезал через высокую стену, утыканную гвоздями. Его схватили, бросили вниз, заперли в темную яму, и с тех пор о нем ни слуху ни духу. Все говорят, что его убили!

– Какой же он был дурак, что поехал в Стратфорд! – заметил я.

– Да разве он сам поехал? Его повезли, вот как и тебя повезут, – отвечал Байльс.

– Нет, меня не повезут, – решительным голосом объявил я. – Когда начальник будет проходить по нашей палате, я попрошу, чтобы он отдал мне платье и позволил мне идти, куда хочу.

– Вот это ловко! – засмеялся Байльс. – Попроси его, он тебя, наверно, пустит, да еще, пожалуй, даст тебе денег на извозчика!

Я не обратил внимания на слова Байльса; я всегда думал, что он глуп, а теперь вполне убедился в этом.

Кому охота удерживать меня в работном доме?

Напротив, все будут очень рады отделаться от меня.

Начальник каждый вечер обходил палаты, чтобы посмотреть, все ли в постелях. Когда он подошел ко мне, я позвал его. Все в палате подняли головы с подушек и посмотрели на меня с удивлением. Я и не подозревал, что совершаю дерзкий поступок.

– Ты меня позвал, мальчик? – спросил у меня начальник, как будто не доверяя ушам своим.

– Да, сэр, я хотел просить вас, чтобы вы приказали отдать мне мое старое платье и положить его сюда на стул. Я надену его завтра утром. Я хочу отсюда уйти.

В глазах начальника блеснул гнев. Затем он спокойно обратился к надзирательнице.

– Что, этот мальчик в своем уме, миссис Браун? – спросил он.

– В своем, сэр, если у этого дерзкого негодяя есть ум, – отвечала надзирательница.

– Очень хорошо! – сказал начальник, вынимая карандаш и записную книжку. – Он ведь из той партии, которая уходит завтра? Какой его номер?

– Сто двадцать седьмой, сэр, – ответила надзирательница.

– Благодарю... Ну, номер сто двадцать седьмой, тебе придется вспомнить сегодняшней вечер.

И, взглянув на меня еще раз, он пошел своей дорогой.

Я был поражен. Я закрыл голову одеялом и долго не мог опомниться.

Неужели это правда? Я не смею выйти из работного дома, когда захочу! Я здесь пленник, завтра меня увезут в то ужасное место, о котором рассказывал Байльс, и там, конечно, сразу засадят в черную яму за дерзость начальнику!

Что мне делать? Как избавиться от ужасной участи, грозящей мне? Если бы даже мне удалось вырваться из работного дома, я не могу бежать в этом платье. Я должен сознаться, что не постыдился бы унести с собою одежду, данную мне работным домом, но одежда эта была какая-то странная: коротенькая курточка, штаны с лифчиком, доходящие только до колен, синие шерстяные чулки и башмаки с медными пряжками. Как я мог бежать в таком

наряде? Всякий за версту узнал бы меня. А впрочем, от работного дома до Арок недалеко. Только бы мне добраться туда. Моулди и Рипетон, конечно, выручили бы меня. Но как улизнуть из работного дома?

Я долго не мог уснуть, раздумывая об этом. Наконец к составил план, очень рискованный, но другого я не мог придумать.

У нас в палате была одна добрая женщина – помощница сиделок, которая часто получала от кого-то письма. Звали ее Джен. Письма эти привратник оставлял у себя, а она обыкновенно или сама сходила вниз за ними, или посылала кого-нибудь из нас. За то, что привратник сберегал ее письма, она часто давала ему на табак. Я решился воспользоваться этим. Конечно, мне придется много лгать, но это пустяки. Стратфорд казался мне слишком страшным.

Наступило утро. Мы завтракали в половине восьмого, а письма приходили с восьмичасовою почтою.

Когда я проснулся, я начал колебаться, но за завтраком мальчики осыпали меня насмешками и все толковали о том, как мне зададут в Стратфорде. Это разрушило все мои колебания.

В четверть девятого я ухитрился, спрятав шапку в штаны, незаметно выбраться из палаты и спуститься с лестницы. Внизу шел длинный коридор до самого двора, на дальнем конце которого находились ворота.

Там сидел привратник. Окно больничной палаты выходило во двор, и я увидел, что Джен смотрит на меня и как будто удивляется, с какой стати я очутился во дворе в такое время. Я не обратил на нее внимания и храбро подошел к каморке привратника.

– Писем нет! – сказал он, увидев меня.

– Я знаю, – отвечал я, – но Джен просит, чтобы вы позволили мне сбегать за угол, купить ей почтовой бумаги. Она говорит...

– Вот выдумала! – сердито вскричал привратник. – Разве я могу позволить это? Скажи твоей Джен, что уж очень она зазналась: просить такие глупости!

С этими словами он взглянул вверх в окно, а в окно Джен делала ему самые отчаянные знаки.

– Ладно, нечего знаки делать! Если я пушу его, меня за это, пожалуй, прогонят со службы.

– Позвольте, – перебил я его поспешно, видя, как моя надежда исчезает. – Джен еще велела мне купить вам восьмушку табаку.

– Гм, это другое дело!.. – Он опять взглянул в окно больничной палаты, где все еще стояла Джен.

Она вся покраснелась: верно, у нее мелькнуло подозрение, и она отчаянно мотала головой.

– Да только нечего вашей Джен задабривать меня табаком. Ну, давай деньги, а сам беги скорей, да смотри, не копайся, не то тебе достанется!

Дать ему деньги и бежать! Он меня отпускает, дорога открыта, и вдруг все дело должно погибнуть из-за того, что у меня нет каких-нибудь двух пенсов. Я прибегнул к новой лжи.

– У меня нет мелочи, – сказал я. – Джен велела мне купить вам табаку из тех денег, что дала мне на бумагу.

Я стал искать в кармане воображаемую серебряную монету.

– Ну, иди скорей! Чем тут стоять да болтать, ты бы уж и вернуться успел!

Он отодвинул засов маленькой калитки, и я был свободен! Мне хотелось тотчас же пуститься бежать, но я боялся, не подстерегает ли меня кто-нибудь, и потому сначала просто пошел скорым шагом.

Зато, дойдя до первого угла, я бросился бежать во весь дух.

Было пасмурное холодное утро, я чувствовал себя необыкновенно легким и бодрым. Местность была мне знакома; я знал самую близкую дорогу и минут через шесть добежал до того прохода на набережную, который вел вниз, в темные Арки.

XI

Я еще раз направляюсь к улице Тернимилл

Когда я повернул в проход к Аркам, на часах пробило девять.

Это заставило меня остановиться. Моулди и Рипстона не могло быть под Арками, они, наверно, давно уже на работе и не вернутся раньше сумерек.

Надобно провести весь день, не выдавшись с ними. Это значительно уменьшило радость, которую я испытывал, вырвавшись так благополучно из рабочего дома. Я мог, конечно, разыскать своих друзей на базаре, но явиться туда в моем костюме было немислимо. Я решился пробраться под Арки и там ждать их возвращения. Странно: то место, где стоял наш фургон, оказалось совсем не таким уютным, как я ожидал. Там было темно и жутко. Сырость пронизала меня до костей.

У одной из стен я увидел кучу какого-то тряпья и направился туда. Но, едва я подошел ближе, куча зашевелилась, и раздался скрипучий старческий голос:

– Чего ты здесь ищешь, мальчишка? Я думал, что хоть днем все уйдут и дадут мне умереть спокойно. Тяжело умирать на людях.

– Я не помешаю вам умирать, – вежливо сказал я. – Умирайте, пожалуйста. Я только ищу местечка, где бы укрыться от холода.

– Полезай в ящик, что стоит на тележке водовоза, – прохрипел мой новый знакомый. – Если бы меня еще носили ноги, я сам забрался бы туда и не стал бы надоедать людям глупыми разговорами.

Я осмотрелся и заметил тележку, на которой стоял большой ящик с отверстием наверху.

Я влез в него, радуясь, что нашел себе уютный уголок. Скоро, однако, оказалось, что убежище это не так удобно, как я воображал.

Внутри ящика осталось много воды, она замерзла и сначала была совершенно твердою, но, когда я сел на лед, он стал оттаивать и вода просачивалась сквозь мои брюки. Я вылез из ящика и прилег за бочкой водовоза, чтобы укрыться от ветра. Но ветер был такой резкий, пронзительный, что укрыться от него не было возможности.

Он с силою врвался сквозь узкий проход и приносил с берега реки обледенелый снег. Меня прохватывало до костей, щипало за уши. А когда я приподнимал голову, ветер дул мне прямо в рот. Я должен был держать шапку обеими руками, пальцы у меня заболели от холода, точно обожженные огнем. Я не мог больше получаса переносить эту пытку. Я соскочил с телеги, засунул руки в карманы и принялся бегать взад и вперед, топая по скользким камням, чтобы как-нибудь разогреть ооченелые ноги.

Наконец холод до того измучил меня, что я решился попробовать развести огонь. На берегу можно было подобрать много щепок и куски угля; одна беда – у меня не было спички. На реке стояло много барок, на них работали люди, и многие из них курили. Они, конечно, дали бы мне спичку, если бы я попросил у них; но как подойти к ним в моем костюме? Они станут расспрашивать меня, станут рассказывать обо мне своим знакомым, и кончится тем, что меня поймают.

Оставалось одно: снять куртку, которая могла уличить меня, и вымазать лицо и руки грязью, чтобы быть похожим на одного из мальчиков «костяников», роющихся в речном иле. Это было дело нетрудное, но мне оно показалось в то время страшно тяжелым: я еще не совсем оправился после болезни, я ужасно прозяб, а мне пришлось снять не только куртку, но и чулки, башмаки и шапку, так как «костяники» этой одежды не носят. Их ноги, руки и лицо вечно выпачканы грязью. Чтобы вымазаться таким же образом, я должен был пройти голыми ногами по речному илу, покрытому сверху слоем льда, окунуть в этот ил руки и натереть им лицо. «Костяники» носят с собой всегда или мешок, или какую-нибудь посудину, в которую собирают все, что найдут. На мое счастье, я увидел под кормою одной барки старую кастрюлю, лежавшую в иле. Я взял ее в руки и, подойдя к одному старому

барочнику, попросил у него спичку.

– Пошел прочь, скверный воришка, – закричал он, – ты только что из тюрьмы и опять берешься за прежнее!

– Я не был в тюрьме, – со слезами отвечал я, – я никогда не был в тюрьме.

– Не был в тюрьме, гадкий лгун! Да ты посмотри на свою голову, разве это не тюремная стрижка?

– Нет, я был в работном доме, и меня там обрили, потому что у меня была горячка, я убежал из работного дома!

Старик свесил седую голову через край барки и пытливо посмотрел на мое грязное, залитое слезами лицо. Он, должно быть, убедился, что я говорю правду, потому что сказал гораздо ласковее:

– Ну, если тебе нужна только спичка, так возьми себе хоть две, да иди своей дорогой.

Он воткнул спички в расщелину багра и передал мне их таким образом. Но увы, все труды мои оказались напрасны! У меня были и щепки, и уголья, и клочок бумаги, но все это было такое сырое, что обе спички мои истлели и ничего не могли зажечь. Я посмотрел на берег; старика, давшего мне спички, не было на барке, пришлось обойтись без огня. Я опять сошел к реке, смыл грязь с рук, с ног и с лица, дал им просохнуть на ветру, так как у меня не было полотенца, потом надел опять чулки, башмаки, куртку и шапку и принялся расхаживать взад и вперед под Арками.

Часа в два пошел снег, Это не огорчило, а, напротив, обрадовало меня: я думал, что из-за дурной погоды Рипстон и Моулди скорее вернутся домой, Я уселся на последней ступеньке той лестницы, по которой они обыкновенно спускались под Арки, и стал ждать.

На церковных часах пробилло семь, но мои друзья не являлись.

Куда мне теперь деться, за что мне приняться? Уж не вернуться ли, пожалуй, домой?

Когда эта мысль в первый раз пришла мне в голову, я прогнал ее, как совершенно нелепую. Но время проходило, у меня исчезла надежда увидеться с моими единственными друзьями. Мысль о доме возвращалась. Наконец, я уже не мог думать ни о чем другом. Чего мне так бояться возвращения домой? Я уже больше девяти месяцев не видал никого из своих: может быть, они обрадуются мне, может быть, в худшем случае, отец прочтет мне хорошую нотацию. Теперь я уже не такой маленький мальчик, каким был, когда бежал из дома, я знал, как искать работы, за какую работу взяться, я не буду в тягость своему семейству.

Однако, прежде чем идти в наш переулочек, я побродил несколько времени около Арок, затем добежал до рынка, посмотрел, не там ли Рипстон и Моулди, и, не найдя их нигде, решил направиться к Тернмиллской улице. Я шел бодро, нигде не останавливаясь и ни на кого не обращая внимания.

Но, когда я дошел до Смитфилда, шаги мои стали замедляться, а, подойдя к переулку, я и совсем остановился. Не опасно ли так прямо явиться к отцу? В это время дня он обыкновенно бывает в пивной. Подождать разве, пока он выйдет оттуда? Он всегда добрее, когда немного выпьет. Я остановился против переулочка и стал поджидать отца. Он всегда возвращался домой в одиннадцатом часу, а теперь был только десятый. Я ждал терпеливо, и мысль о том, как меня встретит отец, что он мне скажет, мешала мне даже чувствовать голод и холод.

Но время шло, а отца все не было. Я решил, наконец, дойти до пивной, куда всегда заходил отец, и посмотреть, там ли он.

Вдруг дверь пивной распахнулась, и из нее вытолкали женщину.

Платье этой женщины было все изорвано и испачкано, рыжие волосы всклокочены, губы разбиты, а на руках она держала ребенка, завернутого в какие-то грязные тряпки. Я тотчас же узнал ее: это была миссис Берк с моей бедной сестрой Полли.

– Ах ты, проклятый пьяница! – визжала она. – Как ты смеешь бросать в меня бутылками? Ты чуть не убил ребенка. Вернись только домой, я обломаю об тебя всю кочергу!

Мужчина, вытолкнувший ее из двери, бросился на нее с поднятыми кулаками.

– И ты еще смеешь попрекать меня пьянством, низкая тварь! – кричал он. – Сама пропиваешь деньги, которые я даю на еду. Вся семья голодает, с тех пор как ты поселилась в моем доме. Мало убить тебя.

– Полно вам буянить, Джим Бализет, – сказал мистер Пигот, удерживая его за руки. – Я не позволю вам бесчинствовать у меня в кабаке. Можете бить ее дома, если хотите, а не здесь!

Джим Бализет! Он назвал этого пьяного, грязного человека Джим Бализет! Неужели это мой отец?

Я привык всегда видеть отца одетым опрятно, даже щеголевато.

Бывало, возвращаясь с работы, он тщательно умывался и не выходил из дому иначе, как в чистой рубашке, в крепкой фланелевой куртке и в шелковой косынке на шее. А у этого человека невымытое, опухшее лицо с заплывшими глазами, небритая щетинистая борода. Его волосы давно не видали гребенки. На нем страшно грязная рубашка и старая, измятая шляпа.

– Пустите меня! – кричал он мистеру Пиготу. – Я должен разбить морду этой скотине, этой змее, этой пиявке, высосавшей всю кровь из моих жил.

– Перестань, Джим! – убеждали его люди, выскочившие из пивной. – Успеешь расправиться с ней; пойдем-ка лучше, выпьем еще по стаканчику.

К шумевшей толпе подошел полицейский.

– Что, опять Бализеты скандалят? – спокойно спросил он трактирщика.

– Да, – ответил мистер Пигот. – Сил не хватает с ними справиться. Наконец-то вы пришли на подмогу.

– Да, господин полицейский, – кричал отец, – уберите отсюда эту рыжую тварь, чтобы глаза мои больше ее не видали!

И он, шатаясь, вернулся в пивную.

– Нет, лучше пристукните этого изверга, пропившего все мое добро, – захныкала миссис Берк, немного успокоившись при виде полицейского.

– Ну, иди, иди домой, бесстыдная пьянчужка! – заворчал полицейский, бесцеремонно втопил ее в наш переулок и втокнул в дверь нашего дома.

Что мне было делать? Идти за миссис Берк было, конечно, глупо. Я никогда не рассчитывал на ласковый прием с ее стороны.

Соваться ей на глаза, когда ее побили, было уж совсем нелепо. Я очень жалел малютку Полли, но меня утешало то, что она по крайней мере жива и не сделалась калеккой по моей вине.

Подойти к отцу? Может быть, отец сжалится надо мной. Прежде миссис Берк восстанавливала его против меня.

Теперь он с ней поссорился; может быть, он примет меня назло ей. Я робко вошел в пивную. Там было много народу, и я не сразу увидел отца. Только оглядевшись хорошенько, я заметил, что он сидит, положив обе руки на стол и склонив на них голову.

– Эй ты, работный дом, чего тебе? – спросил у меня слуга.

– Я пришел сюда к отцу, он там! – отвечал я, указывая на отца.

– А как зовут твоего отца, мальчик?

– Джим Бализет!

– А! Я так и думал, я его сразу узнал! – вскричал скорняк, живший в нашем переулке. – Джим, проснись-ка, смотри – воротился твой сын! – закричал он отцу, слегка расталкивая его.

– Врешь, не тронь меня! – проворчал отец, не поднимая головы.

– Поговори с ним, маленький Джим, он узнает твой голос.

– Это я, отец! – проговорил я, дотрагиваясь до его локтя дрожащею рукою. – Я пришел назад.

Отец медленно поднял голову и устремил на меня такой свирепый взгляд, что я отступил на два шага.

Он несколько минут смотрел на меня таким образом, и я уже начинал надеяться, что гнев его исчезнет, как вдруг он, не говоря ни слова, бросился на меня и схватил за ворот рубашки и куртки.

Рука его сильно сдавила мне горло, и я упал на скамейку.

– А, попался, негодяй! Попался! – проговорил он, отстегивая другой рукой страшный ременный пояс.

– Что вы с ним делаете, Джим? Джим, ведь вы его задушите! Оставьте его, Джим! Можно ли так обращаться с ребенком? – вступились за меня окружающие.

– Сын – мой! Что хочу, то и делаю с ним! – закричал отец.

Он остановился на минуту, должно быть, соображая, как удобнее положить меня для того, чтобы высечь, затем приподнял меня за шиворот и бросил на стол лицом вниз. Тут он, должно быть, в первый раз заметил, какая на мне странная одежда.

– Это что у тебя за наряд? – спросил он.

– Это, должно быть, тюремное платье, – заметил кто-то, – и стрижка тюремная.

– Нет, это не тюрьма, – сказал слуга, – это работный дом!

– Да, работный дом, – подхватил я, – мне выдали это платье, когда я заболел горячкой и попал в работный дом!

Я думал этими словами разжалобить отца, но вышло наоборот. Он отскочил от стола с отвращением и, обращаясь к окружающим, проговорил слезливым голосом:

– Вот, вы говорите, чтобы я отпустил его, а знаете ли вы, что сделал этот мальчишка? Он бежал из дома, он чуть не убил мою дочку, он нищенствовал, он опозорил меня, он был в работном доме, слышите ли вы? В работном доме! И чтобы я его пустил! Да ни за что на свете, я его до смерти изобью!

– Только, пожалуйста, не в моем кабаке! – вскричал мистер Пигот, хватая на лету конец ремня, который отец уже поднял надо мной. Мистер Пигот хотел выхватить и весь ремень, но другой конец ремня был крепко обмотан вокруг отцовской руки.

Между ними завязалась драка, и, воспользовавшись этим, я незаметно соскользнул со стола на пол.

– Зовите полицию! – кричал хозяин.

– Зовите, кого хотите, никто не помешает мне расправиться с этим негодяем!

Дверь распивочной приотворилась, в нее высунулось с полдюжины голов любопытных прохожих, привлеченных шумом. Я спрятался под стол. Добродушный слуга наклонился и протаскил меня к двери. Все присутствующие были до того заняты дракой отца с мистером Пиготом, что не обращали на меня внимания.

– Беги скорей домой и радуйся, что так дешево отделался! – сказал слуга, выталкивая меня на улицу и запирая за мной дверь.

ХII

Я знакомлюсь с двумя джентльменами

– Радуйся, что так дешево отделался! – сказал мне трактирный слуга.

Радоваться – чему? Хотел бы я знать! Я был самый несчастный мальчик на свете: у меня не было ни угла, ни друга, ни куска хлеба; у меня не было даже одежды, так как платье на мне было чужое и страшно стесняло мою свободу. Все мои планы рушились.

Я спасся от побоев, но это вовсе не утешало меня.

Я чувствовал такое уныние, что не мог даже бежать.

Мне было так худо, что, если бы я услышал, как отец догоняет меня, размахивая ременным поясом, я не прибавил бы шага.

Было уже около одиннадцати часов, все лавки запирались. Я шел куда попало, не обращая внимания на дорогу, наудачу поворачивая то в ту, то в другую сторону, точно бездомная собака.

Так я бродил с четверть часа, пока не очутился в небольшой улице, ведущей в

кожевенный ряд. Улица эта была недлинная и вся состояла из лавок. Лавки были заперты, только в булочной светился огонь. Я подошел к освещенному окну, и глазам моим представилась целая груда булочек разной формы и величины. Я остановился неподвижно, точно у меня вдруг отнялись ноги. Не напрасно бродил я взад и вперед: я нашел наконец то, что мне нужно. Ах, если бы мне дали хоть одну из этих чудных, румяных булочек! Сколько бы штук мог я съесть? Которую бы я выбрал? Нижнюю, она поджаристее, и еще вон ту, что ближе к окну.

«Зз!..» – закрылся последний ставень. Исчез и свет, и прекрасный хлеб. Булочная сделалась таким же темным пятном, как и все остальные лавки. С утра я не чувствовал голода, я даже не думал об еде, но теперь желудок мой как будто проснулся и стал требовать пищи. Мучительный голод как-то оживил меня, я вдруг почувствовал себя необыкновенно бодрым. Во что бы то ни стало необходимо добыть себе еду. Но каким образом? Просить милостыню? У кого? Улицы, по которым я шел, редко посещались богатыми людьми, и теперь там не видно было ни одного человека.

Да и как мне просить милостыню в платье из работного дома?

Кто даст мне пенни и не станет расспрашивать меня, зачем я ночью шляюсь по улицам и не иду домой? Кроме того, просить милостыню поздно. Пока я выпрошу пенни, все лавки уже закроют. Украсть разве что-нибудь? Но где? На всей улице открыта одна только пивная, а из пешеходов виден один полицейский.

Впрочем, я не мог разглядеть ничего вдаль, так как снег валил густыми хлопьями. Вдруг я услышал шаги и веселый смех, а через минуту увидел двух молодых джентльменов с сигарами и тростями в руках. Украсть у них что-нибудь мне и в голову не приходило, но я надеялся, что они сжалятся надо мной и дадут мне какую-нибудь монетку. Они были очень веселы и, должно быть, очень богаты – у каждого на пальце был перстень с большим блестящим камнем.

На мое счастье, один из них остановился закурить сигару совсем недалеко от меня.

– Будьте так добры, – сказал я, – подайте мне что-нибудь.

– А вот попроси у моего приятеля, – отозвался он. – Берни, дайте шиллинг бедному мальчику.

Сердце у меня забилось от радости. Я обратился к приятелю джентльмена.

– Протяни руку, – сказал он.

Я протянул, а он плюнул мне на руку, говоря:

– Вот какие шиллинги я даю попрошайкам.

– Ха, ха, ха! – засмеялся другой джентльмен.

На минуту я почувствовал такой припадок бешенства, что готов был вцепиться в нос мистеру Берни, но голод заглушил мою ярость. Я обтер руку о стену и снова протянул ее веселым господам.

– Теперь, надеюсь, вы дадите мне хоть пенни, хоть полпенни, – вежливо проговорил я. – Я умираю от голода.

– Что ты лжешь, негодяй! – закричал мистер Берни. – Толкует о голоде, а одет отлично! Разве в таких башмаках просят милостыню? Надобно просто свести его к полицейскому, Джоне!

Эти слова навели меня на новый ряд мыслей. Действительно, башмаки у меня были крепкие, хорошие, слишком хорошие для нищего.

Я могу продать их.

Лучше ходить босиком, чем терпеть такой страшный голод.

Мальчики, ночевавшие под Арками, часто рассказывали, что в Филд-Лейне есть много лавок, где торгуют до поздней ночи и покупают все что угодно, без разбора, не расспрашивая, откуда взят товар.

До Филд-Лейна было недалеко. Я нагнулся и начал развязывать башмаки.

– Ты что это делаешь? – спросил мистер Берни.

– Да вот, спасибо, вы мне напомнили, какие на мне башмаки; теперь уж я не стану

просить у вас денег. Держите при себе и свои пенни и свои плевки, не то вам может достаться кирпичом по голове.

– Пойдем, Джонс, – сказал Берни. – Если он осмелится тронуть нас, мы позовем полицейского.

– Нет, стой, – остановил Джонс. – Ты что же это хочешь делать со своими башмаками, мальчик?

– Продать их.

– Куда же ты понесешь их ночью? Хочешь продавать, так покажи их сюда! Пойдем к фонарю.

Я снял чулки и засунул их в башмаки, а башмаки связал шнурками и перекинул через плечо.

Мистер Джонс подвел меня к фонарю, взял в руки один башмак и принялся разглядывать и ощупывать его с самым деловым видом.

– Сколько ты за них хочешь? – спросил он.

– Полно вам шутить надо мной! – вскричал я. – Зачем вам знать, сколько я за них хочу?

– Да разве я шучу, мальчик? – с серьезным видом сказал мистер Джонс. – Я хочу сделать дело. Назначай цену, я куплю башмаки.

Какую назначить цену, – я решительно не знал.

Тут я вспомнил, что однажды мать дала два шиллинга девять пенсов за пару башмаков гораздо хуже этих.

Эти башмаки были такие теплые, удобные! Стоя на холодном снегу босыми ногами, я вполне оценил их.

– Я хочу за них восемнадцать пенсов, – сказал я.

Мистер Джонс посмотрел на мистера Берни, и затем оба молодых человека принялись хохотать, точно я сказал им какую-то необыкновенно забавную шутку.

– Ну, хорошо, хорошо! – заговорил мистер Джонс. – Шутка шуткой, а только мы никогда не сделаем дела, если ты не станешь говорить серьезно. Сколько дать тебе за них?

– Восемнадцать пенсов, не меньше, я знаю им цену.

– А хочешь шесть?

– Нет, восемнадцать, не то давайте их назад, давайте, я не хочу продавать вам!

– Ну, нечего с тобой делать! – со вздохом произнес мистер Джонс. – На тебе деньги, и убирайся скорей, чтобы я не раздумал!

Он положил мне в руку семь пенсов, взял под руку мистера Берни и пошел прочь.

Я ухватился за его пальто.

– Мне надо еще одиннадцать пенсов! – кричал я. – Не то отдайте мне мои чулки и башмаки!

– Да ты с ума сошел! – вскричал мистер Берни. – Мы можем купить новые сапоги гораздо дешевле!

– Да тут еще чулки.

– А! Чулок я и не заметил. Посмотрим, какие такие чулки.

Мистер Берни вытащил чулки из башмаков, внимательно осмотрел их и затем сказал:

– Ну, нечего делать, ты, кажется, мальчик хороший, мы тебе прибавим цену, дадим шиллинг за все.

– Нет, я не хочу, мне надо восемнадцать пенсов. Я бы и этого не взял, если бы не был так страшно голоден.

В эту минуту мы подошли к маленькой грязной лавчонке. Она еще не была заперта, и на окне ее лежало несколько больших хлебов и кусок холодного вареного сала.

– Это ты врешь, что голоден, – сказал мистер Джонс. – Кабы ты вправду есть хотел, ты бы обрадовался шиллингу! Ведь за четыре пенса можно купить огромный кусок хлеба с этим салом.

Соблазнительно было глядеть на чудесное сало на окне лавки.

Я был так голоден, что, кажется, мог бы съесть весь кусок до последней крошки.

Однако отдать сапоги за такую неподходящую цену мне не хотелось.

– Мне надо восемнадцать пенсов, – повторил я.

– Экий ты какой! Ну, уж если тебе так нужны эти деньги, так поищи, нет ли у тебя еще чего продажного: носового платка, ножичка или чего-нибудь такого, посмотри-ка в кармане!

– Нечего мне смотреть, у меня только то и есть, что на мне.

– Ну, что же! Мы все покупаем, – сказал мистер Берни. – Мы можем дать тебе за платье не восемнадцать пенсов, а восемнадцать шиллингов. Продавай!

Неужели они в самом деле дадут мне за мое платье восемнадцать шиллингов? Да я рад был продать его и за половину этой цены, оно ведь только мешало мне.

– Как же я буду продавать платье здесь на улице? – заметил я.

– Зачем на улице? Поведем его к себе, Берни, – предложил мистер Джонс.

С этими словами молодые джентльмены, держа в руках мои башмаки и чулки, быстро пошли к Сафрон-Гиллу. Я не отставал от них.

Дойдя до самой грязной части Гилла, они остановились перед одним домом, Ключ от дверей был в кармане у мистера Джонса, и мы все трое, пройдя темный коридор, поднялись по скрипучей лестнице во второй этаж и вошли в комнату. Мистер Берни зажег маленькую оловянную лампу, прибитую к стене, и при ее свете я мог рассмотреть жилище молодых людей. Оно походило на лавку тряпичника. В одном углу навалена была такая огромная куча шляп, что верхушка изломанного потертого цилиндра касалась потолка. В другом углу свалено было множество старых башмаков и чулок всех сортов и величин. Кроме того, гряда старого платья лежала на длинном столе, прислоненном к одной из стен.

В этой лавочке, видимо, жили люди: на складном столе перед камином стоял чайный поднос с грязными чашками и кофейником, тут же лежали на капустном листе кусок масла и початая булка.

– Можно съесть? – спросил я и, не дожидаясь ответа, откусил большой кусок.

Мистер Берни ударил меня по руке медной спичечницей так, что булка полетела на пол. Я хотел поднять, но мистер Джонс схватил ее.

– Полно, мальчик, ты не воровать сюда пришел, – заметил он строго.

– Вот что, мальчик, – сказал мистер Берни ласково, – я вижу, что ты очень голоден, мне жаль тебя; возьми этот хлеб в придачу к шиллингу за башмаки и не приставай к нам больше!

Если бы я не попробовал хлеба, я, может быть, продолжал бы настаивать на своей цене, но теперь я положил в карман шиллинг, который мистер Берни протянул мне вместе с хлебом, и жадно вцепился зубами в булку.

– Ну, а теперь проваливай, – проговорил мистер Джонс, отворяя передо мной дверь. – Дело слажено, и тебе нечего у нас делать.

– А как же вы хотели купить все мое платье? – напомнил я. – Еще говорили, что дадите восемнадцать шиллингов?

– Восемнадцать шиллингов? – мистер Джонс пощупал материю на моей куртке. – Восемнадцать шиллингов – недорого, я бы дал и больше; ну, да если ты столько просишь, так вот тебе твоя цена!

Он протянул мне восемнадцать пенсов.

– Это восемнадцать пенсов, – вскричал я, – а мне надо восемнадцать шиллингов.

– Эх ты, дурачина! Да кто же даст столько за эту дрянь?

– На что же мне восемнадцать пенсов? Ведь я должен купить себе другое платье вместо этого.

Берни притянул меня к себе и еще раз внимательно осмотрел всю мою одежду.

– Знаешь что, Джонс? – сказал он добродушным голосом. – Сделаем доброе дело, дадим бедному мальчику другое платье: в этом ему неудобно.

– Делать добро хорошо, – возразил мистер Джонс, – только ты пожалей и меня, ведь мне придется нести половину убытка.

– Полно, приятель, от доброго дела нельзя разориться.

С этими словами он порылся в куче старого платья и вытащил оттуда пару больших

бумазейных брюк, очень истрепанных, покрытых заплатами спереди и сзади, и совсем грязных.

– Они разорваны! – сказал я, указывая на большую дыру.

– Ну, конечно, это вещь поношенная, – отвечал мистер Берни, – не новое же платье тебе давать.

– Да они будут мне длинны и широки.

– Пустяки, теперь носят широкие брюки, а если окажутся длинны, мы подрежем.

Примерь-ка.

Мое платье было сшито так, что для примерки брюк я должен был снять с себя все, кроме рубашки.

Мистер Джонс тотчас же подхватил мои вещи и запрятал их куда-то. Бумазейные брюки были так широки и длинны, что нигде не прикасались к телу, и все завязки были совершенно бесполезны; пояс приходился у меня под мышками. Брюки волочились по полу.

– Видите, я говорил: не впору.

– Как не впору! Будто нарочно для тебя сшито!

– Да они ужасно неудобны! Смотрите, эта пуговица должна быть спереди, а она приходится под мышкой.

– Ему неловко оттого, что он скомкал всю рубашку около пояса, – заметил мистер Джонс. – Снимите с него рубашку, Берни, мы ему дадим другую, потоньше.

Мистер Берни быстро сдернул с меня рубашку.

– Ну, вот теперь отлично! – сказал он. – Эту пуговицу мы застегнем на эту дырку, а ту на ту! Превосходно. Как они высоко приходятся, с ними и жилета не надо! Славная штука! Найдем ли мы тебе такую же хорошую куртку?

– Да дай ему эту, – проговорил мистер Джонс, подавая какую-то куртку. – Она совсем почти новая, да не беда, – жаль мальчика.

Они натянули на меня куртку, всю перепачканную масляной краской. Очевидно, прежде ее носил маляр.

– Славно тебе будет – и тепло, и удобно! – сказал Берни. – Бери свою шапку и проваливай.

– Как, а рубашку-то? Ведь вы мне не дали рубашки!

– Рубашку? Это еще кроме штанов и куртки? Да ты, кажется, с ума сошел, любезный!

– По крайней мере дайте мне хоть немножко денег: ведь мое платье стоило гораздо дороже этого.

– Каково это, Джонс? – вскричал Берни обиженным голосом. – Мы ему сделали добро, а он еще требует. Бессовестный, неблагодарный мальчишка! Пошел вон!

Они вытолкали меня из комнаты, столкнули с лестницы, выгнали на улицу и заперли за мной дверь.

ХIII

Я делаюсь уличным певцом. – Старый друг

На церковных часах пробило полночь в ту минуту, когда мошенники закрыли за мною дверь и я пошел шагать по мягкому холодному снегу улицы.

Я не сразу мог сообразить, выгодную ли сделку устроил я с господами Берни и Джонсом. Мне казалось, что вся выгода была на их стороне, а между тем они обвиняли меня в бессовестности и неблагодарности. Неужели я в самом деле не оценил по достоинству их услуги? Что они для меня сделали? Прежде у меня была пара теплых чулок и крепких башмаков, у меня был полный костюм, не исключая рубашки. Теперь у меня не было ни башмаков, ни рубашки, и костюм мой состоял из одной куртки и штанов. Зато теперь я не так сильно страдал от голода, как прежде, я избавился от одежды, в которой днем мне нельзя было никому показаться, и у меня в руках целый шиллинг.

Но где же он, этот шиллинг? Если бы мостовая разверзлась под моими ногами, я не

остановился бы с большим испугом. Я стал обшаривать карманы своих новых штанов. Карманы были глубокие, и мне пришлось нагибаться до самой земли, чтобы достать до дна; но напрасно шарил я во всех углах: шиллинга не было. В ужасе я запустил руки в карманы куртки: и там все пусто, осталось только несколько черствых хлебных крошек. О несчастье! Куда же делся этот шиллинг? Тут только я вспомнил, что оставил его в доме старьевщиков! Получив за сапоги и чулки шиллинг и кусок хлеба, я сунул шиллинг в карман моих прежних штанов, а когда я снял их, чтобы примерить эти бумазейные брюки, я забыл вынуть деньги! Ясно вспомнив все это, я почувствовал некоторое облегчение. До их дома было недалеко, и я пустился со всех ног бежать к Сафрон-Гиллу. Найти Сафрон-Гилл и ту часть его, где жили старьевщики, было нетрудно, но, прибежав в их улицу, я остановился в недоумении.

Я не заметил номера их дома, а с виду все дома были совершенно одинаковы. Я шел, внимательно оглядываясь по сторонам, но не мог заметить ни одного признака, который отличал бы один дом от другого, и, кроме того, везде огни уже были потушены. Вдруг я заметил свет в одном окне второго этажа.

Я подпрыгнул к молотку и постучался. Мне не отвечали. Я постучал второй раз сильнее прежнего. Окно, в котором светился огонь, отворилось, и из него высунулась голова старика в колпаке.

– Извините, сэр, – сказал я, – в этом доме живут мистер Берни и мистер Джонс, мне бы нужно...

– Почему я знаю! Выдумал стучаться по ночам! Леню мне сойти, а то бы я задал тебе!

С этими нелюбезными словами он захлопнул окно.

Что мне было делать? Стучаться во все дома было невозможно, уйти – значило бросить шиллинг. Конечно, я один виноват в потере моих денег. Покупатели поспешат возратить мне их, как только узнают, в чем дело. Всего лучше подождать здесь до утра и подстеречь молодых джентльменов, когда они выйдут на улицу.

К счастью, прямо против того дома, где, как я думал, жили старьевщики, была довольно глубокая подворотня, и я устроился в ней как можно удобнее.

Я провел всю ночь, то засыпая на несколько минут, то опять просыпаясь.

В семь часов утра лавочник, во владениях которого я расположился, отворил свою дверь и прогнал меня.

Я, однако, держался тут же поблизости и часов в девять увидел, что из дома, замеченного мною, вышли два молодых человека с черными мешками в руках, они были одеты не так щегольски, как вчерашние джентльмены; их сюртуки казались очень поношенными, а фуражки сильно засаленными. Тем не менее я сразу узнал в них мистера Берни и мистера Джонса.

– Извините, сэр, – сказал я, обращаясь к первому из них, – я оставил свой шиллинг в кармане тех штанов... Отдайте мне его, пожалуйста.

– Что такое? Какой шиллинг? Какие штаны?

– Да те, что я вам вчера продал вместе с курткой. Вернитесь домой, посмотрите!

– Что он такое болтает? – с изумлением спросил мистер Берни. – Вы знаете этого мальчика, Уилькинса? – обратился он к своему товарищу.

– В первый раз вижу.

– Вы ошиблись, голубчик, – ласково сказал мне Берни. – Как зовут того господина, которого вы ищете?

– Одного звали Берни, другого Джонс. Разве же это не мистер Джонс?

– Нет, дружок, меня зовут не Джонс, – а Уильям Уилькинс, – отвечал мистер Джонс.

– Неужели вы скажете, что не вы купили у меня платье из работного дома, что не вы живете в этом доме, в комнате, набитой старым платьем? – с отчаяньем вскричал я.

– Конечно, не мы, чего ты к нам привязался!

– Неправда, вы! Постойте, вон идет полицейский, я сейчас позову его.

Увидев полицейского, знакомые мои двинулись вперед быстрыми шагами.

– Отдайте мне мой шиллинг! – кричал я, догоняя их. – Отдайте, не то я закричу, что вы

воры!

– Экий гадкий попрошайка! – побледнев от гнева, вскричал мистер Джонс. – На тебе два пенса, и убирайся прочь!

– Я не уберусь. Вы мне дайте весь мой шиллинг, не то я пожалуюсь полиции, – отвечал я.

– На что же ты пожалуешься? – спросил Берни.

– А на то, что вы взяли у меня деньги, когда покупали мое платье из работного дома!

– Из работного дома? Молодец! Так это ты бежал из работного дома и продал свое платье? Хорошо! Теперь я сам сведу тебя в полицию за такие проделки.

С этими словами он схватил меня за ворот куртки и потащил навстречу к полицейскому. Положение мое было отчаянное. Я сделал усилие, вырвался из рук Берни (он держал меня некрепко) и пустился со всех ног бежать прочь. Бегство стоило мне моей шапки.

Когда я вырвался из рук Берни, она свалилась на землю, и, торопливо оглянувшись, чтобы посмотреть, не гонятся ли за мной, я увидел, как бессовестный мошенник поднял ее и спрятал в свой мешок.

Я отбежал далеко от Сафрон-Гилла и, убедившись, что никто не преследует меня, остановился обдумать свое положение. Меня все еще не оставляла надежда найти прежних товарищей; кроме того, я искал себе работы. Но напрасно ходил я взад и вперед между лавками: ни Рипстона, ни Моулди нигде не было видно. Встретившиеся мне знакомые мальчишки сказали, что мои друзья уже с самого рождества не ходят на базар и что никто не знает, куда они делись. Найти работу мне так и не посчастливилось. Хотя я сильно вырос за время болезни и был одет не так, как прежде, все продавцы сразу узнавали меня.

– Опять ты явился, мазурик! Проваливай, проваливай дальше! – говорили они, завидев меня. – Убирайся прочь, арестант!

Все попрекали меня моей арестантской стрижкой, и так как у меня не было шапки, то моя стриженная голова всем бросалась в глаза. Мне не удалось заработать ни гроша. Снегу в этот день не было, но зато был сильный мороз и ветер.

С утра я решил не заниматься воровством, даже тем невинным воровством, которым промышляли мои прежние товарищи. Решение я принял за чашкой горячего кофе, но потом я прослонулся по базару целый день, ничего не евши, и оно значительно поколебалось.

Наконец совсем стемнело, лавочники начали зажигать огни, голод заставил замолкнуть мою совесть. Я решил еще раз обойти базар и ни за что не возвращаться с пустыми руками.

Две минуты спустя я бежал к Дрюри-Лейну с великолепным ананасом в кармане. Ананасы в то время были очень дороги. Я слышал, как лавочник, которому принадлежал ананас, похищенный мною, говорил покупателю, указывая на него и на полдюжину других: «Эти все по полгине² штука, сэр». Такой цены мне конечно никто не даст; по правде сказать, если бы я не слышал слов лавочника, я бы оценил свой ананас в два, много в четыре пенса, теперь же я решил не уступать дешевле двух шиллингов. По дороге к старому Баджи Симмонсу, всегда покупавшему краденые вещи у меня и у товарищей, я уже решил, как истрочу десять пенсов: на шесть поужинаю, а за четыре пристроюсь куда-нибудь на ночь.

Намучившись прошлую ночь, я чувствовал почти такую же потребность в хорошей постели, как и в еде.

Баджи Симмонс занимал комнату в квартире одного сапожника, пускавшего проходить к нему через свою мастерскую. Подойдя ближе, я с радостью заметил, что в мастерской сапожника светится огонь и над желтой занавеской окна виднеется его рука, продергивающая дратву. Сапожник хорошо знал меня, и потому я смело постучался. Он отворил мне дверь. Я сразу заметил, что он узнал меня, и меня удивило, что он говорит со мной точно с незнакомым.

---

² По пяти рублей.

– Что тебе нужно, мальчик? – спросил он.

– Да ничего, позвольте только пройти к Баджи.

– Баджи Симмонс не живет здесь. Да и тебе лучше убираться подальше, а то опять станет ходить сюда полиция. Я уже думал, что никого из вашей шайки не увижу.

– Куда же это переехал Баджи? – с беспокойством спросил я. – Пожалуйста, скажите, мне нужно его видеть.

– Никуда он не переехал, он просто в тюрьме, – отвечал сапожник, тревожно оглядываясь по сторонам. – Иди, иди прочь, – прибавил он, выталкивая меня за дверь. – За мной следят, смотрят, с кем я знакомство вожу, иди.

– Да вы посмотрите, может быть, и вы купите вместо Баджи, – просил я, начиная вытаскивать ананас из кармана, – я вам уступлю дешево, за шиллинг, за девять пенсов.

– Оставь, оставь, положи его назад! – закричал сапожник, дрожа от волнения и своими грязными руками втискивая ананас обратно в мой карман. – Уйди, говорят тебе!

Он бросился на меня с таким гневом, что я, испугавшись за свою жизнь, убежал со всех ног подальше от него.

Все было против меня! Кроме Баджи Симмонса, я не помнил адреса ни одного из знакомых мне покупателей. Что мне теперь делать с этим противным ананасом? Лучше бы вместо него я стащил две – три груши или два-три апельсина. Я мог бы продать их прохожим, а с ананасом куда мне сунуться? Начни я его предлагать всем встречным, так, пожалуй, придется посидеть там же, где теперь Баджи Симмонс.

Что же мне делать? Остается одно: самому съесть ананас.

Я никогда не едал этого фрукта и теперь охотно променял бы его на добрый кусок черного хлеба, но мне не оставалось выбора.

Дойдя до Бедфорда, я остановился на площади, загроможденной разными экипажами и телегами, влез в одну телегу и, притаившись там, съел весь ананас до самого стержня. Последствия этого дорогого ужина оказались самые неприятные.

У меня так сильно разболелся живот, что я просто не мог шевельнуться. Я просидел в телеге до половины ночи, но тут руки и ноги мои до того разболелись от холода, что я должен был вылезть вон и хорошенько растереть их. К счастью, я заметил в углу площади кучу навоза, от которого валил густой пар. Я сейчас же побежал туда и очень удобно провел в теплом навозе все время до рассвета.

Как я жил следующий день, мне трудно рассказать. Помню только, что я без цели бродил по разным улицам. Вечером я заметил, что на одной стороне улицы собралась кучка народа. Я подошел ближе и увидел, что все слушают пение мальчика. Я также стал слушать. Песня была мне знакома, это была одна из ирландских песен, которым я выучился у миссис Берк.

Мальчик пел недурно, только голос его как-то совсем не подходил к смыслу слов. Однако пение его понравилось, и по окончании песни в шапку его посыпалось столько полупенсовых монет, что я в удивлении вытаращил глаза.

«Что, если бы и мне приняться за то же? – мелькнуло у меня в голове. – Ведь это во всяком случае честное средство добывать пропитание, это лучше и воровства и нищенства. Мне не много нужно: если хоть один из десяти, даже из двадцати прохожих даст мне полпенни, с меня и довольно!»

Я сделал несколько шагов, стараясь припомнить слова и мотив песни, затем остановился и запел.

Через минуту около меня остановился мальчик, потом старик и женщина, потом служанка с кружкой пива.

«Ну, эту послали за делом, – подумал я, увидев ее, – а она стоит и слушает, значит, недурно».

Это ободрило меня, и я стал петь с большей уверенностью.

Мало-помалу толпа вокруг меня все прибывала, и когда я кончил песню, ко мне протянулись три-четыре руки с мелкими медными монетами. Особенно сильное впечатление

произвело мое пение на одного полупьяного ирландца.

– Вот песня, так песня! – вскричал он, крепко схватив меня за руку. – Этакое пение не всякий день удается услышать! А вы еще скупитесь своими медными деньгами, скаредные вы люди! Пропой еще раз, голубчик, а как кончишь, я сам пойду собирать для тебя.

– Пой, пой еще, мальчик! – закричало несколько голосов вокруг меня.

Я охотно повторил еще раз свою песню, и она, видимо, понравилась всем слушателям. По окончании ее ирландец обошел всех с шапкой в руках и вручил мне целую пригоршню медных монет. Только что я успел спрятать в карман свое богатство и начал потихоньку выбираться из толпы, как чья-то рука дотронулась до моего плеча, и я услышал женский голос:

– Как? Это ты, маленький Джимми? Бедный мальчик! Чем это ты вздумал заниматься!

Я боялся одной только женщины на всем свете, но это был не ее голос. Это был добрый, знакомый голос. Я поднял глаза и увидел Марту, племянницу моей знакомой прачки, миссис Уинкшип.

XIV

Старый друг угощает и одевает меня

После миссис Уинкшип не было на свете человека, которого я любил бы больше ее племянницы Марты.

Она была такая добродушная женщина, что все наши соседи любили ее. Это, однако, не мешало всем, и взрослым и детям, называть ее «кривой» и «одноглазой». У нее действительно не было одного глаза.

Из всех мальчиков я один называл ее настоящим именем. Может быть, именно поэтому она оказывала мне особенное расположение. У нее всегда было для меня доброе слово, и много-много раз кормила и поила меня добрая Марта, когда я умирал с голоду по милости мачехи.

– Бедный мальчик! – повторяла она, выбравшись со мной из толпы. – До чего ты дошел! Пойдем со мной, несчастный малютка, расскажи мне все, что с тобой было.

– Мне нечего рассказывать, Марта, – отвечал я, но тут я заметил, что она меня тащит к тому переулку, где жил мой отец. – Я не пойду с вами, с меня довольно и того, что было в запрошлую ночь!

– Знаю, знаю все, бедняжка, и тетка знает, – отвечала добрая молодая женщина. – Уж как она тебя жалеет! Говорит: «Если бы я могла ходить, как другие женщины, я бы сама пошла отыскивать этого несчастного ребенка!» А вот теперь я и нашла тебя, да в каком виде!

Марта отерла себе глаза передником.

– Я ужасно голоден, Марта, – проговорил я, – я умираю с голоду!

Я заплакал, и мы оба стояли среди улицы и плакали.

– Пойдем, – вскричала вдруг Марта, – пойдем в наш переулок. Тетка говорила, что рада будет, если ты найдешь. Вот ты и нашелся.

– Нет, я не пойду домой, ни за что не пойду.

– Полно, не бойся, я проведу тебя к нам так, что никто не увидит. Да тебя и узнать-то трудно! – прибавила она, с состраданием оглядывая мою тощую фигуру. – Я сама узнала тебя только по голосу.

После некоторого колебания я, наконец, согласился идти с Мартой. Когда мы дошли до нашего переулка, она оставила меня в темном углу улицы Тернмилл, а сама пошла предупредить миссис Уинкшип и поглядеть заодно, не опасно ли мне будет идти.

Прошло несколько минут, мне показалось очень много, а она не возвращалась. Я уже начал думать, что миссис Уинкшип, вероятно, не хочет пустить меня, и, от нечего делать, вздумал пересчитать свои деньги.

Их оказалось четырнадцать пенсов. Какое богатство!

И это заработано меньше чем в полчаса! Положим, мне много помог добрый ирландец;

но, если я буду приобретать без него хоть вдвое, хоть вчетверо меньше, это все-таки выйдет 3/3 пенса в полчаса, 7 пенсов в час, шиллинг и 9 пенсов в три часа! Чудесно! Я начал желать, чтобы Марта не возвращалась. Но нет, она вернулась, неся что-то под платком, и объявила мне, что в переулке никого нет, и миссис Уинкшип ждет меня.

– А все же я лучше не пойду, – сказал я. – Пожалуй, мачеха выйдет из дома, пока мы здесь разговариваем. Благодарю вас, Марта, я уж лучше уйду подальше отсюда.

– Нет, нет! – вскричала она, загораживая мне дорогу. – Ты и так довольно шатался по улицам, я не пущу тебя больше, пойдем со мной, будь умница!, Я тебя так наряжу, что никто тебя не узнает! – С этими словами она вытащила из-под платка какую-то старую юбку и женскую шляпу, быстро надела их на меня и, взяв меня под руку, направилась к переулку с решимостью, которой я не мог сопротивляться.

Мы вошли к миссис Уинкшип в ту минуту, когда она спокойно наслаждалась порцией рома с горячей водой перед ярким огнем камина.

– Вот он, тетушка! – сказала Марта, снимая с меня юбку и шляпу.

– Это он! – вскричала миссис Уинкшип, устремляя на меня удивленный, почти испуганный взгляд. – Веселый маленький мальчуган, вылитый портрет своей покойной матери! Ай-ай-ай, в каком он виде! И все это по милости той рыжей пьяницы! Ну, уж попадись она мне в эту минуту, я бы своими руками исколотила ее. Посмотри-ка, Марта, на нем даже рубашки нет! Они ввали, что он одет в теплое и удобное платье из рабочего дома, а он...

Как кончила свою речь миссис Уинкшип, я не помню. Попав в теплую комнату и подойдя к огню, я вдруг почувствовал звон в ушах и головокружение. Ноги у меня задрожали, и я упал на пол. Обморок мой, вероятно, длился довольно долго, потому что за это время в положении моем произошли значительные перемены.

Я очнулся на диване, стоявшем в комнате миссис Уинкшип.

Вместо куртки и бумазейных брюк на мне были надеты: вязаная фуфайка, длинные, широкие штаны, вероятно, принадлежавшие когда-то мистеру Уинкшипу, и огромное полотняное одеяние, закрывавшее меня всего с ногами и, вероятно, служившее ночной рубашкой самой миссис Уинкшип. Я все еще чувствовал некоторое головокружение, однако мог приподняться и оглядеться кругом. Миссис Уинкшип стояла перед печкой и мешала что-то в небольшом соуснике, а Марта вошла в комнату и поставила на стол блюдо с тремя великолепными бараньими котлетами. При виде этого чудного кушанья я чуть не соскочил с дивана, но мне помешало длинное одеяние, опутывавшее мне ноги.

Миссис Уинкшип заметила это движение.

– Ну, что, молодец, ожил? – ласково, веселым голосом вскричала она. – Полно, голубчик, ободрись, чего это ты вдруг раскис?

Под этим она подразумевала: чего это я вдруг расплакался? В моих слезах она сама была виновата. Она поцеловала меня в лоб, а со смерти матери меня еще никто ни разу не целовал. При этом материнском поцелуе я не мог удержаться от слез. Миссис Уинкшип дала мне вволю наплакаться, а сама занялась приготовлением ужина.

Через несколько времени из блестящей голландской печки распространился необыкновенно приятный запах.

– Ну, что, готов ты, Джимми?

– Готов, благодарю вас.

– У меня было к обеду мясо, – ласковым голосом сказала миссис Уинкшип, взяв меня на руки и усадив в большое кресло перед столом. – Остатки я положила тебе в суп. Кушай, голубчик, да смотри, не оставляй ни кусочка, а в это время и котлеты поспеют.

Долго уговаривать меня было нечего. Суп показался мне изумительно вкусным. Но разве он мог утолить мой волчий голод! Я напал на него как на врага, которого следовало истребить как можно скорее, и пожирал его с такою быстротою, что миссис Уинкшип от изумления сдерживала дыхание.

– Вот до чего дошел! – воскликнула она с глубоким вздохом, когда миска с супом

оказалась пустою. – Это ему все равно что глоток воды!

И действительно, все, что я съедал, казалось мне крошечной порцией, но я не сказал этого миссис Уинкшип. Моя деликатность дошла до того, что, когда она у меня спросила, съем ли я еще баранью котлетку, я отвечал: «Пожалуй, только не целую, а маленький кусочек» – хотя мысленно пожирал в это время не только все котлеты, стоявшие в голландской печи, но и толстый кусок хлеба, которым я собирался дочиста подобрать весь жир с блюда. Впрочем, глаза мои оказались жаднее желудка. Съев одну котлету и несколько картофелин, я почувствовал себя совершенно сытым.

– А теперь, – сказала миссис Уинкшип, когда Марта убрала ужин и мы все трое спокойно уселись на диване перед камином, – расскажи нам, Джимми, по порядку все, что с тобой было в это время.

Я охотно исполнил желание миссис Уинкшип.

Я подробно рассказал ей всю свою жизнь с той самой минуты, как бежал из родительского дома и укусил за палец свою мачеху.

Когда я стал говорить о своих приятелях Рипстоне и Моулди и о том, как я принимал участие в их базарных похождениях, миссис Уинкшип разразилась бранью против моей мачехи, которая своей жестокостью чуть не довела меня до тюрьмы.

– Да ведь за кражу на базаре не сажают в тюрьму! – объяснил я ей. – За это сторож сам расправляется. Мне так Моулди говорил.

– Ну, твой Моулди просто дрянной лгунишка, скоро ты сам убедился бы в этом. Хорошо еще, что с тобой сделалась горячка, Джимми, и что она положила конец твоему воровству. Ведь ты больше уже не воровал?

– Нет, никогда! – отвечал я, решив умолчать об ананасе.

Рассказ о моем побеге из работного дома сильно насмешил миссис Уинкшип, а описание бесчестной проделки старьевщиков привело ее в ярость.

– Экие подлецы! – восклицала она. – Если бы я была мужчиной, я бы подкараулила их да задала им такую трепку, что чудо!

– Хорошо, что хуже ничего не было! – произнесла она со вздохом облегчения, когда мой рассказ был кончен. – Конечно, и то худо, что сын моей милой Полли сделался нищим, но могло быть и еще хуже!

– Как нищим? Милостыни я не просил! Когда Марта встретила меня, я пел.

– Ну, это все равно, я в этом разницы никакой не вижу, – решительным голосом отвечала миссис Уинкшип.

– Я не знал, что это все равно, – проговорил я смущенным голосом. – Я не хочу жить нищенством, я готов, пожалуй, бросить те четырнадцать пенсов, которые мне подали. Где они?

– Ты уж лучше и не спрашивай, где они, тебе таких денег не нужно, Джимми. Они сделают добро тому бедняге, которому посланы, тебе не след тратить их на себя. Что она сказала о грязных тряпках, которые ты ей снесла, Марта, вместе с деньгами?

– Она очень обрадовалась. Не знала просто, как и благодарить! Она сейчас же села выкраивать штанишки своему маленькому Билли.

Про какие это грязные тряпки они говорили? Неужели про мою куртку и мои штаны? Пускай себе маленький Билли пользуется и ими, и моими четырнадцатью пенсами! Должно быть, миссис Уинкшип намерена позаботиться о моей одежде. Тот костюм, в который она нарядила меня теперь, был удобен, в нем было очень тепло; однако я не мог показаться в нем на улице. Но, может быть, я ошибаюсь, может быть, они толкуют совсем не о моих вещах. Надобно было поскорее рассеять свои сомнения. Я подумал несколько минут, как бы деликатнее начать разговор, и наконец, заметив на камине большую пуговицу, спросил:

– Нужна вам на что-нибудь эта пуговица?

– Нет, а что?

– Да не худо бы пришить ее к моей куртке, там не было верхней пуговицы.

– Ну, чего еще вспоминать эту грязную ветошь! Ты никогда больше не увидишь ее,

Джимми.

– Никогда не увижу? – с испугом воскликнул я. – Как же это можно? Как же я останусь без куртки!

– Не беспокойся об этом, – сказала добрая женщина, глядя меня по голове, – у тебя будет куртка. Хорошо, если бы не было дела труднее, чем раздобыть тебе куртку.

– А что же такое труднее? – спросил я с любопытством. – Разве достать штаны труднее?

Вопрос мой сильно рассмешил старуху.

– Нет, и штаны не беда, Джимми, – сказала она, вдоволь нахохотавшись. – Главная трудность в том, что я с тобой буду делать? Оставить у себя невозможно: ты сам знаешь, какая поднимется суматоха, если тебя найдут здесь!

– Конечно, я не могу здесь оставаться, я сам этого боюсь, – поспешил я ответить.

– Хорошо бы отдать его к кому-нибудь в ученье, – спокойно произнесла Марта, продолжая свою работу.

Она штопала чулки.

– Хорошо-то хорошо! Да к кому отдать?

– Вот я думала... Только вы скажете: какое же это ремесло!..

– Что такое?

– Да отдать бы его в трубочисты к братцу Бельчеру, он ведь держит мальчиков.

– Превосходно! – с восторгом воскликнула миссис Уинкшип. – Вот это дело, так дело! Правда, Джимми?

Я из вежливости ответил:

– Да, конечно!

Но на самом деле я вовсе не разделял восхищения миссис Уинкшип. Конечно, если бы мне предложили сделаться трубочистом в прошлую ночь, когда я, голодный и иззябший, лежал на навозной куче, я, может быть, с радостью согласился бы. Но для мальчика, сытно поужинавшего, сидевшего на мягком диване и одетого в теплую фланель, лазанье по трубам совсем не представлялось приятным занятием.

– Как я рада, что эта мысль пришла тебе в голову, душа моя! – продолжала восхищаться миссис Уинкшип. – Лучше этого ничего и придумать нельзя. Во-первых, это – ремесло, которому научиться легко и которым можно заработать себе деньги, и очень порядочные деньги. Дик Бельчер прежде был такой же бедный мальчик, как Джимми, а теперь он ни в чем не нуждается. Во-вторых, он живет далеко отсюда, и, главное, чистка труб так меняет человека, что родной отец не узнает его, хоть встретится с ним носом к носу. Ну, это дело улажено. Завтра же утром, Марта, поезжай в Кемберуэл и привези с собой Дика Бельчера.

XV

Мой новый хозяин

Благодаря миссис Уинкшип, я мог бы спать в эту ночь очень удобно на мягком диване, под чистой простыней и теплым одеялом. Но на самом деле я долго, очень долго не мог уснуть. Я все думал о той судьбе, какая мне готовилась. И чем больше я думал, тем меньше хотелось мне поступать в ученики к трубочисту.

Я знал одного трубочиста, он жил по соседству с отцом. У него было двое учеников, и жизнь их представлялась нам, мальчикам, настоящим мучением.

Ученики жили у мистера Пайка – так звали нашего трубочиста – очень недолго. «Они беспрестанно менялись, и ни один из них не прожил у него больше года. Обыкновенно они или умирали, или убегали от него. На вид они все казались похожими друг на друга: все были грязные, черные, оборванные, глаза у них мигали и щурились при солнечном свете. У нас, мальчишек, ходили самые ужасные слухи о жестокости мистера Пайка. Мы были уверены, что он приучает своих учеников влезать в трубы так: один конец веревки он

привязывает к языку ученика, другой держит в руках, стоя на крыше, и, если ученик лезет недостаточно ловко и проворно, дергает со всех сил веревку.

А если мальчик замешкается в трубе, он зажигает горсть стружек, пересыпанных перцем, в печке, под ним. Раз он послал одного из своих учеников в трубу, и ученик не возвратился к нему.

Мы были вполне убеждены, что мистер Пайк зажег слишком много стружек и зажарил мальчика живьем. Правда, многие видали его недели две спустя в Шордиче и говорили, что он просто-напросто убежал.

Представляя себе все эти ужасы, я лежал без сна, пока на часах пробило двенадцать, потом час, потом два. Наконец я заснул и проспал до десяти часов. Миссис Уинкшип и Марта, вероятно, встали по своему обыкновению очень рано: они успели не только позавтракать, но и сходить в какую-то лавку готового платья.

Доказательство того, что они побывали в такой лавке, лежало у меня перед глазами. На стуле подле моей кровати разложены были: чистая рубашка, носки, крепкая суконная куртка и красивые полосатые брюки, под стулом стояла пара башмаков, несравненно лучше тех, какие выманил у меня мистер Берни, а на спинке стула висела фуражка. Я нисколько не сомневался, что все эти прекрасные вещи предназначались мне, и потому поспешил одеться и поздороваться с миссис Уинкшип. Добрая старуха очень обрадовалась, увидев меня в приличном наряде. Она принесла теплой воды вымыть мне руки и лицо, сама причесала меня своей собственной щеткой и напмадила мне волосы своей собственной помадой.

– Поглядишь-ка теперь в зеркало, Джимми, – сказала она весело. – Видишь, какой ты молодец, просто чудо!

– Это платье не очень похоже на то, которое носят трубочисты, – заметил я с гордостью, осматриваясь кругом и втайне надеясь, что она придумала для меня другое занятие. – Мне не хотелось бы в такой одежде лезть в трубу.

– Еще бы! – отвечала миссис Уинкшип. – Эту одежду ты можешь носить по праздникам, а для работы Бельчер даст тебе какие-нибудь лохмотья. Марта поехала в Кемберуэл и, должно быть, скоро вернется с самим Бельчером.

Марта действительно приехала вскоре после моего завтрака, но одна. У мистера Бельчера была сегодня работа на целый день, и он хотел приехать вечером в тележке на своей собственной лошади.

Известие о тележке и лошади несколько успокоило меня. Значит, мистер Бельчер не такой бедняк, как мистер Пайк.

Для безопасности я целый день пробыл в комнате.

В сумерках приехал Бельчер. Он нисколько с виду не походил на трубочиста: он был белый, а не черный, одет в коричневое пальто и щегольскую шляпу. Лицо его было такое же бледное, как у Марты, и рябое; желтые верхние зубы выдавались вперед, и губа не покрывала их. Вообще он не понравился мне. Марта не сказала ему, зачем он нужен, и теперь, когда миссис Уинкшип сообщила ему, в чем дело, он, видимо, остался не очень доволен.

– Сколько лет мальчику? – спросил он, оглядывая меня.

– Девять лет, десятый; не слишком ли он мал?

– Напротив, велик. Нашему ремеслу всего лучше учиться, пока кости гибки. Какой он чистенький мальчик! Жалко делать из него трубочиста.

– Как же тут быть? Кроме этого, мы ничего не можем для него придумать. Возьмете вы его, Дик?

– Дела-то у меня идут плохо, – неохотно отвечал мистер Бельчер. – Да и не знаю, довольно ли он тонок для фабричных труб...

Он вынул из кармана линейку и измерил мне плечи.

– Туго ему придется: он малый не жирный, похудеть больше не может, а я должен буду так его содержать, чтобы он не нажил себе лишнего кусочка жиру, не то – беда, завязнет где-нибудь в трубе. Этаким случаем был недавно на лесопильном заводе по дороге в Бермондси.

Труба там будет вышиной в девяносто восемь футов, а малый-то застрял ровно на половине, так он там и остался, пока...

– Полно вам врать пустяки, Дик, – сердито прервала миссис Уинкшип. – Небось, когда вы приходили просить у меня одолжения, я не охала да не выдумывала разных отговорок!

Этот намек на какое-то одолжение тотчас заставил мистера Бельчера переменить тон.

– Разве я говорю, что не возьму его? – оправдывался он. – Я говорю только, что у меня работы теперь не много, да и мальчики не больно мне нужны, раз я работаю машиной. А пусть он живет у меня, я его все-таки выучу нашему делу.

Таким образом, судьба моя была решена. Я буду трубочистом, мне грозит опасность завязнуть в какой-нибудь трубе. Этот гадкий рябой человек будет моим хозяином! Я чувствовал себя невыразимо несчастным.

– Когда же мне его взять? – спросил мистер Бельчер.

– Да хоть сейчас. Он готов, а мне очень хотелось бы, чтобы вы увезли его сегодня же до ночи.

– Пожалуй, мне все равно, – сейчас, так сейчас. Бери шапку, мальчик.

Мне стало ужасно досадно на миссис Уинкшип за то, что она хочет поскорей отделаться от меня, и я очень холодно отвечал на ее ласковое прощанье. Лошадь и тележка мистера Бельчера ожидали нас в конце переулка и были отданы под присмотр какого-то мальчика, которому мистер Бельчер обещал награду в полпенни. Когда мы подошли ближе, я увидел, что мальчик этот был не кто другой, как Джерри Пеп. Сердце мое сильно забилося, но, к счастью, Джерри был так занят мыслью о полпенни, обещанном ему мистером Бельчером, что не обратил на меня никакого внимания, и мы благополучно уехали.

Когда мы доехали до Кемберуэла и до того места, где жил мистер Бельчер, было уже поздно. Это была маленькая грязная улица возле канала. Все дома на ней показались мне ужасно убогими.

Впрочем, дом мистера Бельчера был выше и красивее всех. К дверям был привешен великолепный медный молоток.

Цифра, обозначающая номер дома, была тоже сделана из ковanej меди. На дверях стояла надпись: «Бельчер трубочист», а под блестящим медным звонком приколочена была дощечка со словами: «колокольчик трубочиста». Между окнами висела вывеска, изображающая целую картину: Букингемский дворец, из трубы которого вылетает столб огня, в окне дворца королева Виктория с короной на голове и с растрепанными волосами простирает руки к трубочисту, бегущему во дворец. На шапке трубочиста написано крупными буквами: «Бельчер». Часовой у ворот дворца кричит слова, написанные на ленточке, вьющейся вокруг его носа: «Бельчер, мы думали, что вы не придете! Принц Уэльский ездил за вами и сказал, что вы ушли на другую работу». – «Это правда, – отвечает Бельчер (также с помощью ленточки). – Я работал у герцога Веллингтона, но, услышав призыв королевы, я бросил там все в огне, и теперь я здесь».

Мальчик моих лет, такой же черный и оборванный, как ученики Пайка, услышав шум колес нашей тележки, выбежал из-за угла дома и взял лошадь под уздцы. Мистер Бельчер вышел из тележки, оставив меня в ней.

– Позвольте, я вам помогу, господин, – вежливо обратился ко мне маленький трубочист. – А, Впрочем, пусть лучше хозяин вынет вас, а то я, пожалуй, перепачкаю своими руками ваше платье.

– Какой же это господин! – рассмеялся мистер Бельчер. – Простофиля ты этакий! Это просто новый ученик.

– Новый ученик? Что ты, с ума сошел, что ли, Дик, для чего тебе понадобился новый ученик?

Слова эти были произнесены толстой неопрятной женщиной, вышедшей из дверей дома. На ее растрепанной голове примостился чепчик с пестрыми лентами, в ушах ее блестели серьги, но я тотчас по лицу узнал, что она родная сестра миссис Уинкшип.

– Понадобился? Нисколько он мне не понадобился, – проговорил мистер Бельчер. – Я

должен был взять его, чтобы не обидеть твою сестрицу. Войдем в комнату, я тебе все расскажу по порядку.

Затем, обращаясь к мальчику, он сказал ему, указывая на меня:

– Возьми его с собой в кухню, Сэм; я позову его, когда мне будет нужно.

Сэм взял лошадь под уздцы и провел ее кругом дома на большой двор, на одной стороне которого находился длинный черноватый сарай с двумя дверьми.

– Ну-ка, вылезай! – грубым голосом сказал мне Сэм, останавливаясь против одной из этих дверей. – Вот тут кухня. Смотри не шуми, как войдешь туда, а то, если разбудишь малого, что там спит, так сам не рад будешь. Я сейчас к тебе приду, только уберу лошадь. Не стучись в дверь, она не заперта; толкни – и отворится.

Я слегка толкнул грязную черную дверь, она в самом деле отворилась, и я вошел в кухню. Эта была очень темная комната, слегка освещенная огнем нескольких угольков, горевших под котелком.

Сначала я ничего не мог разглядеть, но понемногу глаза мои привыкли к темноте, и я различил возле огня с одной стороны стол и два стула, а с другой – какую-то черную кучу, из которой слышалось храпение. Я ступил несколько шагов вперед, стараясь не делать ни малейшего шума, как вдруг из черной кучи раздался лай, и на меня бросилась маленькая собачонка.

– Что ты ее дразнишь, Сэм! – послышался сердитый голос из той же кучи, – ведь она тебе ничего не делает. Да запирай дверь, гадкий бродяга: и без того у меня все кости болят, а ты выпускаешь ветру. Затворяй же дверь, проклятый мальчишка!

Приглядевшись пристальнее, я заметил, что из кучи приподнялась на колени какая-то фигура. Когда фигура возвысила голос, собачонка залаяла громче.

Я струсил.

– Это не Сэм, – проговорил я робким голосом, – это я.

– Да запирай же дверь!

При этих словах что-то вроде тяжелого сапога пролетело мимо моего лица и стукнулось в стену позади меня.

Я побоялся запереть дверь изнутри и остаться вдвоем с таким страшным субъектом. Я вышел из кухни и хотел припереть ее снаружи, когда явился Сэм, освещая фонарем свое веселое лицо.

– Чего же ты не шел в кухню? – обратился он ко мне. – Я же тебе сказал: толкни дверь.

Я рассказал Сэму, какой прием нашел в кухне.

– Пойдем, – смеясь сказал он и взял меня за руку своею черной рукой. – Паука нечего бояться: пока он успеет сползти со своих мешков, ты можешь добежать до заставы.

– Да я не собаки испугался, а того мужчины, который лежит на мешках около огня.

– Ну, это и есть Паук. Какой он мужчина! Пойдем же, ведь хозяин велел тебе быть на кухне!

Сэм отворил дверь и вошел, а я вслед за ним, стараясь ступать как можно тише, чтобы опять не рассердить фигуру на мешках.

– Кто это был здесь сейчас? – жалобным голосом спросил Паук. – Настучал, нашумел, напустил такого холода, что просто смерть! Видел ты его, Сэм?

– Кто был? Был один важный граф, сын лорда Флеффема, приезжал узнать о твоём здоровье и привез тебе мази от ревматизма. А ты взял да и пустил в него сапогом! Достанется тебе когда-нибудь за эту глупую привычку, право, достанется, Паук.

– Ох, я, право, не виноват, – застонал Паук, – у меня так болят все кости, а тут отворяют двери да ветру на меня выпускают. Неужели я его ушиб, Сэм?

– Не очень больно, он малый не обидчивый; вот он и сам.

Сэм поднял фонарь так, что калека мог ясно видеть меня. Я также рассмотрел бедняка. По росту это был мальчик лет шестнадцати. Он был одет в черные лохмотья и сидел, съежившись, на корточках, опираясь одною рукою на груды мешков, служившую ему постелью, а другою откидывая с глаз волосы.

– Простите меня, пожалуйста, сэр, – обратился он ко мне смиренным голосом, – я от боли иной раз сам себя не помню. Надеюсь, я вас не зашиб?

Прежде чем я мог ответить, Сэм разразился громким хохотом.

– Чудесно, великолепно! – воскликнул он. – Он и меня надул, только, конечно, не так хорошо! Дурачина ты! Совсем он не «сэр» и не сын лорда. Он просто мальчик, которого отдали сюда в ученье.

– В ученье? – с удивлением переспросил Паук. – Вот так штука!

– Что же тут удивительного? – вмешался я. – Отчего же я не могу учиться и сделаться трубочистом?

– Да чему же ты будешь учиться, когда у хозяина нет никакой работы и он совсем не чистит труб.

– Мне все равно, – беззаботно отвечал я, – я буду делать то, что другие мальчики! У вас у двоих какая работа?

– Паук совсем ничего не делает, – пояснил Сэм. – Хозяин давно бы отослал его, да нельзя: он взят по контракту на семь лет. А я по утрам хожу иногда с хозяином и с Недом Перксом на машинную работу, только это совсем пустячное дело. Все заведение держится ночную работой по деревням. Я езжу с хозяином и с Недом, присматриваю за тележкой.

– Что же это за работа по деревням? – любопытно спросил я. – Надо там лазать по фабричным трубам?

– Не знаю, куда там лазать, я думаю – никуда, – отвечал Сэм.

– И сажи они домой не привозят! Не понимаю, что это за поездки! – сказал Паук, снова морщась от боли.

Он лег на постель и начал охать и стонать. Прежде чем боль его сколько-нибудь стихла и мы могли продолжать интересный для меня разговор, раздался голос мистера Бельчера, звавшего меня к себе. С помощью Сэма я нашел дорогу к задней двери дома, и оттуда мой новый хозяин привел меня в гостиную.

Там сидела толстая смуглая женщина, которую я безошибочно принял за миссис Бельчер, а на столе расставлены были хлеб, масло и лук. Миссис Бельчер встретила меня не очень дружелюбно:

– Эй, ты, мальчик, как тебя зовут?

– Джим.

– На, поужинай, если хочешь. Это не какие-нибудь куропатки с яблочным соусом, которыми тебя, может быть, потчевали другие, но у нас лучшего не жди!

– Благодарю, – отвечал я примирительным голосом. – Я очень люблю хлеб с маслом и с луком.

– Еще бы! Я думаю, всякую еду любишь! Мало нам было, что одна праздная собака ела наш хлеб! Еще этого шалопа...

– Ну, полно, перестань! – остановил свою жену мистер Бельчер. – Ведь твоя сестрица не знала наших дел. Кабы все шло по-старому, нам бы нипочем взять к себе мальчика. А тебе, пожалуй, хотелось, чтобы я ей все рассказал.

– Вот выдумал! – вскричала миссис Бельчер. – Да по мне лучше с голоду умереть...

– А ты больше болтай при мальчишке, который только что приехал в дом! – с усмешкой проговорил мистер Бельчер. – Ешь себе, Джим, – прибавил он, обращаясь ко мне. – Хозяйка сегодня немножко не в духе, ей пора спать, она устала.

Я понял намек и поспешил скорее покончить с большим куском хлеба, отпущенным мне на ужин.

– Ну, теперь иди спать, – сказал мне мистер Бельчер, когда Я объявил ему, что готов. – Ты найдешь дорогу назад в кухню, там у меня спят все мальчики, там тепло и хорошо. Устрой себе отдельную постель, мешков хватит на всех вас. Прощай, утром можешь не вставать, пока тебя не позовут.

– Ты дал ему рабочее платье? – спросила миссис Бельчер.

– Ах, я и забыл. Вот оно, – сказал хозяин, подавая мне из угла черный узел. – Рубашку

и сапоги оставь свои, а остальное платье сверни хорошенько и принеси мне завтра утром.

Я взял узел, пожелал хозяевам спокойной ночи и отправился назад в кухню.

XVI

Паук и его собака. – Таинственная сажа

Огонь в кухне еще горел, фонарь был прицеплен к гвоздю, вбитому в одну из перекладин потолка. Паук лежал свернувшись, рядом со своей маленькой собачонкой, но Сэма я нигде не видел. Без него я не знал, куда и как мне лечь, и потому я искал его всюду глазами. Вдруг совсем близко от меня раздался сонный полусшепот:

– Смотри, кто последний ложится, тот и свечу тушит.

Я взглянул вниз и увидел Сэма. Он лежал на куче черных мешков; мешок, сложенный вдвое, служил ему подушкой; шапка его, вся замазанная сажей, была надвинута на уши так, что из всей его фигуры я мог рассмотреть только белые зубы и белки глаз.

Удивительно, как скоро человек привыкает к роскоши!

Если бы в запрошлую ночь, когда я дрожал от холода в телеге, кто-нибудь предложил мне переночевать в теплой кухне на куче мешков и для этого пройти семь или восемь миль, я согласился бы с радостью.

Теперь же, проспав одну ночь на диване у миссис Уинкшип, я уже с отвращением посматривал на грязную постель Сэма.

– Куда же мне лечь? – печальным голосом спросил я.

– Да, пожалуй, ложись вместе со мной, – предложил Сэм. – Возьми из этой кучи два мешка, один положи под голову, а в другой влезай сам. Только, смотри, не шуми, не разбуди Паука, а то он будет всю ночь стонать, не даст нам покоя.

Я рассчитал, что, так как мы с Сэмом будем лежать в разных мешках, то я могу лечь вместе с ним, не особенно нарушая приказание хозяина. Поэтому я быстро разделся, натянул на себя грязные штаны из связки мистера Бельчера, приготовил себе «подушку», погасил фонарь и через минуту лежал на груде мешков.

Правда, от сажки шел сильный запах, но этот запах не помешал мне заснуть очень скоро и очень спокойно.

Было почти темно, когда меня разбудил лай собачонки Паука. Я увидел, что Сэм встает на работу, а Нед Перкс отдает ему какие-то приказания, держа дверь открытою, несмотря на стоны и жалобы Паука.

Через несколько минут Нед и Сэм ушли, а я, помня слова хозяина, что мне незачем вставать, пока меня не позовут, продолжал лежать. Вдруг я услышал, что Паук говорит сердитым голосом:

– Ты нисколько не лучше других! Ну, чего ты валяешься, точно теперь полночь, а не шесть часов утра? Ты небось здоров, так тебе и дела нет до больных. Чего ты меня лижешь? Не лизать надо, а вставать скорей да сделать что следует! Ну, вставай же, ленивец! Постой, я тебя заставлю встать!

При этих словах раздался звук удара, затем внезапный визг, собака подбежала к дверям и начала царапать их.

– Ишь, что значит здоровые ноги! – проворчал Паук. – Как бежит!

Он слез со своих мешков и, охая, потащился за собакой.

– Чего ты торопишься, скотина? Хочешь усердие свое показать? А вчера, помнишь, что ты со мной сделала? До девяти часов оставила меня без огня! Смотри, сегодня будь умней! Нечего тебе меня лизать! Хочешь быть моим другом, так служи мне как следует! На вот, понюхай это! Иди и, смотри, возвращайся скорей. Коли ты и сегодня сыграешь со мной такую же штуку, как вчера, я тебя убью, право, убью.

Я не мог разглядеть, что такое Паук давал нюхать своей собачонке, я видел только, что он ее выпустил из дверей, а сам, охая, опять улегся на свои мешки.

Мы пролежали таким образом с четверть часа, Пауку надоело, должно быть, ждать

своего четвероногого слугу, он начал бранить собаку и несколько раз приотворял даже дверь, чтобы посмотреть, не возвращается ли она. Наконец послышалось легкое постукивание собачьих лап, а затем царапанье в дверь.

Паук отворил дверь, и в комнату вбежала его собачонка, неся что-то в зубах. Я тотчас увидел, что это была обглоданная баранья кость. Но Паук, должно быть, не мог разглядеть ее своими слабыми глазами.

– Иди, иди сюда, дрянная собачонка, – обратился он к собаке. – Довольно ты шалила, столько времени бегала за одной палочкой! Ну, да делать нечего, палка толстая, хорошая, давай ее сюда! Пинч, голубчик Пинч, иди же сюда!

Но собака и не думала слушаться своего хозяина.

Она стрелой пробежала мимо него, забила в дальний угол комнаты и легла там на свою добычу. Бедный Паук бесновался, он пробовал подойти к упрямой собаке, но едва он сделал несколько шагов, как больные ноги изменили ему, и он упал на пол. Тогда, стоя на коленях, он принялся осыпать собаку отчаянными ругательствами. Гнев хозяина увеличивал робость Пинча, и он не двигался из своего угла. Наконец Пауку удалось как-то на четвереньках добраться до собаки, Он замахнулся, чтобы изо всей силы ударить Пинча, но тот быстро отскочил в сторону, оставив свою добычу.

– Ах ты, проклятый пес! – вскричал Паук, увидев обглоданную кость. – Так это-то ты притащил? Тебя посылают за деревом, а ты таскаешь кости? Постой же, я с тобой разделаюсь, только бы мне тебя поймать!

И он, продолжая браниться, принялся ползать за собакой.

Я не мог больше притворяться спящим. Я приподнялся и спросил у Паука, чего он сердится.

– Я ей покажу, как только поймаю ее! – отвечал он, продолжая преследовать собаку. – Я сказал, что убью ее, и убью непременно! Подержи-ка ее, пожалуйста!

– Да что она такое сделала? – спросил я, пытаюсь поймать собаку, которая, как стрела, промчалась мимо меня.

– Что она сделала?! – отвечал Паук, едва переводя дух от усталости. – Она просто смеется надо мной. Она знает, что я не могу развести огонь, пока она не принесет мне дров. Это ее работа каждое утро, И что же? Вчера она мне принесла три грязных мокрых щепки, которые никуда не годились. Я ее простил, Сегодня дал ей нарочно понюхать хороший сухой кусок дерева, чтобы она -поняла, что мне нужно, а она отправилась прогуливаться, набрала себе костей, да еще смела притащить их сюда! Теперь она будет глодать их, а я должен сидеть без огня, пока Сэм вернется домой, значит, часов до десяти, до одиннадцати, а у меня все кости ноют, мне так тяжело.

Гнев бедного калеки сменился печалью, он заплакал и стал тереть глаза своими замазанными руками.

– Полно, не плачь, товарищ, – сказал я, сильно тронутый его несчастным положением, – у нас будет огонь: я сейчас схожу и попрошу углей у мистера Бельчера; ведь он даст, не правда ли?

– Он-то дал бы, да она не даст, – шепотом проговорил Паук. – Если она узнает, что я развожу огонь прежде, чем мальчики возвращаются с работы, она просто убьет меня. Оттого-то я и должен пускаться на такие хитрости для добывания дров.

– Ты мне скажи только, где здесь поблизости лавка, – сказал я, – мы достанем себе огня, у меня есть полпенни.

В прошлую ночь, когда я уезжал от миссис Уинкшип, она сунула мне в руку шестипенсовую монету.

– Как, ты купишь углей на полпенни! – вскричал Паук, и тусклые глаза его осветились радостью. – Лавка тут близехонько, сейчас за углом. А только знаешь что? Может, у тебя найдется и еще полпенни?

– Найдется, а что?

– Да вот кабы нам заварить себе горячего кофейку! Это такая прелесть, когда все кости

болят! У меня и котелок есть, мы бы в нем и заварили.

Если бы мне пришлось истратить на кофе все 5/2 пенсов, которые должны были остаться у меня от покупки угля, я и тогда не мог бы устоять против умоляющего взгляда Паука.

Через десять минут я вернулся с покупками, и через час мы с Пауком уже сидели у дымившегося котелка. Я пил кофе из черепка разбитого глиняного кувшина, а он черпал старой железной ложкой прямо из котелка, заменявшего нам кофейник. Горячий напиток успокоил боль бедного Паука, он повеселел, разговорился и рассказал мне свою историю.

Он был сирота и с детства жил в работном доме, Четыре года тому назад его отдали в ученье к мистеру Бельчеру. Целый год дело шло хорошо, Тобиас (таково его настоящее имя) был очень ловок и проворен, за что и получил прозвание Паука, а мистер Бельчер кормил, одевал его и обучал ремеслу. Но в один несчастный зимний день мистера Бельчера позвали вычистить котел паровой машины, долго стоявшей без употребления. Пауку пришлось залезть в котел и пролежать почти целый день на промерзшем железе, очищая и выскребывая заржавленную внутренность котла. После такой работы мальчик простудился, у него сделался ревматизм в ногах, он не мог не только чистить трубы, но даже просто стоять или ходить. Мистер Бельчер поселил его у себя в кухне. Он должен был прислуживать другим ученикам, варить им кофе на завтрак и кашу на ужин. Когда дела хозяина пошли худо и он был принужден распустить своих учеников, Тобиас остался без дела, но мистер Бельчер все-таки обязан был кормить его до истечения семилетнего срока, обозначенного в контракте.

– А много дают тебе есть? – спросил я.

– Ну, конечно, не столько, сколько я хочу. Да что, я жаловаться не могу: за что меня и кормить-то, если я ничего не делаю? А, впрочем, послушать Сэма, так мне и здоровому пришлось бы сидеть без работы. Он говорит, что они иногда все вместе в неделю одного фунта не заработают.

– Они ведь, кажется, много получают за ночные работы по деревням? – спросил я.

– Удивительно! – продолжал Паук, не расслышав моего замечания: – Всего по фунту в неделю зарабатывают, а беспрестанно обновы себе шьют. Одной лошади мало стало, другую купили, да еще какую хорошую! Сэм говорит – бежит просто как паровоз.

– Ну, что же, – заметил я, – иметь лошадь да тележку – дело выгодное.

– Да дело-то в том, – понижая голос сказал Паук, – что они эту лошадь держат целый день в конюшне под замком.

– Так они ее украли?

– Какое! Сэм видел сам, как они за нее заплатили тридцать фунтов чистоганом.

– И никогда на ней не ездят?

– Днем никогда. Они запрягают новую гнедую лошадь только по ночам. Тс! Ты никому не говори, что я тебе сказал.

– Отчего? Разве это секрет, что у хозяина есть гнедая лошадь?

– Нет, секрет не в том, а в том, куда они на ней ездят.

– Как куда? Да на ночные работы. Ты же сам говорил, что это дело выгодное!

– Да, выгодное! Деревенские трубы часто приходится чистить, и сажи в них нет, по крайней мере обыкновенной сажи, – проговорил Паук, с недоумением качая головой.

В эту минуту в кухню вошел Сэм и своим приходом положил конец нашему таинственному разговору.

Я скоро узнал, что Паук и Сэм говорили правду и что действительно, живя у мистера Бельчера, мне трудно было выучиться ремеслу трубочиста. Мне почти совсем нечего было делать. Редко случалось, чтобы у мистера Бельчера и Неда Перкса была работа, и тогда Сэм шел с одним из них, а я с другим. Возвращались мы домой обыкновенно часов в 10, в 11 утра, да и та небольшая работа, какую мне приходилось делать, была вовсе не утомительна. Я переносил часть машины, когда мы переходили из одного дома в другой, передавал палки мистеру Бельчеру, чтобы он их свинчивал; связывал их в пучок, когда они были развинчены, и, наконец, подметал пол кругом печек, когда работа была кончена. После завтрака я мог

делать что хочу, и так как меня кормили хорошо, я вовсе не тревожился этим отсутствием всяких занятий.

Мистер Бельчер, по-видимому, также не хлопотал о том, чтобы достать себе побольше работы.

– Хозяин! – сказал я ему, когда мы однажды утром шли на работу. – Окна всюду закрыты, и никто не знает, что идет трубочист. Хотите, я буду кричать: «Трубочист, трубочист!» У меня сильный голос, многие меня услышат, и у нас будет вдесятеро больше работы.

– Не нужно, Джим, – важно ответил мистер Бельчер. – У меня на дверях есть вывеска, и всякий, кому понадобятся мои услуги, может обратиться ко мне.

У него всегда было много денег в кармане. Утром он вместе с мистером Перксом пил ром, а вечера проводил в трактире, где курил трубку и пьянствовал.

Раза два в неделю они отправлялись на ночные работы и всегда брали с собой Сэма. Сэм очень любил эти поездки: перед отъездом его всегда кормили вкусным ужином и давали ему рюмочку рома.

Мистер Бельчер и Перке отправлялись вдвоем, в рабочем платье, и брали с собой машину для чистки труб и длинный мешок с инструментами, другой мешок пустой, фонарь и бутылку с водкой.

Возвращались они домой иногда часа в два, иногда в четыре. Сэм рассказывал, что иногда работа оказывалась уже сделана кем-нибудь другим или что ее почему-нибудь нельзя исполнить в этот раз, тогда они возвращались с пустыми руками. Когда же работа удавалась им, они привозили домой полный мешок сажки. Тотчас по приезде они отправляли Сэма спать, а сами еще долго возились в конюшне, вероятно, ухаживая за дорогой лошадей мистера Бельчера.

Нас, мальчиков, особенно интересовал вопрос: куда девается сажа из деревенских труб?

– Как ты думаешь, Сэм, – спрашивал я, – куда они прячут эту сажу?

– Не знаю, – отвечал Сэм. – Нед Перкс стаскивает большой мешок, наполненный сажкой, в конюшню, а после она куда-то исчезает.

– Неужели Нед берет сажу с собой? – недоумевали мы. – Ведь у него нет заведения для чистки труб.

Нед Перкс не жил у Бельчера. У него был свой дом на Ньюгетской дороге, и по окончании работы он по большей части уезжал туда в маленькой тележке.

– И почему это собачонка Паука так беспокоится, когда Перкс остается ночевать у Бельчера? – говорил я.

– Я думаю, она не любит Перкса, – отвечал Сэм, – а может быть, ей не нравится запах деревенской сажки? Нед, вероятно, все же забирает ее с собой, когда уезжает. Пинч так визжит и воеет, когда Нед ночует здесь, что нельзя уснуть.

– Может быть, он чует крыс, – заметил Сэм, когда Пинч бесновался сильнее, чем всегда, и рыл лапами землю у стены, отделявшей кухню от конюшни. – В конюшне водятся крысы.

– Нет, это не крысы, – шепотом отвечал Паук, заставив собаку и ласками и угрозами лежать смирно. – Дело в том, что Перкс не уехал и не уедет сегодня, это ужасно! Правда, Джим?

– Ужасно потому, что твой Пинч так возится, – отвечал я.

– Джим, – проговорил Паук через несколько минут молчания, – ты знаешь что-нибудь о собаках? Они ведь умные, много понимают, правда?

Мне очень хотелось спать, но я жалел Паука, который, очевидно, страдал бессонницей и хотел поговорить со мной. Я рассказал ему две – три слышанные мною истории об уме собак.

– Да, иной раз они еще умнее бывают, – отвечал он, когда я кончил свои рассказы, – Слыхал ты что-нибудь об акулах, Джим?

- Нет, ничего.
- Эти акулы очень забавные твари: если на корабле умирает матрос, они плывут за кормой, чтобы съесть его, когда его выбросят в море.
- Перестань, Паук, я не хочу слушать такие истории! Чего ты меня пугаешь? Коли тебе хочется разговаривать, я, пожалуй, готов поговорить о собаках, но уж только не о мертвецах.
- Я только хотел сказать, что у собак такой же ум, как у акул, Джимми, только они этому не радуются, а боятся: как почуют, так и завоюют.
- Что почуют?
- Ну, ведь ты не хочешь, чтобы я об этом говорил. Вот так же, как акулы, и...
- Ну, довольно, я не хочу больше с тобой говорить. Прощай, я спать хочу.
- На другой день, идя с мистером Бельчером на работу, я как-то к слову повторил ему рассказ Паука об акулах. Он рассмеялся, а потом спросил:
- С какой же стати рассказал он тебе эту историю? О чем шла у вас речь перед тем?
- Я рассказал о странном поведении Пинча и передал весь наш разговор с Пауком. Мистер Перкс был также при этом. Они с хозяином как-то странно переглянулись и услали меня прочь. В эту ночь собака Паука исчезла и не возвращалась домой к великому горю своего хозяина.

XVII

Желание мое исполняется

Я прожил недель шесть у мистера Бельчера. Вдруг в одну субботу, вечером, Сэм пришел в кухню и сообщил нам, что мистер Бельчер выписал его мать из Доретшира. Она приехала, долго о чем-то разговаривала с хозяином, в заключение разговора согласилась уничтожить контракт и взять Сэма домой.

В понедельник он должен был уехать с нею вместе.

– Теперь тебе хорошо будет, Джим, – сказал Сэм. – Ты будешь ездить с хозяином на ночные работы, а он за всякую поездку дает по шести пенсов, чтобы берегли его секрет.

– Что же, я очень рад, – отвечал я. – Я привык держать секреты. А что, трудно удержать этот хозяйский секрет, Сэм?

– Нет, очень легко, хозяин сам тебе его скажет.

– Нет, уж ты будь добрым товарищем, скажи мне прежде.

– Пожалуй, только не рассказывай ни Пауку, ни другим мальчикам.

– Нет, как можно!

– Ну, пойдем во двор, а то здесь Паук услышит.

Мы вышли.

– Ты как думаешь, Джим, какую сажу привозят они по ночам в большой телеге?

– Как какую? Из труб, я думаю, а то откуда же?

– Из труб, конечно, да из каких? Слушай, Джим, Мы привозим сажу из церковных труб!

– Ну, так что же такое? Что за беда, что из церковных?

– Тс! Тише! Видишь ли, есть такой закон, по которому нельзя чистить церковные трубы, а уж если чистить, так надобно тайком. Кто на этом деле попадет, того накажут, ужасно накажут! Вобьют острые спицы в живот и будут таскать по дорогам. Вот почему они эту работу делают ночью, крадутись.

– Ну, а если поймают того мальчика, который стережет у них лошадей, его тоже накажут? – спросил я.

– Нет, как можно! Он ни в чем не виноват! Наказывают только тех, кого поймают за работой. Видишь, я думаю, вот отчего это. Верно, по закону церковные трубы должен чистить священник, а он поручает это дело дьячку, а дьячок сторожу, а сторож уж от себя нанимает трубочиста. И деньги он, конечно, платит хозяину хорошие, потому дело опасное, да и за сажу ничего нельзя получить.

– Отчего же? Разве это не такая сажа, как везде?

– Такая же самая, только ее нельзя продавать, это строго запрещено законом. С хозяина берут клятву, что он не станет торговать ею. Нед Перкс берет ее и зарывает у себя в огороде. Вот тебе и весь секрет. Мне сказал его хозяин и тебе скажет, а чтобы ты не болтал, он будет давать тебе по шести пенсов за каждую поездку.

Все это Сэм рассказывал мне совершенно серьезно, и я вполне поверил ему. Наконец-то узнал я настоящий секрет! И какой еще секрет! Совсем необыкновенный, точно представление в Шордичском театре.

Страшное наказание, которому, по словам Сэма, подвергались трубочисты, чистившие церковные трубы, нисколько не пугало меня.

Напротив, опасность предприятия придавала ему еще большую прелесть в моих глазах, и я боялся одного, что, пожалуй, мистер Бельчер возьмет вместо Сэма не меня, а кого-нибудь другого.

Я обратился к Пауку и спросил у него, как он думает, кто теперь будет ездить с хозяином на ночные работы.

– Как кто? Известное дело, ты! Не меня же они возьмут с собой; я живой домой не доеду! – решительно отвечал Паук.

Этот ответ не успокоил меня: мистер Бельчер очень тяготился Пауком, и я думал, что, пожалуй, он нарочно станет возить его с собой, чтобы поскорее уморить.

Паук, правда, не мог ходить, но он мог сидеть на козлах и держать вожжи, а этого было довольно. Впрочем, сомнения мои скоро прекратились. В воскресенье вечером мистер Бельчер позвал меня к себе в гостиную и, поболтав о том, о сем, прямо объявил мне, что будет брать меня вместо Сэма для ночных поездок. Он не рассказал мне своего секрета, сказал только, что работы производятся по деревням и что о них не следует никому болтать.

– У всех хозяев, которые держат учеников, – сказал он мне, – есть свои секреты. У меня также есть секрет, я открою его тебе после, и, если ты станешь хранить его, тебе же будет лучше. У Сэма всегда, водились денежки в кармане, и он знал вкус таким кушаньям, которых другим мальчикам и понюхать не удастся. Ты меня понимаешь, Джим?

– Конечно, понимаю, – с радостной готовностью отвечал я.

– С другой стороны, – продолжал хозяин, – как ты думаешь, что бы я сделал с Сэмом, если бы он стал болтать о моих делах?

– Я думаю, ему плохо пришлось бы, сэр, – отвечал я, робея при виде сердитого лица хозяина.

– Да, плохо, так плохо, как, верно, не приходилось ни одному мальчику! Я просто взял бы его за горло, вот так, и задушил бы его тут же на месте.

Говоря эти слова, мистер Бельчер стиснул мне горло своими длинными пальцами так крепко и посмотрел на меня так свирепо, что я совсем струсил.

Он, однако, скоро успокоился.

– С Сэмом этого не случилось, – продолжал он прежним дружелюбным голосом. – Он был добрый, понятливый мальчик и за то получал от меня не побои, а пенсы. Теперь довольно. Я не скажу тебе сегодня ничего больше, ты сам увидишь, в чем состоит мой секрет, завтра ночью, если луна не будет светить.

На этом кончился наш разговор. Я поужинал вместе с хозяевами, и меня отпустили в кухню, напомнив, чтобы я не проговорился Пауку.

Весь следующий день я был в таком волнении, что не мог даже обедать. Будет луна или нет? Этот вопрос не давал мне покоя. Я не имел никакого понятия о движении луны и считал появление ее на небе делом случайным. Под вечер Паук возбудил во мне надежду.

– Косточки мои, бедные косточки! – жаловался он. – Опять разболелись! Наверное, к ночи будет дождь.

Действительно, в сумерки пошел дождь, а к ночи погода испортилась совсем. Миссис Бельчер позвала меня ужинать, как обыкновенно звала Сэма перед отправлением в ночную экспедицию.

Ужин был обильный и роскошный: он состоял главным образом из рубцов, жареных в масле, и из тертого картофеля. За столом сидели, кроме меня, мистер и миссис Бельчер и Нед Перкс. Когда мы кончили есть, миссис Бельчер по приказанию своего мужа сделала мне полстакана горячего грога, и я мужественно выпил его, хотя слезы навернулись у меня на глаза от этого крепкого напитка. Мистер Бельчер и Нед Перкс также вдоволь угостились водкой, и мы вышли во двор, где уже стояла телега с запряженною в нее гнедою лошадию.

Хозяин и Перкс накинули себе по мешку на плечи в защиту от дождя и уселись рядом в телеге, а я закрылся попоной и уютно уместился у них в ногах. Кроме нас, в телеге помещалась машина для чистки труб и мешок с какими-то инструментами, о которых я, так же как и Сэм, мог только сказать, что они звякают (хотя и старался втихомолку ощупать их рукою сквозь толстую ткань мешка).

Я не имел ни малейшего понятия о том, куда мы ехали, но все равно поездка доставляла мне необыкновенное удовольствие. Мы мчались ужасно быстро, кругом все было темно, дождь лил как из ведра; мне представлялось, что впереди нам грозят страшные опасности, но я не боялся их, напротив, мне хотелось, чтобы они скорей настали.

Мы проехали, наверное, миль десять, когда мистер Бельчер поворотил к колоде, стоявшей возле дороги, и остановился напоить лошадь.

– Не знаю, как вы, Нед, – сказал он, – но я промок до костей. Надо бы нам немножко выпить, чтобы согреться.

– Пожалуй, выпьем и пошлем мальчика купить еще бутылку в этом кабачке.

Они достали бутылку, напились сами, дали мне также добрый глоток крепкой водки и послали меня в кабачок долить бутылку.

Когда я вернулся с водкой, мистер Бельчер опять погнал лошадь, и мы понеслись вперед скорее прежнего.

– Жаль, что мы не захватили еще мешка, – проговорил Нед Перкс. – Меня ужасно мочит дождь.

– Да ведь у нас есть еще длинный мешок, Нед, – отвечал хозяин. – Закройтесь им.

– Закройтесь-то можно, да...

– Да что? Вы боитесь, что тот, для кого он приготовлен, простудится? – смеясь, заметил мистер Бельчер.

– Ну, этого, положим, нечего бояться, – отвечал, также смеясь, Нед. – Дай сюда этот мешок, Джим.

Я подал ему длинный мешок, лежавший подле меня на дне телеги, и в первый раз почувствовал какой-то смутный страх. О ком они говорят? Ведь этот мешок предназначается для сажи? Кто же может простудиться?

Сильный дождь все продолжался, когда мистер Бельчер остановил лошадь.

– Ну, – обратился он ко мне, – теперь я расскажу тебе часть своего секрета. Видишь там эту церковь?

Я взглянул в темноту по тому направлению, куда он мне указал, и с трудом различил туманный очерк церковной колокольни, а около нее другие низкие сероватые фигуры, должно быть, надгробные памятники.

– Мы пойдем туда чистить трубы, – прошептал он. – Мне некогда рассказывать тебе все подробности; одним словом, чистить трубы в церквях нельзя у всех на глазах, понимаешь?

– Понимаю, сэр, – не совсем смелым голосом отвечал я.

– Ты, должно быть, промок да и спать хочешь, – добродушно заметил хозяин. – Возьми хлебни еще глоток водки, это тебя оживит.

С этими словами он поднес бутылку к моим губам.

Глоток водки действительно оживил меня, и я снова вполне поверил, что мистер Бельчер идет чистить трубы в церкви.

Спутники мои вылезли из телеги и, подведя лошадь к группе деревьев прямо против калитки, остановились.

– Вылезай, Джим, – прошептал хозяин, – и стой подле лошади, пока мы кончим работу.

Мы управимся скоро. Слышишь, на церковных часах бьет двенадцать? К половине первого мы вернемся, и я дам тебе за труды. Ты теперь молодцом, правда?

– Да, сэр, благодарю вас, – отвечал я бодро.

– Тебе не страшно, что здесь так близко кладбище?

– Нет,нисколько! – И я засмеялся, чтобы убедить его в своей храбрости. Тогда Нед вынул из тележки инструменты, мистер Бельчер зажег фонарь, они вместе вошли в калитку, отправились по дороге в церковь и почти в ту же минуту исчезли в темноте.

И вот я ждал, держа гнедую под уздцы. Дождь лил как из ведра, и я промок до костей, потому что теперь попоной была покрыта лошадь. Я ничего не видел перед собой, кроме неясных очертаний маленьких сероватых фигур на кладбище и большой серой колокольни; я ничего не слышал, кроме шума дождя, барабанившего по листьям деревьев, по доскам телеги и по грубой попоне, накинутой на спину лошади. Невесело мне было стоять в такую погоду одному, в полночь, среди непроглядной тьмы, у ворот кладбища, но я утешал себя мыслью, что это скоро кончится. Они скоро вернуться с сажей, я получу свою шестипенсовую монету, лошадь во весь дух побежит назад домой, я заберусь в свою теплую постель, и мне будет очень весело вспоминать обо всем этом.

На часах пробило четверть первого. Значит, прошла только половина времени, назначенного мне мистером Бельчером. Я начал чувствовать беспокойство.

Ведь привидения не существуют на самом деле, это все бабьи сказки, а между тем мне становилось как-то жутко на сердце, и я беспрестанно поглаживал лошадь, чтобы услышать хоть ее ржанье. Вот на часах пробило половина первого.

«Теперь все кончено, – подумал я, – через минуту они вернутся».

И минуту, две, три, четыре глаза мои были устремлены на церковную дорожку в надежде увидеть Неда Перкса с мешком сажки. Но он не приходил, никто не приходил, ничего не было видно. У меня начали стучать зубы, и меня охватила прежняя робость. Я поглаживал лошадь, я называл ее разными ласковыми именами, но она стояла неподвижно, как надгробная статуя.

«Гу, гу, гу!» Это был, вероятно, крик филина, но я перепугался до того, что не мог больше выдержать. Я решил пройти несколько шагов по тропинке и прислушаться, не идет ли хозяин. Я подложил камни под колеса тележки, чтобы гнедая не вздумала увезти ее, и пошел. Кругом было так темно, что я ничего не видел за три шага и должен был ощупать землю ногами, чтобы не сбиться с дороги. Я шел все дальше; вдруг нога моя наткнулась на что-то большое и твердое. Я вздрогнул и отшатнулся, но через минуту собрался с духом и ощупал испугавший меня предмет.

Каково же было мое удивление, когда оказалось, что это была наша машина для чистки труб! Сначала мне пришло в голову, что хозяин и Нед стоят где-нибудь поблизости и спустили машину на землю лишь затем, чтобы немножко отдохнуть; но напрасно я присматривался, напрасно я прислушивался: ничего не было ни видно, ни слышно.

Вдруг около самой церкви блеснул луч фонаря, и я заметил, что его свет приближается ко мне. Я побежал без шума назад по дорожке, вынул камень из-под колес и, как ни в чем не бывало, стал подле лошади.

Прошло еще несколько минут ожидания, и наконец в нескольких шагах от меня обрисовались две фигуры, Нед сгибался под тяжестью большого мешка, а мистер Бельчер нес инструменты, в том числе и машину. Они остановились у калитки, и мистер Бельчер спросил тихим голосом:

– Все благополучно, Джим? Никто не приходил? Никто с тобой не говорил?

– Никто, – отвечал я.

Они начали укладывать мешок с сажей в тележку и на минуту открыли свой потайной фонарь. По виду они скорей походили на землекопов, чем на трубочистов. Их руки, ноги и все платье были перепачканы глиной, комья глины покрывали и мешок с сажей. Когда мешок был уложен, они оба выпили водки, и мне хозяин также дал несколько глотков.

– Пей смело, мальчик, – сказал он, – от этого вреда не будет. Ты у меня молодец, вот

тебе за это шиллинг.

Он дал мне монету, а мистер Перкс ласково погладил меня по голове.

– А как мы поедем назад? – спросил Нед. – Мальчику, я думаю, лучше сесть между нами?

– Нет, – отвечал мистер Бельчер. – У меня уже лежит один в ревматизме; пожалуй, и этот также простудится. Полежай на дно, Джим; попону мы положим себе на колени, одним ее концом ты можешь прикрыть себе плечи. – И он протиснул меня вниз, в угол тележки.

– Не клади голову на мешок с сажей, – заметил мистер Перкс. – Он мокрый, ты себе простудишь уши.

Усевшись как следует, мистер Бельчер ударил кнутом лошадь, и она помчалась, как будто радуясь тому, что может, наконец, расправить свои иззябшие ноги.

Странный ужас, охвативший меня, когда я сделал удивительное открытие на церковной тропинке, все возрастал. Ясное дело, что мистер Бельчер ездил вовсе не затем, чтобы чистить трубы; он даже не брал с собою в церковь машину, он оставлял ее на дороге. А между тем мешок был полон. Полон, но чем? Как узнать? Мистеру Перксу не надо было и предупреждать меня, чтобы я не ложился на мешок: этот мешок внушал мне такой ужас, что я не смел даже взглянуть на него. А между тем любопытство мучило меня сильнее и сильнее, Нужно было узнать истину во что бы то ни стало. Осторожно вытянул я ногу и ощупал мешок: он оказался мягким. Может быть, это в самом деле сажа? Нет, недоумение слишком мучительно, я должен знать правду, В кармане моем лежал складной нож. Я вытащил его, осторожно раскрыл и, наклонившись к мешку, быстро, одним ударом, прорезал большое отверстие. О, ужас!

На мою руку, еще державшую ножик, вывалилась чужья рука, холодная как лед! Я громко крикнул; испугавшись этого крика, лошадь рванулась вперед быстрее прежнего, я же вмиг перескочил через задок повозки и со всего размаха шлепнулся в грязь. Лицо мое было разбито, но ноги остались целы и невредимы.

Я побежал вперед.

Сзади раздавался мужской голос, Я слышал топот чьих-то дюжих ног.

За мною была погоня.

XVIII

Сцена более страшная, чем все представления в театре

– Воротись! – кричал мне Нед Перкс. – Воротись! Если ты не остановишься и не перестанешь кричать, я сверну тебе шею!

Как я мог остановиться? Я был убежден, что мистер Бельчер убийца, и верил, что Нед Перкс свернет мне шею. Я бежал, едва переводя дух, беспрестанно спотыкаясь и шлепая по жидкой грязи дороги, но всетаки успел несколько раз крикнуть «караул». Вдруг раздался свист мистера Перкса, а затем топот гнедой.

Конечно, на лошади они меня в минуту догонят. Дрожа от страха, я залез в канаву и лег там на живот. В канаве была вода, так что я должен был подпираться локтями, чтобы держать лицо над водой. Густая трава и кусты росли с обеих сторон ее и совершенно закрывали меня.

Через несколько секунд Нед Перкс добежал до того места, где я лежал, и мистер Бельчер нагнал его в повозке.

– Поймали? – тревожно спросил он у Неда.

– Да он не мог далеко убежать, – отвечал он. – Удивительное дело! Что это с ним сделалось?

– Надо его скорей поймать, Нед, – сказал хозяин, – он может выдать нас, он все открыл, смотрите сюда!

Он навел свет фонаря на телегу: верно, показывал Неду разрезанный мною мешок.

– Ах, проклятый мальчишка! – вскричал Нед. – Ну, вы не беспокойтесь, хозяин, я с ним

разделаюсь! Погоняйте лошадь, а я побегу, держась за край повозки. Мы его мигом догоним.

К моей невообразимой радости, совет мистера Перкса был принят, и я услышал удаляющийся стук копыт гнедой лошади. Но что же мне было делать?

Если я побегу вперед, я могу их нагнать; если побегу назад к Лондону, они меня скоро нагонят. В недоумении я вылез весь мокрый из канавы и взобрался на дорогу, как вдруг из-за кустов вышел человек и положил мне руку на плечо.

– Что случилось, мальчик? – спросил он. У него был фонарь, и он направил на меня свет. Сам он был высокий мужчина в косматом пальто, в шляпе с широкими полями и с ружьем в руках.

– Отчего у тебя лицо в крови? – продолжал он. – Кто засадил тебя в канаву? Не те ли молодцы в телеге, а?

– Нет, сэр, – дрожащим голосом отвечал я, – я сам залез в канаву. Не выдайте меня им, сэр, они убьют меня, они убийцы.

– Как убийцы? Что такое? – с удивлением спросил лесничий (человек, встретившийся мне, был лесничий). Я рассказал ему, что видел в таинственном мешке.

– Куда же они теперь поехали? – спросил он, видимо, сильно взволнованный моим рассказом.

– Они поехали в погоню за мной, сэр, – отвечал я. – Они скоро вернуться, им надо ехать в Лондон, на улицу Уикзенд, там живет мистер Бельчер, сэр.

– А! Ну, если это правда, мы им приготовим славную встречу!

Лесничий взял меня за руку, перескочил опять через канаву, вошел в небольшую рощу около дороги и несколько раз нетерпеливо свистнул. Минуты через две к нам подошел другой лесничий с двумя огромными собаками. Я должен был повторить ему историю с мешком.

– Ну, они от нас не уйдут! – суровым голосом проговорил он.

Собаки бросились на меня, и одна уже схватила меня за штаны.

– Куш! – прикрикнул на них второй лесничий. – Садись сюда, мальчик! Дюк! Слот! Стерегите его.

Я сел на землю, а обе собаки стали подле меня, и я видел по их глазам, что они не позволят мне сделать ни одного движения.

По дороге раздался стук лошадиных копыт; слышно было, что лошадь гнали во весь дух.

С того места, где я сидел, сквозь ветки кустарников я ясно видел дорогу. Я заметил, что один из лесничих вышел на середину дороги и стал там, где должна была проезжать телега. Шум колес слышался все ближе и ближе, наконец они подъехали совсем близко, и вдруг раздался ружейный выстрел. Я от страха закрыл на минуту глаза, и когда снова открыл их, глазам моим представилась следующая картина. Гнедая взвилась на дыбы, и ее с большим трудом удерживал под уздцы один из лесничих, другой освещал своим фонарем телегу и перепуганных трубочистов.

Нед Перкс размахивал кнутовищем и кричал, грозя размозжить голову человеку, удерживавшему лошадь.

Мистер Бельчер притворился спокойным.

– Что вам надобно, ребята? – говорил он лесничим. – Если вы разбойники, так с чего же вы вздумали нападать на бедных трубочистов? Убирайтесь-ка без греха, пустите лошадь, не то она может убить вас!

– Именем закона мы вас арестуем! – произнес торжественным голосом лесничий, державший фонарь.

– Арестуете нас? Вот так штука! Да за что же?

– За убийство. У вас в телеге лежит тело убитого человека!

– Все пропало! Бегите, Бельчер! – вскричал Нед и одним прыжком перескочил через край телеги. Мистер Бельчер последовал его примеру, но едва он вступил на землю, как лесничий нанес ему прикладом ружья такой сильный удар по голове, что он упал замертво.

Нед Перкс между тем бросился бежать – и прямо в мою сторону. Он, вероятно, наткнулся бы на меня, если бы крик ужаса, вырвавшийся из груди моей, не заставил его остановиться. Тогда он взглянул на меня, и на лице его выразилась злобная радость.

Он поднял большую железную палку, которую захватил с собою с телеги, и готовился нанести мне смертельный удар. Но собаки верно поняли данное им приказание стеречь меня. Прежде чем палка успела опуститься на мою голову, они набросились на Неда, повалили его на землю и крепко держали: одна – за руку, другая – за шейную косынку.

Лесничий, державший лошадь, быстро подбежал к нам и, не говоря ни слова, ловко скрутил Перкса по рукам и ногам.

– Мой готов! – вскричал он затем, подбегая к телеге. – А ты, Том, осмотрел, что тот бедняга? Он в самом деле мертвый?

Том занят был в это время подробным рассматриванием повозки.

– Да, он мертвый! – отвечал Том. – Он, должно быть, умер по крайней мере с неделю назад.

– Как с неделю? Может ли быть? Что за злодеи!

– Злодеи-то – пожалуй, только никак не убийцы, Джо. Они никого не убивали, они только выкапывали мертвые тела. Видишь, у них тут в мешке разные инструменты: буравы, лом, лопаты. Ну, все равно, им и за это славно достанется! Пособи-ка мне уложить их в повозку, мы свезем их в Ильфорд, там их рассудят...

– А что, другой молодец связан? – спросил Джо, слезая с повозки.

– Он, я думаю, еще не очнулся от моего удара. Впрочем, для большей безопасности, конечно, лучше связать и его.

Джо обошел вокруг повозки до того места, где за несколько минут перед тем лежал без чувств мистер Бельчер, и вскрикнул от удивления:

– Да он ушел! Его нет!

Это была правда. Холодный дождь, вероятно, оживил мистера Бельчера, и он бежал, унеся с собой одно из ружей, оставленных лесничим подле повозки.

Преследовать его в темную дождливую ночь было невозможно.

– Нечего делать, свезем хоть одного! – сказал лесничий Том.

Они подняли с земли мистера Перкса, уложили его на дно телеги и сами сели в телегу.

– Позвольте мне лучше бежать рядом с телегой, – попросил я, боясь садиться подле Перкса, смотревшего на меня со страшною злобою.

– Пустяки! Тебе нечего бояться, – отвечал Джо, втаскивая меня в телегу. – Он не посмеет и пальцем тебя тронуть.

Он втащил меня в телегу, ударил кнутом по лошади, и мы поехали в Ильфорд, находившийся от нас на расстоянии двух миль.

Перкс действительно не тронул меня пальцем, но он сделал хуже: он напугал меня до смерти.

– Джим! – крикнул он, едва мы отъехали несколько шагов.

– Не отвечай ему, – посоветовал мне лесничий Том.

– Джим, – продолжал Перкс, – ты слышал, хозяин ушел и ружье с собой захватил. Не знаю, много ли ты наболтал, только больше не болтай!

– Садись сюда, вперед, мальчик, – сказал лесничий Джо, – Тогда тебе не слышно будет, что он говорит.

Я с удовольствием сел подальше от Перкса, но он кричал так громко, что я услышал бы его, если бы находился на другой стороне дороги.

– Джим, – говорил он, – помнишь, что тебе обещал хозяин, если ты когда-нибудь проболтаешься насчет его работы? Он свое слово сдержит, ты в этом будь уверен! Может быть, пройдет неделя, пройдет две, а он все-таки не забудет своего обещания. Ты не надейся, что судья защитит тебя: судья за всем не усмотрит, и хозяин может вмиг сделать с тобой то, что говорил. Ты будешь лежать на постели за сто миль отсюда, дверь будет заперта на замок, труба будет закрыта железными заслонками, и вдруг ты проснешься и увидишь, что он

подходит к тебе, подходит, чтобы сделать то, что обещал. Ты это помни, и, смотри, будь осторожней.

Лесничие нарочно громко говорили и стучали ногами по дну повозки, чтобы я не слышал Неда. Но я слышал каждое его слово, и на меня и напал такой ужас, что я чуть не бросился прямо под колеса.

Моим покровителям хорошо было говорить: «Не слушай его, мальчик, он нарочно хочет запугать тебя. Тебе нечего бояться, если ты скажешь всю правду в суде». Они не знали мистера Бельчера, они не знали, чем он грозил мне, если я проболтаюсь, и какой у него был при этом вид. «Тебе нечего бояться!» А кто же защитит меня? Неужели те полицейские, от которых я бегал всю жизнь, вдруг станут моими лучшими друзьями? Да если бы даже это случилось, разве они могут каждую минуту стеречь меня? Во время нашего разговора за ужином мистер Бельчер ясно показал мне, как мало времени нужно на то, чтобы задушить мальчика. Кроме того, когда я узнал, что хозяин вовсе не убийца, во мне явилось сомнение, не глупо ли я сделал, выдав его. Я раскаивался, что заварил эту кашу, и решил последовать совету Неда и болтать как можно меньше, когда меня позовут к судье.

Наутро меня вызвали в приемную комнату полицейского дома.

Все полицейские собрались около меня и все были необыкновенно разговорчивы.

– Ну, мальчик, – ласково сказал полицейский инспектор, – теперь расскажи мне все, что ты знаешь о своем бывшем хозяине. Э, да он, верно, совсем продрог! У него мокрое платье, ему надо переодеться.

– У нас есть подходящее сухое платье, – сказал один полицейский. – Я его сейчас принесу, господин инспектор.

Когда меня переодели и залепили мою шишку пластырем, инспектор велел напоить меня горячим кофе и только тогда приступил к расспросам.

Полицейские внимательно слушали.

– Скажи, мальчик, часто ли твой хозяин ездил на ночную работу? – спросил он.

– Не знаю, сэр, – ответил я, опуская голову.

– Как так не знаешь? Ведь ты же жил с ним под одной кровлей!

– Он никогда не брал меня раньше с собою, сэр. Я спал и ничего не слышал.

– Мне не нравятся твои ответы, мальчик. Ты должен говорить все, что знаешь. Скажи-ка адрес твоего хозяина.

– Я его забыл, сэр.

– Ну, это уж ты лжешь. Мальчик твоих лет не может забыть адрес дома, в котором прожил столько времени, – рассердился инспектор.

– Честное слово, сэр, я так перепугался вчера ночью, что все вылетело у меня из головы.

– Но ведь ты называл этот адрес вчера ночью лесничему... И какая досада, что тот действительно забыл его, – обратился инспектор к одному из полицейских. – Постарайся припомнить, – повернулся он снова ко мне.

– Я забыл, я ничего не могу вспомнить, – угрюмо повторил я.

– Ну, хорошо, – строго заметил инспектор, – уведите его. Но помни, мальчик, что завтра тебя заставят говорить всю правду.

Я не поверил, а между тем дело вышло так, как он предсказывал.

XIX

Я убегаю от полиции

На другой день мистера Перкса и меня привели в суд для допроса. Должно быть, судьи уже знали о моем намерении как можно меньше говорить, и один из них, седой, в зеленых очках, принял меня так сурово, что на меня сразу напала робость.

– Смотри на меня, мальчик! – вскричал судья, ударив рукою по столу так громко, что у меня захватило дыхание.

Я взглянул на него и струсил еще больше. Он смотрел прямо на меня своими зелеными глазами, а двадцать полицейских покорно стояли вокруг, готовые повиноваться малейшему его знаку.

– Не смотри на арестанта, мальчик, – в это время Нед Перкс кашлянул, и я обернул голову в его сторону, – смотри только сюда! Понимаешь ты, что значит давать присягу?

Моулди, особенно любивший всякие рассказы о судебных делах, объяснил мне это, и потому я отвечал.

– Это значит целовать евангелие и клясться, что если соврешь, так будешь наказан.

Глаза мои были прикованы к зеленым очкам судьи; наконец у меня навернулись слезы, как будто я смотрел на солнце.

– Да, если ты, давши присягу, соврешь, – все тем же строгим голосом сказал судья, – ты будешь строго наказан, тебя сошлют за море, в каторжные работы. Приведите его к присяге, экзекутор, а ты, подсудимый, не смотри на свидетеля, пока его допрашивают.

Как мог я не говорить при таких условиях? Судья был такой бедовый человек. Он, казалось, знал все дело и предлагал мне такие вопросы, что я волей-неволей должен был подробно рассказать ему все. Я рассказал все: как я ушел из дома, как миссис Уинкшип поместила меня к мистеру Бельчеру, какой разговор был у меня с Сэмом по поводу чистки церковных труб, словом – все, до той самой минуты, когда, испуганный появлением белой руки, я выпрыгнул вон из телеги. Тут же, на суде, я узнал, в чем заключалось преступление мистера Бельчера.

В те давние времена врачи и студенты, из-за религиозных предрассудков, не могли изучать анатомию на человеческих трупах.

Это считалось грехом. Поэтому в Англии тогда существовала профессия «гробовскрывателей», которые тайком пробирались темными ночами на кладбище, выкапывали из могил недавно погребенных покойников и продавали их за большие деньги различным медицинским учреждениям.

Этим делом занимался и мистер Бельчер.

После меня лесничие Томас и Джозеф дали свои показания, и затем было решено отложить дело на неделю, чтобы полиция успела арестовать мистера Бельчера и также представить на суд.

– Мальчика всего лучше отправить домой к родителям; кто поведет его, тот пусть построже внушит его отцу, что через неделю непременно надобно опять представить его сюда! – сказал судья в зеленых очках.

Суд занялся другим делом, а я вышел на улицу вместе с лесничими и несколькими полицейскими. Они потолковали о чем-то между собой, и все вместе вошли в соседний трактир, а я, едва сознавая, что делаю, поплелся вслед за ними. Меня ошеломили ужасные слова: «Мальчика всего лучше отправить домой к родителям!» Эти слова довершили беду. И зачем, и зачем я вмешался не в свое дело! «Лучше отправить домой!» Я приду к отцу с полицейским, который расскажет ему о моих делах с гробовскрывателями и о том, что меня поместила к ним ни в чем не виноватая миссис Уинкшип! Да он просто убьет и меня и бедную старуху! Так-то я отблагодарил ее за ее доброту! Нет, это слишком ужасно! Этого не должно быть! Я должен сделать что-нибудь, чтобы предотвратить это несчастье, и я сделаю, непременно сделаю, хотя бы для этого мне пришлось послушаться страшного судью в зеленых очках. Мне необходимо было ускользнуть от моих теперешних сторожей, вырваться из Ильфорда и спрятаться в каких-нибудь лондонских закоулках.

Я говорю: от моих сторожей, но на самом деле меня, казалось, никто не стерег. Я попробовал выйти из этой комнаты, где лесничие и полицейские пили пиво, – они не обратили на меня внимания; я вышел во двор, затем на улицу, никто не преследовал меня, – значит, я могу уйти без помехи. Но я знал, что полицейские – народ хитрый, что они следят за всяким исподтишка, и потому решил возвратиться, посидеть несколько времени в распивочной и послушать, о чем там говорят.

Оказалось, что полицейские говорили обо мне.

– А, вот и он! – заметил один из них, когда я вошел. – Ты бы держался поближе к нам, мальчик, а то, пожалуй, тебя схватит тот молодец с ружьем.

Это, должно быть, была шутка, потому что другой полицейский и лесничие засмеялись.

– А что, мальчик, – спросил один из полицейских, – рад ты будешь попасть домой и избавиться от всех опасностей?

Я знал, что если я скажу, что не хочу идти домой, то полицейский станет особенно строго присматривать за мной, поэтому я отвечал:

– Конечно, я буду очень рад: я бы хотел поскорей пойти домой, теперь уж я больше не убегу.

– Ты знаешь дорогу отсюда домой?

– Отлично знаю, сэр. Можно мне сейчас идти?

– Нет, ты не можешь идти туда, пока я не освобожусь от своих занятий и не сведу тебя. Это будет часа в четыре, когда кончатся заседания в суде. Но ты не должен непременно сидеть здесь, ведь ты не арестант, а свидетель. Ты можешь пойти в полицейский дом, посидеть там или просто погулять по улице. Только не заходи далеко.

Я едва мог удержаться от восторга при этих словах.

Я не арестант, я свидетель и могу гулять.

– Благодарю вас, сэр, – произнес я и вышел из трактира с беспечным видом прогуливающегося человека. Тихими, неторопливыми шагами пошел я по Ильфордской дороге, которая вела прямо к Лондону. Счастливый случай избавил меня от утомительного путешествия. Как только дом суда скрылся от глаз моих, меня догнал экипаж с очень удобными запятками, не утыканными гвоздями. Я ловко вскочил на них и помчался к Лондону с быстротой десяти миль в час.

Я проехал через Большой и Малый Ильфорд, доехал до самого Майль-Энда, но тут должен был сойти со своего удобного экипажа благодаря низости одного мальчугана. Ему также хотелось прокатиться даром, и, видя с досадой, что на запятках нет места, он стал требовать, чтобы кучер согнал и меня. Кучер послушался маленького негодяя. Я был так рассержен на дрянного мальчишку, что набросился на него и отколотил его, хотя эта задержка в пути могла быть опасною для меня.

Конец дороги мне пришлось сделать пешком; я часа в два был около Уайтчепеля.³ Я совсем не знал этой части города, но под Арками я познакомился с несколькими мальчишками, пришедшими оттуда: они рассказывали, что это самое глухое место Лондона, Мне нужно было теперь глухое место со множеством проходных дворов и извилистых переулков.

Первым и величайшим моим желанием было укрыться на несколько времени, пока кончится несчастное дело о похищении трупов, и тогда... Впрочем, еще рано думать о том, что будет тогда. Надо позаботиться о том, что делать теперь. Через какой-нибудь час ильфордский полицейский дом начнет обо мне беспокоиться, меня станут разыскивать, и потому мне прежде всего нужно куда-нибудь спрятаться. Я прошел с дюжину узких и грязных переулков и наконец приютился в одной необыкновенно тихой съестной, где истратил на пищу четыре пенса из своего шиллинга. Хозяин лавки пускал к себе ночевать и давал постели по четыре пенса, поэтому я с его позволения остался в лавке до вечера, съел за ужином порцию супа в один пенс и затем улегся спать в довольно удобной постели.

Я проснулся на другой день утром, сошел вниз в лавочку, истратил на завтрак оставшиеся у меня три пенса и вышел на улицу.

Целый день бродил я по улицам, выбирая самые бедные и темные закоулки и со страхом избегая встречи с полицией. Под вечер голод напомнил мне, что я не обедал и что мне, вероятно, не придется ужинать.

«Нечего ждать и прятаться, – говорил мне голод, – ты должен что-нибудь делать!»

---

³ Рабочий квартал в Лондоне.

Но что же мне делать? Куда я ни пойду, я только хуже испорчу свое положение. Испорчу? Да разве можно мне его еще испортить? Оно так худо, что едва ли может сделаться еще хуже! Бояться каждую минуту, что схватит первый попавшийся навстречу полицейский, да еще терпеть голод? Нет, это нестерпимо! Если бы я был поближе к какому-нибудь базару, я не стал бы церемониться. Что, в самом деле! Все против меня, бедного, беззащитного мальчика; что же мне еще рассуждать, что честно, что нечестно? Буду думать только, как бы мне самому прожить, а до остального мне и дела нет. Я дошел до того, что готов был таскать из чужих карманов, если бы только умел взяться за это дело. Но оно всегда казалось мне необыкновенно страшным. Воровать фрукты с конвентгарденских лотков было нетрудно. Всегда можно было найти минуту, пока торговец смотрел в другую сторону, или убежать так быстро, что он не успевал догнать; но засунуть руку в карман нарядной дамы или господина – это совсем другое дело, тут нужна отчаянная смелость!

Когда я жил под Арками, мне показывали многих мальчиков, занимавшихся карманным воровством, но их искусство казалось мне таким же трудным, как искусство разных фокусников и клоунов. Мне казалось даже, что кувыряться и глотать складные ножи легче, чем воровать из карманов.

XX

Я вступаю на новый путь

Размышляя обо всем этом, я вышел из глухих, темных переулков на широкую красивую улицу, где все лавки были ярко освещены, а по тротуарам сновало множество богатых, нарядно одетых господ. Мое внимание обратил на себя большой магазин колониальных товаров. За его огромными зеркальными окнами были выставлены разного рода плоды, чай, пряности и банки с пикулями и консервами. Кроме того, там же стояли китайские фигуры, фарфоровые и деревянные, каких я никогда прежде не видал. Они интересовали не одного меня, – почти никто не проходил мимо лавки, не бросив на них взгляда, и некоторые даже останавливались, чтобы поближе рассмотреть их, так что вокруг окна образовалась небольшая толпа. Мне некуда было торопиться, и потому я решил переждать, пока народ разоидется и мне можно будет попристальнее разглядеть удивительные фигуры. Как раз напротив окна магазина, у края тротуара, стоял фонарный столб; я прислонился к нему и стал ждать. Среди собравшихся около магазина была старая леди, такая толстая, что ее нельзя было не заметить. Она одна занимала больше места, чем двое обыкновенных людей. Ей хотелось что-то видеть в нижней части окна, она нагнулась и вытянула шею. Не спуская глаз с толстой леди и не понимая, что она так долго рассматривает, я заметил мальчика чуть-чуть побольше меня ростом. Он придвинулся очень близко к ней и подражал всем ее движениям.

Он провел рукой по ее шелковому платью, потом быстро отдернул руку прочь, и в эту минуту свет от газового фонаря упал на его пальцы и показал мне, что он держит кошелек, сквозь шелковые петли которого блестит кучка серебряных монет. Затем он быстро спрятал кошелек в карман, выбрался из толпы и, никем не замеченный, исчез в темноте. Толстая леди постояла еще несколько секунд перед окном, и пошла дальше по улице, весело улыбаясь и покачивая головой: она, видимо, думала о смешных китайцах.

Какое счастье для того мальчика! Этаким чудным шелковый кошелек, набитый деньгами! Я продал и сапоги и чулки за шиллинг да за кусок хлеба, а он в одну минуту добыл себе по крайней мере 12 шиллингов!

Какой дерзкий вор! Какой счастливец! А что, если бы этот кошелек достался мне? Эти мысли одна за другой промчались в голове моей, а за ними последовали другие мысли, такие страшно преступные, что я невольно огляделся во все стороны, как будто боясь, что кто-нибудь услышит их. «Как это легко! Пока ты стоял на месте и дрожал, можно было три раза сделать дело! У тебя просто не хватает смелости! Да, положим, – отвечал я самому себе, – дело нетрудное, когда подвернется такая толстая старуха с оттопыренным карманом в

шелковом платье. Тут всякому нетрудно. Тут и я, пожалуй, мог бы! Но, главное, когда дождешься другого такого случая?»

И вот я стоял у фонарного столба, поджидая «случая».

Ждать мне пришлось недолго. «Счастье», которое помогло мне при моем первом подвиге на Ковентгарденском рынке, не оставило меня и теперь. Не простоял я и пяти минут, как из магазина вышла дама, правда, не толстая и не старая, но в шелковом платье и с туго набитым кошельком. Выходя из лавки, она держала этот кошелек в руках и, казалось, считала в нем деньги. Затем она защелкнула его и сунула в карман своего шелкового платья.

«Вот если бы она подошла к окну!» – мелькнуло у меня в голове.

И она действительно вмешалась в толпу, любовавшуюся китайцами. Я пробрался туда же вслед за нею и старался делать все так же, как тот мальчик.

Я притворился, что внимательно разглядываю китайцев, а между тем рука моя осторожно скользила по складкам шелкового платья к карману. Через минуту пальцы мои ощутили тонкую шелковую сеть кошелька, и он был у меня в руках. Схватив свою добычу, я пустился бежать. Я бежал долго, не останавливаясь и не переводя духу, пока не добежал до глухого, темного переулка. Там я, наконец, остановился и решил посмотреть на свою добычу. Я вынул из кармана кошелек, высыпал из него деньги и пересчитал их при свете фонаря подле магазина портного. Оказалось, что у меня были две полукроны, полусоверен, три шиллинга и четыре пенса, всего восемнадцать шиллингов и четыре пенса.⁴

Никогда в жизни не бывало у меня в руках столько денег, даже в половину, даже в четверть столько.

Я решительно не знал, что мне делать, то есть не знал, что мне купить себе поесть и где купить.

Наконец я дошел до съестной и поужинал за четыре пенса.

Весь вечер я или ел, или придумывал, что бы поесть. Раз пять заходил я к кухмистеру и съедал по двухпенсовой сосиске, потом съел кусок хлеба с патокой, а в конце концов купил себе на пенни шоколаду.

В заключение, когда, собираясь на ночлег, я стал считать свой капитал, оказалось, что я истратил не особенно много; я купил себе пару крепких сапог, и у меня все еще осталось три шиллинга и шесть пенсов, не считая полусоверена, который я засунул за подкладку куртки, заколов ее булавкой.

И вот я стал настоящим вором. Впрочем, сначала я твердо решил не повторять больше моего сегодняшнего преступления.

Конечно, сделанного не вернуть, но никто, кроме меня, не знал этого и никогда не узнает. Я с утра стану придумывать, за что мне приняться. Когда у человека лежит в кармане тринадцать шиллингов и шесть пенсов, он может найти тысячу средств прожить честно.

Да, конечно, можно было найти тысячу средств прожить честно, но, к сожалению, я должен сознаться, что не нашел ни одного.

После обеда я пошел прогуляться по Петикот-Лейну и там остановился подле одного магазина. В окне был вывешен желтый шелковый платок, разрисованный синими птичьими глазами. Точно такой платок носил на шее отец. Я вошел в магазин и купил платок за три шиллинга и шесть пенсов. Рассудок говорил мне, что я делаю глупость, но я утешил себя мыслью, что купил платок в память об отце. Это вызвало во мне мысль о доме, мне стало грустно, и я выпил кружку пива, чтобы развеселиться. Не знаю, должно быть, пиво это было очень крепко, или оно с непривычки так сильно подействовало на меня, но я вдруг пришел в такое возбужденное состояние, что с трудом мог себя сдерживать. Я совершенно перестал бояться своих врагов и готов был встретиться лицом к лицу даже с мистером Бельчером, – конечно, если с ним не будет двуствольного ружья. В эту минуту я проходил мимо маленького оружейного магазина, и мне пришло в голову, что человек, которого весь свет

---

⁴ Около девяти рублей золотом.

преследует, как меня, непременно должен ходить вооруженный. Я вошел в магазин и купил страшный с виду старый пистолет за два шиллинга и три пенса. Вечером я нашел, что ужасно неудобно таскать это оружие в кармане штанов, и потому продал его в ту же лавку за один шиллинг и четыре пенса. Таким образом мои дорого добытые восемнадцать шиллингов и четыре пенса все разошлись по мелочам. Я продал красивый шелковый платок с птичьими глазами за восемнадцать пенсов – и через три дня стоял среди улицы таким же бедняком, каким был в ту минуту, когда наблюдал за толстой леди, прислонясь к фонарному столбу против богатого фруктового магазина. И вот...

Впрочем, легко догадаться, как пошла моя жизнь.

Труден только первый шаг; сделав его, я уже не останавливался. Я старался убедить себя, что я несчастный, всеми покинутый ребенок, что все меня преследуют и ненавидят, что я поневоле должен поступать нечестно, чтобы не умереть с голоду. При втором воровстве я уже жалел, что в кошельке нашлось всего только четыре шиллинга, а при третьем и сам не помню, что чувствовал, так как за ним скоро последовало четвертое, пятое и так далее.

Впрочем, я не долго вел жизнь карманного вора – никак не больше двух месяцев. Сколько денег удалось мне украсть в это время, не помню; знаю только, что я разбогател до того, что мог взамен старой одежды, данной мне ильфордскою полицией, купить себе очень порядочное платье. Я не ночевал больше в съестной лавочке, а поселился в улице Уентфорт.

XXI

Я знакомлюсь с Джорджем Гапкинсом

В один июльский вечер я прохаживался по Чипсайду. Так как у меня теперь был приличный костюм, я смело появлялся на больших и богатых улицах, Поглядывая по сторонам с беззаботным видом мальчика, вышедшего погулять, я заметил джентльмена, внимательно разглядывавшего что-то в чулочном магазине.

Это был один из тех джентльменов, от которых карманным ворах хорошая пожива. Он был так толст, что, когда он наклонился, фалды его сюртука сильно оттопырились, и карман выставился самым соблазнительным образом. Нельзя было упустить такой удобный случай. Я ощупал карман, в нем лежало что-то твердое, четырехугольное. Я запустил в него руку и через секунду вытащил красивый кожаный бумажник. До сих пор мне удавалось таскать кошельки, деньги, просто положенные в карман, деньги, завернутые в бумагу, но ни разу не попадался мне под руку бумажник.

Дрожа от восторга, я быстро свернул в соседнюю улицу, осторожно открыл бумажник при свете фонаря и увидел в нем несколько сложенных банковых билетов и целую кучу золотых монет.

Это так поразило меня, что я стоял секунд пять неподвижно, закрывая бумажник полою своей куртки и не зная, на что решиться.

Вдруг чья-то рука легла на мое плечо.

– Не вздумай бежать, – произнес голос человека, явившегося как будто из-под земли, – от меня не убежишь.

Я готов был поклясться, что никто не следовал за мной от Чипсайда. Появление этого незнакомца как гром поразило меня, Я быстро бросил бумажник в водосточную трубу и повернулся, вполне уверенный, что меня задержал или полицейский, или обокраденный мною джентльмен. Но я ошибся; меня держал за ворот незнакомый господин, одетый очень нарядно, с блестящим перстнем на пальце. Он поднял брошенный мною бумажник и спокойно положил его к себе в карман, точно свою собственность.

– Правду говорят, что дуракам счастье, – заметил он, продолжая держать меня за ворот и увлекая за собою в темную улицу.

– Послушайте, сударь, – заговорил я жалобным голосом, не помня себя от страха. – Ведь я нашел его, право, нашел; только он мне не нужен, возьмите его, если хотите; может, вы его потеряли...

– Нашел, конечно, нашел! – насмешливо проговорил незнакомец. – Неужели же заработал! А ты для кого работаешь? – спросил он вдруг резким голосом, когда мы уже прошли пол-улицы.

«Он, должно быть, принимает меня за какого-нибудь честного мастерового», – мелькнуло у меня в голове.

– Я работаю, – проговорил я прерывающимся голосом, – у одного коробочника близ Уайтчепеля.

– Что ты врешь! – вдруг сердитым голосом закричал незнакомец. – Говори сейчас вправду! Ты живешь у Симмондса или у Тома Мартинса?

– Не знаю я никакого Симмондса и Мартинса! – вскричал я, несколько оправившись от испуга. – Пустите меня, берите себе бумажник, только меня оставьте в покое.

– Я тебе сверну шею, если ты не станешь отвечать, – грозным голосом сказал незнакомец. – Говори сейчас: для кого ты работаешь?

– Да ни для кого, сам для себя!

Незнакомец выпустил из рук воротник моей куртки и несколько секунд смотрел мне прямо в глаза.

– Послушай, мальчик, – сказал он, наклонясь ко мне и говоря почти шепотом, – не думай, что меня можно обмануть. Говори правду. Если у тебя есть хозяин, это не беда; если нет, скажи, и я, может быть, окажу тебе услугу.

– А вы не полицейский, не сыщик? – спросил я.

– Я – полицейский! – вскричал незнакомец и громко расхохотался. – Ах ты, простота! И с таким умом берется за воровство! Ты давно занимаешься этим делом?

– Два месяца.

– И ни разу не попадался?

– Ни разу.

– Удивительное счастье! Такой простофиля должен бы сразу попасться. Надо взять тебя в руки. Пойдем-ка со мной.

По тону его голоса видно было, что он намерен забрать меня в руки. Мне это вовсе не представлялось приятным. Я боялся его не меньше, чем полицейского.

– Благодарю вас, сэр, – сказал я. – Я не хочу, чтобы меня брали в руки.

– Не хочешь! – свирепо воскликнул он. – Очень есть кому дело до того, что ты хочешь или чего не хочешь! У тебя до сих пор не было хозяина, а теперь будет! Иди за мной; когда мы придем домой, я с тобой поговорю.

Он вышел на улицу Поултри, потом завернул в один переулок, затем в другой, в третий, пока не дошел до улицы Кэт. Он не держал меня, а между тем я следовал за ним, и мне даже не приходило в голову бежать, – такой страх внушал он мне своим решительным и грозным обращением.

Когда мы дошли до половины улицы Кэт, он постучал в дверь одного дома, и нам отворила нарядно одетая молодая женщина.

– Я не ждала тебя так рано, Джордж, – сказала она, ласково целуя незнакомца.

– Я привел к нам нового жильца, Сюки, – отвечал он, указывая ей на меня.

Это, по-видимому, ей было неприятно.

– Неужели тебе еще не надоели жильцы? – недовольным голосом проговорила она. – Наверно, и этот проживет у нас не дольше того!

– Конечно, если он вздумает выкинуть со мной какую-нибудь штуку! А что, чай готов?

– Готов. Иди.

Мы вошли в очень хорошо меблированную комнату; на столе около камина стоял чайный прибор.

Джордж бросился на диван и лежал на нем молча, заложив руки под голову. Молодая женщина принесла чайник с чаем и блюдо яичницы с ветчиной. На меня она смотрела по-прежнему недружелюбно.

– Не суйтесь под ноги, если не хотите, чтобы вас обварили! – сердито заметила она,

проходя мимо меня с чайником.

– Ты будешь пить чай? – спросил у нее Джордж.

– Нет, я уже пила.

– Ну, так убирайся к черту! – грубым голосом сказал он.

Она вышла из комнаты, сердито хлопнув дверью.

– А ты, – обратился Джордж ко мне, – хочешь чаю?

– Нет, благодарю вас, сэр.

– Ну, все равно, я буду пить и говорить, а ты сиди и слушай. Откуда ты?

Этот вопрос был для меня неожидан. Как сказать ему, откуда я?

Из Клеркенуэла, из Кемберуэла или с Уентфортской улицы? Джордж заметил мое смущение.

– Коли тебе не хочется, так не говори, – сказал он, – мне все равно. Мне надобно только знать, есть ли у тебя настоящий дом. Есть ли у тебя отец и мать?

– Я убежал из дому, я туда не вернусь.

– Отчего?

– Оттого, что меня там до смерти избыют.

– А, вот что! Ну, это отлично, тебе и не нужно идти туда. Ты будешь жить здесь.

– Здесь?

– Да, я беру тебя в ученье. Я дам стол и квартиру, а ты должен работать на меня.

– Что же я буду делать?

– Да то же, что делал уже два месяца и на чем я поймал тебя сегодня. Не скажу, чтобы ты был искусен, но ты мне понравился, из тебя может выйти прок, если тебя немножко подучить. До сих пор тебе везло, но на одно счастье нельзя рассчитывать, надобно стараться приобрести и искусство! Ты меня, конечно, не знаешь, но спроси у любого полицейского: «Кто такой Джордж Гапкинс?» И каждый скажет тебе: «А! Это известный воспитатель воров, как его не знать!» Вот я и хочу взяться за твоё воспитание.

– Благодарю вас, сэр, – проговорил я, чувствуя, что должен что-нибудь ответить. – Вы очень добры, если хотите помочь мне.

– Помочь тебе? Я хочу сделать тебя счастливым! Сотни уличных мальчиков позавидовали бы тебе! Если ты останешься у меня, через месяц тебе стыдно будет вспомнить о том, как ты неловко устроил сегодня эту штуку! – Он указал рукою на свой карман, в котором все еще лежал украденный мною бумажник.

– Как тебя зовут?

– Джим Смит... – Я боялся назвать свое настоящее имя и хотел сказать то, какое мне дали Моулди и Рипстон, но запнулся на первом слове.

– Джим Смит? – подхватил мой новый хозяин. – Прекрасно! Ну, скажи-ка по правде, Джим: несмотря на твоё счастье, ведь тебе не всегда везло? Один день бывало густо, другой пусто? Не всегда в кармане звенели полукроны, а?

– Да и шиллинги-то не всегда, – отвечал я. – Где тут! Иногда перепадет много, а иногда и ничего!

– Ну, это известное дело. Слушай же, что я хочу для тебя сделать. Я буду учить тебя нашему искусству, буду кормить тебя вволю, одевать как богатого франта, давать тебе денег на твои удовольствия. Хорошо это?

– Еще бы, даже очень хорошо, – отвечал я, чувствуя, как мое отвращение к мистеру Гапкинсу исчезает. – А что же я должен делать за все это?

– Ты должен приносить мне все, что тебе удастся добыть.

– Что ж, на это я согласен, – сказал я, едва скрывая свое удовольствие и боясь одного: как бы он не передумал.

– Отлично! Это одна сторона дела, а вот другая: ты слышал, что говорила про тебя миссис Гапкинс, когда мы входили?

– Что я проживу не дольше прежнего жильца?

– Да. Видишь ли, этот прежний жилец был постарше тебя годами двумя, удивительно

ловкий мальчик! Он прожил у меня всего девять недель. Теперь он засажен в тюрьму на три месяца. Как тебе кажется, хорошо ему там?

– Что же хорошего сидеть в тюрьме? А за что он туда попал?

– А за то, что он был обманщик и хотел надуть меня! У меня не уживаются те мальчишки, которые вздумают меня надуть. К тем, кто ведет себя честно со мной, я добрее отца родного. Случись с таким мальчиком какая беда, я ничего не пожалею, выручу его. Зато уж если кто вздумает обманывать меня, для того я злейший враг. Не попадет он в тюрьму сам по себе, я постараюсь упрятать его. Понимаешь?

– Еще бы. Это все очень понятно.

– Ну, и прекрасно. Теперь нам пока не о чем больше говорить. Если хочешь, можешь идти гулять или сходить в театр. Есть у тебя деньги?

– У меня есть четыре пенса, сэр.

– У меня также есть кое-какая мелочь. Вот тебе три шиллинга и шесть пенсов. Мы не будем слишком роскошничать, пока не увидим, как пойдут у нас дела. Прощай. Приходи не позже одиннадцати.

ХII

Я встречаю старого товарища

Мистер Гапкинс запер за мною дверь дома и предоставил мне идти, куда я хочу. Никогда в жизни не чувствовал я себя в таком странном положении.

Что за человек был этот Гапкинс? Он, конечно, не шутил, иначе он не показал бы мне своей квартиры, не дал бы мне денег, не стал бы откровенничать со мной.

Он будет кормить, одевать меня, давать мне деньги на удовольствия, и все за что? За то, чтобы я продолжал заниматься тем, чем занимаюсь уже два месяца, и гораздо спокойнее; в случае неудачи он обещал выручить меня. Условия, конечно, со всех сторон выгодные для меня. Я буду жить у него, пока мне будет хорошо, а чуть замечу, что он относится ко мне дурно, я брошу его и убегу.

Что за удивительный дурак этот мистер Гапкинс! Я чуть громко не расхохотался на улице, думая о глупой нерасчетливости моего нового хозяина.

Однако куда же мне идти? Он сказал: в театр. Отлично, пойду в Шордичский театр, где я так часто бывал с моими милыми товарищами, и возьму себе место в ложе. Мне теперь скупиться нечего! Я купил пару сосисок, пять апельсинов, выпил кружку пива и направился к театру.

У входа уже толпился народ. Я узнал, что в этот день шла новая пьеса, был бенефис любимого актера, и оттого собралось так много зрителей. Я попал в самую середину толпы, меня тискали и толкали со всех сторон. Один мальчик работал локтями так усердно, что совсем придавил мой карман с сосисками. Я слегка толкнул его и попросил не давить мои сосиски.

– Важная штука твои сосиски! – отвечал он. – Чего ты не ел их дома?

Он стоял впереди меня и, говоря эти слова, не повернул ко мне головы, но я тотчас узнал его по голосу.

– Рипстон, неужели это ты? – вскричал я.

– Смитфилд! Вот так встреча! – закричал мой старый товарищ.

Не обращая внимания на неудовольствие соседей, он повернулся ко мне и протянул мне руку. Это движение отеснило нас от дверей театра. Нас затискали и затолкали так, что мы постарались скорей выбраться из толпы.

При свете большой лампы, висевшей у подъезда, мы смотрели друг на друга.

– Вот чудесная встреча! – вскричал Рипстон. От восторга он чуть не задушил меня в своих объятиях. – Я-то думал, что ты уж давным-давно умер, а вместо того ты вырос на полголовы, да каким франтом стал! Тебе, должно быть, сильно повезло с тех пор, как мы вместе жили под Арками, а?

Я далеко не был франтом, но одежда моя была прилична. Конечно, она могла показаться роскошною в сравнении с тою, которую я носил, когда заболел горячкою. Но Рипстона уж, разумеется, никто не назвал бы франтом. Его куртка и штаны были из одинаковой материи и страшно перепачканы. Лицо его также далеко не отличалось чистотой. Но особенно удивляли меня его руки. Они были грязны, как всегда, и, кроме того, покрыты мозолями, каких я никогда прежде не видел на них. Когда эти мозолистые руки обвились вокруг воротника моей щеголеватой черной курточки, я почувствовал какое-то странное волнение.

– Чего же ты, Смит? – спросил Рипстон, замечая мое смущение. – Разве ты не рад, что встретился со мной? А, понимаю! – вскричал он, пристально поглядев на меня несколько секунд. – Ты, верно, сделался честным, Смит, и не хочешь знаться со мной? Ты не знаешь, ведь и я также переменялся, Смит.

Это объяснение не только не успокоило меня, а, напротив, заставило пожалеть, что я встретил старого товарища.

– То есть, как же это переменялся? В чем переменялся, Рипстон? – спросил я.

– Да, знаешь, бросил я все эти глупости, Что за жизнь – вечно прятаться по углам, бояться всякого сторожа, всякой торговки? Я тут встретился с одним мальчиком фабричным. Он меня уговорил, да и помог поступить на фабрику Беккера в Спиталфилде. Не легко, конечно, а все-таки хоть прятаться не надо. Получаю восемнадцать пенсов в неделю. А живу в рабочей казарме. Главное – товарищи хорошие.

– А что Моулди? – спросил я с тайной надеждой, что, может быть, хоть Моулди сделался настоящим мошенником.

– Моулди умер, – коротко отвечал Рипстон.

– Умер?

– Да, он умер зимою. Пойдем скорее в театр, а то мы не найдем места в галерее.

Я объявил, что иду в ложу, и уговорил Рипстона пойти со мной, сказав, что могу заплатить за его место, так как у меня в кармане больше шиллинга. Мне стыдно было признаться, что у меня было даже около трех шиллингов.

– Ишь ты, какой богач! – заметил Рипстон. – У тебя место, должно быть, получше моего. Ты, верно, служишь в каком-нибудь магазине мануфактурных товаров?

– Так и есть, ты угадал, – отвечал я, радуясь тому, что он придумал мне занятие.

– И ты, должно быть, долго копил денежки, а сегодня вздумал задать себе пир? – спросил Рипстон.

– Ты всегда ловко угадывал, – сказал я, избегая прямого ответа. – Однако пойдем, а то и в ложах не будет места.

Мы уселись очень удобно в ложе, где, кроме нас, было всего три человека. Я угостил Рипстона сосисками и апельсинами и, пока он ел, спросил у него: что же случилось с Моулди?

– Да с ним случилось несчастье: он свалился с крыши того сарая, что был на берегу реки, помнишь?

– Помню, как же!

– Ну, вот, ты помнишь и то, – продолжал Рипстон, наклоняясь ко мне и говоря почти шепотом, – что наши дела шли очень плохо, когда ты заболел горячкой. После тебя они пошли еще хуже. Тот фургон, в котором мы ночевали с тобой, перестал приезжать под Арки, а в другие телеги нас не пускали. Все боялись, что мы от тебя заразились горячкой. Нам пришлось спать на голых грязных камнях. На улице нам также не везло. Разносчики и торговцы гоняли нас, полицейские следили за нами, работы никакой не было, а стащить что-нибудь, знаешь, по-старому, и не думай. А тут еще завернула непогода, да такая, что просто беда! Уж не знаю, как мы прожили два месяца до рождества.

К празднику всякий, известно, ждет себе чего-нибудь получше, а нам и ждать-то нечего было. Моулди совсем приуныл. Отморозил себе руки и ноги, сидит да стонет, просто всю душу вытянул. А у нас, под Арками, рождество справляют весело. Всякий дает сколько-нибудь денег, устраивают складчину, разводят огонь, пьют что-нибудь горяченькое, курят и

поют песни. Прошедший год мы тоже давали денег в складчину, а нынче ничего не могли дать. Вот мы и сидели себе голодные да холодные, в темном уголку, пока другие там угощались да пировали. А Моулди совсем пришел в отчаяние. Он ведь всегда любил поесть, а тут слышит запах жареного мяса, а у самого с утра крошки во рту не было.

Он говорит: «Постой же, Рип, будет и на нашей улице праздник! Полно мучиться, не хочу больше. Коли счастье не дается в руки, я сам его возьму!» Я подумал, он это так со злости говорит. Мне и в голову не пришло, что он задумал что-нибудь серьезное. Я лег спать и расспрашивать его не стал. Только на другое утро просыпаюсь, смотрю – Моулди уж нет. Я удивился: он никогда не уходил, не сказавши мне. Я стал расспрашивать у всех знакомых.

Никто его не видел.

Я пошел на базар, и там нет Моулди! Вернулся домой часов в десять. Только спускаюсь по ступенькам, а мне один мальчик и говорит: «Ну, что, видел его? Каково... ему?» У меня так сердце и замерло. «Про кого ты это так говоришь?» – спрашиваю. «Да про твоего, – говорит, – товарища, про Моулди. Ведь он в больнице, разве ты не знал? Он полез за свинцом на крышу сарая, что на берегу, стал спускаться по трубе, да и свалился. Он переломал себе ноги и ребра. Едва ли доживет до завтра...»

Рипстон так увлекся своим рассказом, что не заметил, как поднялся занавес и началось представление.

Впрочем, первым номером программы был балет, до которого мой приятель был не охотник. Он отер слезы и продолжал свой рассказ:

– Я, конечно, сейчас же пошел в больницу, сказал привратнику, что я брат Моулди, тот меня впустил и велел мне спросить палату сестры Мелии. Я спросил.

Ко мне вышла сестра Мелия. «Вы, – говорит, – не Рипстон ли? Моулди все вас звал. Ему, бедняжке, уж не долго остается жить на свете». Она привела меня в комнату, где он лежал. Смотрю, его обмыли, одели в чистое платье. Он лежит такой бледный-бледный, а глаза у него стали такие большие, голубые. Я никогда прежде не замечал, что у Моулди голубые глаза. А он, как завидел меня, протянул мне руку. «Как я рад, – говорит, – Рип, что ты пришел! Я думал: так и умру, а тебя не увижу!» А я и сказать ему ничего не могу, Смиф, засело у меня что-то в горле, слова не дает выговорить. А Моулди все держит меня за руку.

Вдруг он крепко сжал мою руку, посмотрел на меня, кивнул мне головой и умер.

Слезы прервали речь Рипстона. Я в виде утешения сунул ему в руку большой апельсин; он несколько секунд с ожесточением сосал его и затем продолжал:

– Когда Моулди умер, его смерть так огорчила меня, что я сделался другим человеком. Я решил, что непременно переменю свою жизнь, не знал только, как мне это сделать, за что приняться. А тут, как нарочно, смотрю, на соседней койке тоже мальчишка сидит, В халате. Да только, видно, уже поправляется – веселый такой. «Ты что, – говорит, – брат, голову повесил? Ничего не поделаешь, все там будем». Сначала мне будто обидно показалось. А потом ничего, вижу, это он не со зла. Ну, разговорились мы. Он мне и рассказал, что служит на фабрике, ему там тачкой ногу придавило, ну, да ничего, на этот раз дешево отделался, зажило. Понравился он мне.

Сдружились мы. И так мне не захотелось одному под Арки возвращаться, что страсть. Я ему все рассказал. Он мне и говорит: «Не миновать тебе тюрьмы. Поступай-ка лучше к нам. Я тебя устрою».

Ну, и правда, устроил. Вот и вся моя история. Как-нибудь заходи к нам, посмотришь, как мы живем. Неказисто, конечно. А только ребята хорошие. А теперь ты про тебя расскажи. Тебе, видно, больше моего повезло? Я и забыл теперь, как прежде воришкой был. А ты?

У меня не хватило духу отвечать на его вопрос, и я только кивнул ему головой в виде согласия.

– Тебе это, должно быть, было легко, – сказал он, – тебе меньше пришлось меняться, чем Моулди и мне: ты ведь еще не привык воровать. Помню я, как нам с Моулди бывало смешно глядеть на тебя, когда ты принимаешься за воровство. Ты никогда не был настоящим

вором, Смиф, у тебя и смелости не хватало. Я думаю, если бы не мы с Моулди, ты никогда не стал бы воровать.

– Может быть, – проговорил я.

– Тебе, я думаю, теперь приятно вспомнить, что ты не был таким воришкой, как мы с Моулди.

– Да, конечно, приятно. Смотри, Рип, какой славный танец!

– Да, отличный танец! А я все думаю, Смиф, как это хорошо, что мы встретились, когда оба переменились. Нам было бы совсем не так весело, если бы переменился только один из нас! Что, если бы я жил по-старому, а ты уже сделался бы честным? Ты, пожалуй, не захотел бы говорить со мной? А если бы ты заговорил, как бы я тебе отвечал? Я думаю, я скрыл бы от тебя, что я все еще воришка. Или я сказал бы тебе правду и стал бы насмехаться над тобой, что ты такой франт, такой важный.

Никогда в жизни не видал я Рипстона таким разговорчивым и откровенным. Каждое слово его было мне ножом в сердце. Последнее время совесть моя замолкла, но теперь Рипстон опять расшевелил ее.

Мое знакомство с ним и Моулди было совсем особенного рода, оно легче всякого другого могло превратиться в дружбу, Известие о смерти Моулди само по себе взволновало меня. Но главное, мой старый друг Рип, Рип, которого я любил гораздо больше Моулди, сделался честным, стал говорить как честный мальчик. Не понимая, что делает, он растревал мою рану, и я чувствовал такой стыд, такое раскаяние, что готов был провалиться сквозь землю. В то же время я боялся, что Рипстон заметит мое смущение, и это еще больше увеличивало мои мучения. Страх мой оказался не напрасным. Представив, как бы мы встретились, если бы он остался воришкой, а я сделался честным мальчиком, мой старый товарищ развеселился. Толкая меня под бок, он с хохотом спрашивал: неужели мне не смешно? Мне нисколько не было смешно. Я не мог заставить себя не только засмеяться, но даже улыбнуться. Я смотрел прямо перед собой, сдвинув брови и стиснув зубы. Рипстон вдруг остановился, среди смеха.

– Что с тобой, Смиф? – спросил он, взяв меня за руку. – У тебя что-то неладно? Ты ведь служишь в магазине, это правда?

В эту минуту поднялся занавес, и началось представление новой пьесы, так что я мог оставить вопрос Рипа без ответа. Чтобы скрыть свое смущение, я принялся хлопать в ладоши и кричать «браво» вместе с остальной публикой.

Пьеса была необыкновенно интересна и трогательна. В ней изображалась вся жизнь одного очень несчастного человека. В первом действии он был еще крошечным ребенком и мать носила его на руках; отец его, злой, гадкий пьяница, требует денег у своей жены и колотит ее, когда она говорит, что у нее денег нет.

– Этак, Смиф, и у вас в доме бывало, – обратился ко мне Рипстон после первого действия. – Помнишь, ты рассказывал, как отец твой колотил твою мать?

– Помню, – отвечал я, и мне живо вспомнилась моя бедная мать.

– А хорошо иметь мать, Смиф, – продолжал Рипстон. – Ты, я думаю, очень жалеешь теперь, когда ты переменился, что у тебя нет настоящей матери? Мне так было хорошо, как я вернулся к своей старухе. Она меня обняла, да так крепко, что я думал – она меня задушит. И сама чуть не умерла от радости. Ах, что я тогда чувствовал, Смиф!

У меня навернулись слезы, мне хотелось во всем признаться Рипу. Только стыд удерживал меня, В эту минуту я от всей души презирал Гапкинса и не чувствовал ни малейшего желания вернуться к нему.

Во втором действии Френк – так звали ребенка – стал уже взрослым мальчиком. Мать его умирает, ему нечем похоронить ее, и он ворует, чтобы купить для нее гроб. За это его арестовывают и ведут в тюрьму.

В третьем действии он уже выпущен из тюрьмы, пирует с ворами и разбойниками. Им нечем заплатить за выпитое пиво, и он опять ворует. Его сажают в тюрьму и набивают на ноги железные кандалы.

В четвертом действии он работает на каторге вместе с другими ссыльными.

В пятом действии он отбыл срок и ищет работы, чтобы жить честным трудом. Но ничего не находит, Он встречает одного своего знакомого каторжника, который подговаривает его на какое-то дурное дело.

В шестом действии он вместе с каторжниками забирается в контору, убивает сторожа и похищает все деньги. Полиция застигла их на месте. Каторжник бежит, а Френка снова сажают в тюрьму.

В седьмом действии Френк сидит в тюрьме, закованный в цепи.

Он раскаивается в своих дурных поступках и страшно мучается. Вдруг он видит во сне свою мать; она утешает и ободряет его; он плачет и идет на казнь спокойно, без всякого отчаяния. В это время разворачивается бумага, на которой крупными буквами написано: «Любовь матери бесконечна».

XXIII

Мое намерение перемениться быстро исчезает

Пьеса вызвала громкие рукоплескания зрителей.

Меня она тронула до того, что я не решился взглянуть на Рипстона, чтобы он не увидел моих слез.

– Какая славная пьеса! Не правда ли, Смиф! – сказал он, пока мы проталкивались сквозь толпу при выходе из театра. – В ней так хорошо показано, что человек вовсе не делается негодяем сразу, в один прекрасный день; нет, жизнь делает его негодяем постепенно, день за днем, мало-помалу... «Любовь матери бесконечна».

Это, я думаю, значит, что мать всегда прощает. Надо только подумать о ней, и сразу легче станет, и сам лучше сделаешься.

– Да, я думаю.

– О мачехах там ничего не сказано, Смиф. Я думаю, ты не успокоился бы, если бы увидел во сне свою мачеху.

Я постарался засмеяться в ответ на его слова, но в душе мне было вовсе не до смеха.

– Что с тобой? О чем ты плачешь, Смиф? – вскричал вдруг Рип.

В эту минуту мы вышли на улицу.

– Полно, перестань, – утешал меня товарищ. – Тебе не нужно ходить смотреть чувствительные пьесы, если ты такой слабый. Что, у тебя нет платка? На, возьми мой.

И он подал мне какую-то грязную тряпку.

– Ах, Рип!

– Ну, перестань же! Ты, верно, нездоров! Успокойся, смотри, уже десять часов, нам пора по домам! Мне придется идти далеко. А ты где живешь? К которому часу тебе надобно вернуться? Где лавка твоего хозяина?

Последний вопрос он сделал тревожным голосом, как будто у него опять мелькнуло подозрение.

– Я не живу в лавке, – проговорил я прерывающимся голосом, наклоняясь ближе к его уху. – У меня нет хозяина.

– Нет хозяина? Так чем же ты живешь? Где работаешь?

– Нигде. Нельзя же называть наше прежнее дело работой.

– Наше прежнее дело! – с удивлением вскричал Рип. – Неужели ты в самом деле не переменялся, Смиф? Нет, этого не может быть!

– Да, я переменялся, – рыдая, отвечал я. – Только я стал еще хуже, вот как в пьесе.

Рипстон простоял с минуту задумавшись, глядя на меня с недоумением. Потом он тряхнул головой. Он всегда так делал, когда решался на что-нибудь.

– Ты об этом плачешь, Смиф? – спросил он.

– Да, об этом.

– Значит, ты хочешь перемениться?

– Еще бы, очень хочу! Я рад бы сейчас сделаться честным, да только не знаю как. Вот бы ты помог мне!

– Как же я могу тебе помочь?

– Не знаю, Да вот, если бы туда же поступить, где ты...

– Я уж об этом думал! – с жаром вскричал Рипстон. – Попробую, поговорю с мастером. Пойдем скорей, а то у нас ворота закроют.

Я твердо решил последовать совету Рипстона, и мы быстрыми шагами пошли по улице. Но едва сделали мы несколько шагов, как перед нами появился Джордж Гапкинс. Он стоял, прислонясь к фонарю.

Когда я проходил мимо, он положил руку на мое плечо, повидимому, с полным добродушием. Но я почувствовал, что он крепко держит меня.

– Ах, вот ты где! – произнес он голосом ласкового упрека. – Экий ты нехороший, непослушный мальчик. Как тебе не стыдно ходить в такие дурные места, когда ты знаешь, что твоя добрая тетенька терпеть этого не может! Неужели ты никогда не отстанешь от дурных знакомств? А ты, мальчишка, – обратился он к Рипстону, – если ты еще раз вздумаешь сворачивать его с пути, я сведу тебя в полицию. Убирайся прочь!

Я был так поражен неожиданным появлением Гапкинса, что не мог выговорить ни слова, Рипстон, очевидно, удивленный его щегольским нарядом и повелительным тоном, смотрел то на меня, то на него, широко открыв глаза от удивления.

– Ну, если ты не хочешь идти со мной, Смиф, – проговорил он наконец, – так прощай.

– Прощай, Рип! Мы, может быть, скоро увидимся.

Он пошел дальше, и я видел, что он несколько раз оборачивался и смотрел на меня все с тем же удивлением.

– С каким это негодяем я тебя встретил? – спросил Джордж, не снимая руки с моего плеча и увлекая меня в сторону улицы Кэт.

– Он не негодяй, он честный мальчик, – отвечал я.

– А если он честный мальчик, так чего же он связывается с такими воришками, как ты? – насмешливо заметил мистер Гапкинс. – И тебе что за надобность знаться с честными мальчиками? Ты должен помнить свое дело и не забывать, что работаешь на меня.

Я был так смущен, что не нашелся, как ответить ему. Он снял руку с моего плеча, я мог убежать от него и догнать Рипстона. Эта мысль мелькнула у меня в голове. Но я не имел сил привести ее в исполнение.

Джордж Гапкинс наводил на меня необъяснимый страх, я не смел ни на шаг отставать от него.

– О чем же это ты разговаривал с честным мальчиком, когда я вас встретил? – спросил он.

– О прежней жизни, – отвечал я.

– О прежней жизни? Когда ты был честным мальчиком?

– Нет, когда он был нечестным.

– А, так он не всегда был честным, Джим? Что же он делал?

Я чувствовал, что поступаю дурно, выдавая своего старого приятеля, но я не смел противиться своему хозяину.

– Мы с ним вместе занимались воровством на рынке в Ковентгардене, – отвечал я, – и жили вместе под Арками.

– Вот что! А теперь где же он живет? Что он делает?

– Он работает.

– Работает? Возится с какой-нибудь грязной тяжелой работой, бедный мальчуган! И много он зарабатывает?

– Восемнадцать пенсов в неделю.

– И за это он должен трудиться целые дни, как лошадь, и ходить в грязи с самого утра понедельника и до позднего вечера субботы. Знаешь, сколько он всего получит в год? Три фунта восемнадцать шиллингов.

– Ну, что же, это не мало.

– Не мало за целый год работы! А знаешь, сколько было денег в бумажнике, который ты сегодня добыл? Двадцать семь фунтов! То, что он заработает в семь лет. Что бы он сказал, если бы знал, что ты в одну минуту, не пачкая рук, можешь заработать столько, сколько он в семь лет! Я думаю, он счел бы свою жизнь очень несчастною!

– Может быть, он сказал бы, что лучше получать меньше, да зато... без опасности, – несмелым голосом заметил я.

– Ну, конечно, хорош виноград, да зелен! Слыхал эту басню, Джим? Так сказала одна лисица, когда ей не удалось достать сочную виноградную кисть. Я не хочу, чтобы ты слишком много о себе мечтал, Джим, но ты должен понимать, что без ловкости, без таланта нельзя сделать ту штуку, какую ты сделал сегодня. А у того бедного мальчугана ловкости-то, должно быть, не хватает, вот он и принимается поучать других. Ведь он поучал тебя, правда?

– Не знаю, как сказать. Он рассказывал мне, как он переменялся, и все такое.

– Ну да, и как ему теперь хорошо живется, и как ему страшно подумать о прежней жизни. Известное дело. А ты что ему говорил?

– О чем?

– Обо мне.

– Ничего!

– Что?!

В это время мы пришли в пустынную, безлюдную часть города.

Произнеся последнее восклицание, мистер Гапкинс вдруг повернулся ко мне и посмотрел на меня с таким видом, как будто удивился, что я осмеливаюсь отрицать очень хорошо известную ему вещь.

Если бы я действительно говорил о нем, я не мог бы выдержать его взгляда. Теперь же я смело посмотрел ему в глаза и повторил:

– Я ни слова не говорил о вас.

Он вдруг захохотал.

– Еще бы! – вскричал он. – Еще бы ты вздумал говорить обо мне первому встречному мальчишке в театре. Это было бы отлично!

И он продолжал смеяться, будто в словах его было что-нибудь особенно забавное.

– Вот что я тебе скажу о том мальчишке, о котором у нас шла речь, – заговорил через несколько минут Гапкинс. – Он просто дурак, ничего больше. Конечно, он в этом не виноват, но он дурак, это несомненно.

Он попробовал вести привольную барскую жизнь: иметь много денег и ничего не делать; но способностей у него не хватило, и вот он принялся работать как вол за три пенса в день. А представь себе, если бы он не был дурак, если бы он был способный, талантливый мальчик, вот как ты, неужели он согласился бы на такую жизнь? Да ни за что на свете! И кого он думает удивить тем, что работает с утра до ночи? Кто похвалит его? Решительно никто. Всякий, напротив, скажет: «Смотри, мальчик, помни, что ты должен быть счастлив, если мы не гоним тебя прочь. Чуть что не так, мы тебя вытолкаем вон, как последнюю скотину». Ну, вот мы и пришли домой.

С этими словами он отворил дверь своего дома.

Мы вошли в комнату, где нас уже ожидал великолепный ужин. На столе стояло блюдо с горячим мясным пудингом, другое блюдо с рассыпчатым картофелем, два блестящие стакана и большой кувшин пива.

Мистер Гапкинс пригласил меня сесть за стол рядом с собой и самым радушным образом накладывал мне на тарелку вкусные кушанья.

Этот великолепный ужин сразу после рассуждения моего хозяина о несчастной жизни Рипстона сильно поколебал мое намерение исправиться. Конечно, бедный Рип, мальчик без таланта (я не понимал, что значит это слово, но оно мне очень нравилось), может проводить всю жизнь, таская кули с угольями. А я – другое дело!

Он ведь не знает моих способностей. Он не знает, что я целых два месяца жил сам по

себе карманным воровством. Он не знает, какое это легкое дело и сколько денег можно добыть им! Да и зачем в самом деле делаться таким грязным бедняком, как Рип, если никто не скажет за это спасибо?

– А что, Джим, – заговорил мистер Гапкинс, – как ты думаешь, что теперь ест твой «честный» знакомый? Купил, бедняжка, кусок хлеба с заплесневевшим сыром, да и будь доволен, правда?

– Думаю, что так, – поддакнул я.

– Поест он, да и завалится спать где-нибудь на нарах, в тесноте и в грязи, а?

– Да, уж конечно, – засмеялся я вместе с мистером Гапкинсом.

– У тебя очень хорошенькая спальня, – заговорил он снова после минуты молчания. – Ты найдешь там в комодке рубашки и все белье. Платье там также висит хорошее, не знаю только – будет ли тебе впору. А что, есть у тебя часы?

– У меня часы? Да я никогда и не мечтал о такой роскоши!

– Я сейчас тебе принесу. Мои мальчики всегда при часах.

Он вышел из комнаты и через минуту возвратился, держа в руках прелестные серебряные часы с длинной серебряной цепочкой. Он сам надел их на меня и очень ласково научил меня, как заводить их. При виде блестящей цепочки, болтавшейся поверх моей курточки, я почувствовал такую разницу между собой и несчастным Рипом, что не мог думать о нем иначе, как с сожалением.

После ужина мистер Гапкинс выпил стакан грога, выкурил сигару и, спокойно усевшись на диване, попросил меня рассказать ему, что я видел в театре. Я принялся подробно передавать ему содержание пьесы, так сильно растрогавшей меня. На него пьеса произвела совсем не такое впечатление, как на меня и Рипа. Он беспрестанно прерывал мой рассказ какими-нибудь насмешливыми замечаниями, доказывал мне, что все действующие лица дураки и что в жизни никогда не может случиться таких глупостей. В конце концов мне стало очень стыдно, что я мог растрогаться подобною нелепостью.

Чтобы мистер Гапкинс не угадал, что я чувствовал в театре, я соглашался со всеми его замечаниями, смеялся громче его самого, Мы совсем подружились.

Наконец мистер Джордж взглянул на часы.

– Ого, как мы засиделись! – вскричал он. – Уже двенадцать часов! Пора спать, Джим! Возьми свечку; не беда, что я останусь в темноте. Твоя комната наверху, направо. Когда разденешься, позови меня, я унесу свечу.

Я пожелал ему спокойной ночи веселым голосом. Мое мнение о нем стало значительно лучше с тех пор, как мы вернулись домой. Он видел, что я готов усердно служить ему. Взяв в руки свечу, я отправился в свою комнату. Он предупредил меня, что у меня будет хорошенькая спальня, но такого великолепия я не надеялся найти.

Над кроватью, застланною белоснежным бельем, висели красивые ситцевые занавески, На окнах были белые шторы, на комодке стояло зеркало, а на полу лежал мягкий пестрый ковер. Около умывальника висело чистое, белое полотенце. Я смело сунул голову в комнату, но, увидев ее великолепие, быстро отступил, чтобы посмотреть, туда ли я зашел. Нет ли другой комнаты направо?

Нет, никакой другой не было, это действительно моя спальня.

Я снял сапоги, чтобы не испачкать чудный ковер, и робко подошел к постели. Мне очень хотелось хорошенько осмотреть все вещи в этой прелестной комнатке, но я вспомнил, что мистер Гапкинс сидит в темноте, и потому поспешил раздеться и улечься.

– Я готов! – закричал я. – Потрудитесь взять свечку!

Никто не отвечал мне. Тогда я встал с постели и отворил дверь, собираясь закричать погромче, как вдруг услышал голос мистера Гапкинса и молодой женщины, отворявшей нам дверь. Они, очевидно, ссорились.

– Неужели же я у тебя буду спрашиваться, когда мне уходить и когда приходить? Вот выдумала! Говорят тебе, иду по делу.

– И вчера, и третьего дня ты все ходил по делу, Джордж. Ты лжешь! Я знаю, что ты

делаешь! Я выслежу тебя!

– Ну, если лгу, так и спрашивать нечего; уйду, да и все тут!

Голоса смолкли.

– Потрудитесь взять свечку! – закричал я.

Через минуту Джордж вошел ко мне, взял свечку и молча ушел прочь. Я услышал вслед за этим, как хлопнула дверь на улицу.

Ссора мистера Гапкинса с женой нисколько не тревожила меня.

Он куда-то уходил, она его не пускала, – что мне за дело до этого?

Я спокойно улегся в своей хорошенькой кровати и совсем собрался уснуть, как вдруг услышал стук в мою дверь.

– Кто там? – спросил я.

– Оденься и сойди вниз, мальчик, мне надо поговорить с тобой.

Я узнал голос миссис Гапкинс. Она приотворила дверь, поставила зажженную свечку на пол моей комнаты и, не говоря ни слова больше, ушла прочь.

XXIV

Миссис Гапкинс рассказывает мне неприятные вещи

Я не смел ослушаться приказа миссис Гапкинс.

Ведь она была моей хозяйкой. Я быстро вскочил с постели и начал одеваться.

– Не надевай сапог, – закричала она мне с лестницы, – оставь их наверху!

Это новое приказание отчасти успокоило меня. Я помнил, как она неласково приняла меня, и боялся, что теперь, когда Джорджа не было дома, она просто выгонит меня на улицу, но в таком случае она, конечно, не велела бы оставить сапоги.

Спустившись вниз, я увидел, что она сидит в гостиной одна и что глаза ее красны и опухли от слез.

– Войди же, – нетерпеливо вскричала она, видя, что я в нерешимости остановился на пороге. – Войди и запри дверь.

Я вошел, хотя моя робость и мое недоумение все возрастали.

– Подойди сюда, поставь свечку на стол и дай мне хорошенько посмотреть на тебя: я ведь почти не видала тебя.

Не знаю, что она подумала обо мне, но, пока она пристально разглядывала меня своими красными, заплаканными глазами, мне представилось, что она, должно быть, просто пьяна.

– Сядь, – сказала она, видимо удовлетворившись своим осмотром, – и скажи мне: что ты за мальчик?

– То есть как, что за мальчик? – с удивлением спросил я.

– Совсем ли ты испорченный ребенок, испорченный до мозга костей, как все те маленькие негодяи, которые жили у нас?

Она пристально глядела на меня, и я чувствовал, что краснею.

Что ей ответить? Конечно, если бы я был хорошим мальчиком, мистер Гапкинс не взял бы меня к себе.

– Я не знаю, что значит совсем испорченный мальчик, – сказал я. – Я думаю, что я не совсем испорчен. Вы спросите лучше у мистера Гапкинса, каков я.

– Долго ты был вором?

– Несколько недель.

– Только недель! А часто сидел в тюрьме?

– Ни разу.

– Ни разу! Есть у тебя мать?

– Была, да умерла, когда я был еще маленьким.

– А отец?

– Не знаю; может быть, и он умер; мне это все равно.

– Он, верно, вор? Почти всегда сидит в тюрьме, а?

– Отец в тюрьме? Кто это выдумал? Он славно задал бы тому, от кого услышал бы такие слова! Мой отец честный человек!

Негодование придало мне смелость взглянуть ей прямо в глаза.

Она улыбнулась.

– Так отчего же ты сделался вором? – спросила она. – Как ты познакомился с Джорджем? Он тебе нравится?

– Да, очень, – поспешил я ответить. – Он очень хороший человек.

– Он хороший человек? – вскричала она со злобным смехом, – Сказать тебе, кто он? Он паук, который незаметно затянет тебя в свою паутину и высосет всю твою кровь!

– Высосет мою кровь?

Горячность, с какой говорила миссис Гапкинс, испугала меня.

– Кровь всякого, кто попадется ему! Он настоящий вампир! Как ты думаешь, зачем он взял тебя к себе?

Если она не знала – зачем, то, пожалуй, Джордж Гапкинс рассердится на меня за то, что я ей скажу.

Если же она знала, то не стоило отвечать ей. Я понимал, что она, поссорившись со своим мужем, хочет восстановить меня против него. Но, вспомнив, как обыкновенно вела себя миссис Берк, я сделался очень осторожен: если я скажу что-нибудь дурное против хозяина, она завтра же, помирившись с ним, все перескажет ему.

Кроме того, убедившись, что она не пьяна, я стал еще больше бояться ее. Все это заставило меня отойти к дверям, с намерением при первом удобном случае убежать наверх и запереться в своей спальне.

– Мы с ним поладили, – проговорил я по возможности примирительным тоном, – я всем доволен; если что не так, об этом можно поговорить завтра утром.

Она несколько секунд глядела на меня с выражением сострадания, смущавшего меня еще больше, чем ее гнев.

– Хорошо, если ты это говоришь только по незнанию, – проговорила она. – Ты доволен! Доволен тем, что тебе придется просидеть в тюрьме несколько месяцев, может быть, несколько лет! Доволен тем, что всю жизнь будешь носить имя, которое делается позором и для тебя и для всех твоих близких! Положим, у тебя нет ни отца, ни матери; но неужели нет никого, кто был когда-нибудь добр к тебе и о ком ты будешь думать, когда тебя посадят в тюрьму за воровство?

Да, конечно, у меня был такой человек. Я вспомнил миссис Уинкшип. Я вспомнил ту ночь, когда она и Марта приютили, накормили, одели и приласкали меня. Я вспомнил, как она хотела сделать из меня честного мальчика, и почувствовал, что мне будет очень и очень тяжело, если она узнает, что я сижу в тюрьме за воровство. Но с какой же стати мне этого бояться?

Ведь Джордж Гапкинс обещал выручить меня из всякой беды.

– Я не попаду в тюрьму, – сказал я. – Я уже больше двух месяцев занимаюсь этим делом и ни разу не попадался. А тогда мне еще никто не помогал.

– А теперь ты нашел помощника! – вскричала она. – Он поможет тебе на долгое время засесть в тюрьму. Это его всегдашняя манера. Он тысячу раз говорил мне: «Я никогда не начинаю работать свежими руками, пока не отделаюсь от старых». Каждый мальчик служит у него, пока не станет известен полиции, пока за ним не начнут следить. Понимаешь ты меня теперь?

Трудно было не понять.

– А мистер Гапкинс не то говорил мне, – заметил я. – Он обещал, что не пожалеет никаких денег, чтобы выручить меня из беды.

– Он обещал! Да разве можно верить обещаниям этого обманщика, этого злодея? Слушай, мальчик. Я тебе много рассказала. Ты можешь завтра же выдать меня мужу, и он избьет меня до полусмерти, Он уже не раз избивал меня. Мне все равно, мне надоела эта жизнь!

Она положила голову на стол и заплакала так горько, что у меня выступили слезы на глазах.

– Пожалуйста, не бойтесь, – сказал я, подходя к ней. – Я ничего ему не скажу. Я не стану вредить человеку, который желает мне добра.

– Я желаю тебе добра, – сказала она, поднимая над столом свое заплаканное лицо. – Все, что я тебе говорила, правда, истинная правда.

– Я вам верю, только посоветуйте мне, что же мне делать?

– Поди ляг в постель и сам подумай. Поди и подумай, куда тебе деться, когда ты убежишь отсюда.

– А если я убегу, он погонится за мной, как вы думаете?

– Придумай такое место, куда бы он не смел гнаться за тобой. Иди ложись и думай об этом. Прощай.

Я вернулся в свою комнату в сильном раздумье.

Хорошо ей было говорить: «Ляг в постель и подумай».

Как я мог думать, когда после всех необыкновенных событий нынешнего дня в голове моей остался какой-то хаос? Одно только было мне ясно. Миссис Гапкинс сказала мне правду: ее муж негодяй, и, если я останусь у него, меня ожидает самая несчастная участь.

Я должен бежать, – но куда? Куда он не посмеет гнаться? Куда же это? Этого вопроса я не мог решить.

«Засну-ка я лучше теперь, – сказал я сам себе, – а завтра поговорю с ней об этом. Она, наверно, присоветует мне что-нибудь».

На великолепных часах, подаренных мне накануне мистером Гапкинсом, было восемь часов, когда я проснулся на следующее утро.

Я не слышал, как мистер Гапкинс возвратился домой, но теперь я слышал скрип его сапог по лестнице, – значит, он был дома. Я ожидал, что он позовет меня, но он, не говоря ни слова, прошел мимо моей комнаты, и через несколько минут я услышал, что он уходит из дому. Я лежал в постели, придумывая, что мне делать, когда я встану, как вдруг уличная дверь отворилась, и я услышал шаги двух мужчин по лестнице. Через несколько времени Джордж Гапкинс вошел ко мне в комнату.

– Ну, Джим, – сказал он, – тебе, кажется, придется быть и поваром, и слугою, и всем на свете: жена заболела.

– И сильно заболела, сэр? – спросил я, вспомнив странное выражение ее лица накануне.

– Так сильно, что я сейчас ходил за доктором. Доктор говорит, что у нее начинается тиф.

Болезнь миссис Гапкинс оказалась нешуточной и продолжалась целых три недели. Во все это время я ни разу не видел ее. Мистер Гапкинс нанял какую-то старушку, которая ухаживала за ней, готовила кушанье и исполняла домашние работы, причем я усердно помогал ей. Другого дела у меня не было. Хозяин не исполнил своего обещания и не думал обучать меня всем тонкостям нашего ремесла. Он так боялся заразиться тифом, что почти никогда не сидел дома. Он обедал вместе со мной в столовой, сидя у открытого окна и беспрестанно нюхая баночку со спиртом.

Затем уходил и не возвращался домой до поздней ночи. Спал он в той же столовой, на диване.

Мое положение было очень недурное. Меня кормили хорошо.

Хозяин всегда давал мне шиллинг, когда я его просил, и позволял мне гулять, где я хочу, от шести до десяти часов вечера. Он не только не научил меня дурному, а, напротив, каждое утро, уходя из дому, говорил мне: «Пожалуйста, ты не берись за работу и не ходи ни в какие дурные места. Скучно тебе – сходи в театр или в концерт. Если тебе нужны деньги, бери у меня, а сам не добывай».

Таким образом, хотя я не забывал совета, данного мне миссис Гапкинс, я находил, что бежать теперь было бы очень глупо.

Кроме того, хотя я не видал моей больной хозяйки, но она часто давала мне мелкие

поручения. Я оказывал ей небольшие услуги, и мне казалось, что я поступил бы очень неблагородно, если бы бросил ее, пока она больна.

Через три недели миссис Гапкинс вышла из своей комнаты. Она была страшно худа и бледна, длинные волосы ее были коротко острижены, и на голове у нее был чепчик. Это так обезобразило ее, что я с трудом узнал ее. Мистер Гапкинс, не выдавший своей жены уже недели две, был также поражен переменою в ее лице.

– Эким уродом ты стала! – заметил он. – Я на твоём месте не вышел бы из комнаты с такой физиономией.

– Я бы хотела быть еще вдесятеро безобразнее назло тебе! – отвечала она довольно неласковым голосом.

Было ясно, что болезнь миссис Гапкинс не примирила моих хозяев.

Возвратившись на следующий вечер домой, я очень удивился, увидев, что она сидит в столовой вместе с мистером Гапкинсом и какими-то двумя мужчинами. Они все о чем-то весело разговаривали, смеялись и, казалось, были в полном согласии. Впрочем, разговор у них шел, должно быть, деловой, потому что, когда я вошел, мистер Гапкинс указал своим приятелям на меня. Те осмотрели меня с ног до головы, и затем мне было приказано или отправляться спать, или идти еще гулять. Я выбрал первое.

Не знаю, долго ли я спал, но меня разбудило прикосновение чьей-то руки к моему плечу и голос миссис Гапкинс:

– Ты не спишь, Джим?

– Нет, не сплю.

– Думал ты о том, о чем мы с тобой говорили ночью перед моей болезнью?

– Да, я много раз об этом думал и передумывал.

– Ну, и что же? Ты решил последовать моему совету?

– Да, конечно, только я не знаю, куда мне бежать.

– Ты должен скорее придумать. Если ты не уйдешь завтра, тебе придется каяться всю жизнь. Ты видел сегодня в столовой двух приятелей моего мужа – Туинера и Джона Армитеджа? Они вместе затевают дурную штуку и тебя возьмут в помощники.

– Какую же такую штуку?

– Грабеж. Шш... не спрашивай больше. Это будет сделано завтра или послезавтра ночью... в Фульгете, улица Прескот, № 12, у мистера Дженета. Послушайся меня, завтра утром, как только встанешь, иди туда, куда он не посмеет погнаться за тобой, и расскажи там все. Только не говори ничего обо мне, Понимаешь?

– Понимаю, не беспокойтесь, пожалуйста! – отвечал я.

– Я и не беспокоюсь, я знаю, ты добрый мальчик и не захочешь за добро заплатить злом. Прощай, мне надо идти вниз, они сейчас вернутся. – Она потрепала меня по щеке своей горячей рукой и вышла вон.

Наконец должна была начаться моя служба у мистера Гапкинса!

Странно только, что он брал меня помощником в таком важном деле, как грабеж, не подучив меня сперва, как обещал. Еще удивительнее казалось мне поведение миссис Гапкинс. Если она хотела, чтобы я убежал и не участвовал в дурном деле, зачем назвала она мне сообщников своего мужа и тот дом, который они собирались ограбить? Я ворочался на постели, думая и передумывая одно и то же, но моя глупая голова не могла ответить на эти вопросы.

Наконец я решил, что на следующее утро, как только встану, побегу в Спиталфилд, разыщу там Рипстона, расскажу ему все дело и попрошу его совета. Сначала я хотел обратиться за советом к миссис Уинкшип, но, вспомнив, что около ее дома могу встретить отца и что она, пожалуй, сердится на меня за измену Бельчеру, отказался от этого плана.

XXV

Я изменяю Джорджу Гапкинсу. – Занавес падает

На следующее утро, после завтрака, Джордж Гапкинс сказал мне:

– Ты много не шлейся сегодня, чтобы не слишком устать к ночи. Ты мне понадобишься.

– Зачем? – спросил я с самым невинным видом.

– А тебе что за дело? Узнаешь, когда нужно будет.

Через несколько времени он позвал меня в небольшую прачечную, на другом конце двора. Там было маленькое окошечко в одно стекло, отворявшееся в кухню.

– Посмотри-ка, можешь ли ты пролезть через такое отверстие? – спросил он.

Я с трудом просунул плечи сквозь маленькое окошечко и соскочил в кухню.

– А нельзя тебе еще побольше нашуметь? – спросил он насмешливо.

Я пролез еще раз, стараясь ступать как можно тише.

– Вот это лучше, – заметил он. – Попробуй еще раз, становясь на цыпочки.

Я пролез еще и еще раз, всего раз двадцать.

– Ну вот, теперь хорошо! – сказал Джордж. – Какие у тебя сапоги, Джим?

– Крепкие, на толстых подошвах, сэр.

– Это не годится. Тебе нужно купить пару тонких башмаков, которые ты мог бы легко снимать и надевать. Поди, купи себе сейчас. На Бишопстрит есть башмачная лавка.

Он дал мне десять шиллингов, и я ушел. Мне нужно было пройти мимо столовой. Миссис Гапкинс увидела меня; она кивнула мне головой и тихо шепнула: «Пора! Пора! Беги! Потом будет поздно!» В ответ я кивнул ей головой.

Ясно было, что она не обманула меня вчера. Мистер Гапкинс не объяснил мне, для какого дела я был ему нужен, но я понял, что мне придется влезать куда-нибудь в окно и таким образом принимать участие в грабеже. А за грабеж ссылают, как я слышал, на каторгу. Значит, я погибну на всю жизнь, если не убегу как можно скорей.

Не раздумывая больше, я направился к Спиталфилду.

Я не знал, где именно находится фабрика, на которой работал Рипстон. Наверно, если я спрошу сталелитейную фабрику Беккера, мне покажут. Теперь как раз около двенадцати. Значит, рабочих скоро отпустят обедать, Я покараулю у ворот и поговори с Рипом.

Фабрику мне действительно сразу показали. У ворот толпилось много женщин со свертками и судками. Они, должно быть, принесли еду тем рабочим, которые обедают на фабрике.

«А вдруг и Рипстона не выпускают на улицу? – подумал я. – Что мне тогда делать?»

Но в это время прозвонил колокол, и сразу во двор высыпала целая толпа рабочих. Все шли к воротам. Одни брали свертки у своих жен, а других стороне выпускал на улицу.

Вдруг калитка широко распахнулась, и из нее выбежала ватага мальчишек. Я сейчас же увидел среди них Рипстона. В первую минуту он не заметил меня, но, как только я окликнул его, он тотчас же радостно закричал:

– А, Смиф, дружище! Вот молодец, что пришел! Чарли, это тот мальчик, о котором я тебе говорил, – обратился он к своему товарищу. – Ну, Смиф, идем с нами в кухмистерскую, там и поболтаем. У нас полтора часа свободных.

Мне не очень-то хотелось говорить при постороннем мальчике, но делать было нечего. Я было попытался подмигнуть Рипу, но он ничего не понял. Потом я подумал: «Все равно, он, верно, ничего не скрывает от своего товарища. Я не назову имени Гапкинса».

Мы пришли в кухмистерскую и сели в уголке за отдельный столик. Рипстон с товарищем пошли к стойке, вынули из карманов какие-то билетки и получили по тарелке похлебки и по куску хлеба, Я сказал, что не голоден. Пока они ели, я тихонько рассказывал им, что мне говорила жена моего хозяина и что затевается сегодня ночью.

– Ах он, мерзавец этакий! – закричал Рипстон, когда я кончил. – Да его повесить мало! Сам какие штуки устраивает, а других подводит! Чего тут думать? Поди да и расскажи полиции!

– Нет, это не дело, Рип! – остановил его Чарли, до сих пор молча слушавший меня. – Полицию путать не годится. Видно, что ты недавно стал рабочим. Настоящий рабочий

никогда с полицией связываться не станет.

– Значит, по-твоему, так ему и позволить грабить да убивать?

– Нет! Но неужто без полиции не обойтись? Ты ведь знаешь адрес того человека, которого он хочет ограбить? – обратился Чарли ко мне.

– Знаю, – отвечал я.

– Ну, и отлично! Поди к нему сейчас и предупреди его. Он тебе спасибо скажет, а коли ему понадобится помощь, я ему таких молодцов приведу, что со всякими грабителями справятся.

Я посмотрел на Рипстона.

– Ну что ж, Смиф, – сказал он немного смущенно. – Оно и правда: так, пожалуй, лучше. Ты не бойся, Если ты сам придешь, он не подумает, что ты такой же, как они.

– Ты лучше не мешкай долго, – прибавил Чарли внушительно. – Дело серьезное. Надо дать человеку подготовиться.

Я встал. Я знал, что мне надо идти, но ужасно боялся.

– Да ты что, Смиф? – усмехнулся Рипстон. – Трусишь, верно? Чарли! – прибавил он, обратившись к товарищу. – Сходил бы ты с ним. У нас еще час времени есть. А то ему одному страшно.

– Ну что ж, пожалуй, – проговорил тот охотно.

Ему, видимо, было приятно, что к нему, словно к взрослому, обращаются за помощью.

Я простился с Рипстоном, и мы быстро отправились в Фульгет.

Это было не очень далеко. На той же окраине, где и фабрика. Только улица Прескот была много чище.

Для верности мы спросили в соседней лавчонке, и нам сказали, что мистер Дженет действительно живет в доме № 12, один. Он старый моряк и уже давно поселился тут.

Дом № 12 стоял особняком, в глубине маленького садика.

Калитка оказалась не заперта. Когда мы позвонили у подъезда, нам отворил рослый молодой человек.

– Дома мистер Дженет? – смело спросил Чарли.

– Отец дома, – ответил тот. – Вы по какому делу? Он ведь уже больше не плавает.

Верно, он подумал, что мы пришли наниматься к нему на корабль.

– Нам нужно видеть мистера Дженета по важному делу, – сказал Чарли уверенным голосом.

Молодой человек окинул нас обоих удивленным взглядом, но ничего не сказал и вошел в дом.

– Говорили, что он один живет, а у него вон какой сын! – заметил Чарли.

Мне было не до разговоров. Я страшно волновался, и с каждым часом все больше. Хорошо ли я делаю, что выдаю Гапкинса? Ведь из-за меня его могут послать на каторгу, если мистер Дженет заявит полиции. А может быть, он не поверит мне и меня отправят в полицию? Но уже поздно было раздумывать. Дверь отворилась, и тот же молодой человек позвал нас в дом.

Мистер Дженет встретил нас очень приветливо. Это был широкоплечий старик с темным, загорелым лицом и густыми белыми волосами. Он усадил нас против себя и спросил, какое у нас важное дело.

Тут, видимо, и Чарли немного смутился. Он оглянулся на меня и сказал:

– Вот этот мальчик, сэр, расскажет вам всю историю. Вы ему верьте. Это все правда. Я вам за него ручаюсь.

Мистер Дженет слегка усмехнулся, но потом серьезно посмотрел на меня и сказал коротко:

– Ну, выкладывай всю правду! Я слушаю.

Запинаясь и путаясь, я начал рассказывать. Он не прерывал меня. Понемногу я собрался с духом и уже довольно связно рассказал ему, что затевается нынешней ночью.

Когда я кончил, он заметил, точно про себя:

– Вот кстати, что мои мальчишки пришли как раз сегодня.

С этими словами он отворил дверь и крикнул:

– Джон, поди сюда и позови Тома.

Через несколько минут в комнату вошли два высоких молодых человека.

– В чем дело, отец? – сказал тот, который отворял нам. – Что-нибудь случилось?

Мистер Дженет подробно передал им мой рассказ.

Они предложили мне еще несколько вопросов. Потом мистер Дженет отозвал их к окну и несколько минут о чем-то совещался с ними. Потом он подошел опять ко мне и спросил:

– В котором часу ты ушел с улицы Кэт?

Я помнил, что была половина двенадцатого, когда я заглянул в столовую, где стояла миссис Гапкинс.

– Теперь четверть второго, – сказал мистер Дженет. – Он велел тебе купить башмаки и вернуться?

– Да, сэр.

– Ну, так беги скорей, купи такие башмаки, как он велел.

– Но, сэр, – заметил я, – мои сапоги еще совсем крепкие.

Мистер Дженет улыбнулся и заметил:

– Ты, кажется, хороший мальчик. Счастье твое, что ты вовремя остановился. Как только купишь башмаки, беги скорее на улицу Кэт.

– Назад на улицу Кэт? К Джорджу Гапкинсу? Да зачем же это, сэр?

– Видишь ли, я хочу, чтобы он пошел на этот грабеж, – отвечал мистер Дженет. – Ты не глупый мальчик, понимаешь, зачем нам это нужно. Тебе не предстоит никакой опасности, – прибавил он, заметив, что я струсил. – Если бы ты был сообщником этих негодяев, тебе, конечно, досталось бы очень сильно; теперь же другое дело: ты помогаешь мне поймать их, я обещаю защитить тебя. Даю тебе честное слово, что с этой минуты и до конца всего дела мы с сыновьями глаз с тебя не спустим.

Последние слова мистер Дженет произнес особенно выразительно, вероятно, желая дать мне понять, чтобы я не вздумал обмануть его.

– Еще одно слово: могу я довериться тебе?

Он положил мне руку на плечо и посмотрел мне прямо в глаза.

– Можете, сэр, – отвечал я. – Если вы говорите, что со мной не случится ничего дурного, что вы не дадите меня в обиду, так я исполню все, как вы велели.

– Ну, и прекрасно. Иди домой и не рассказывай никому, где ты был. Тебе, верно, придется пролезать через какое-нибудь маленькое окошечко, так ты не бойся, я буду стоять подле и ждать тебя. Там будет, наверно, темно, но ты меня узнаешь по тому, что я возьму тебя за волосы, вот так. Ну, теперь ступай.

Чарли заикнулся было, что готов помочь ему, но тот похлопал его по плечу и сказал:

– Спасибо, малый. Хоть я и старик, да руки-то у меня, пожалуй, посильнее твоих. Недаром всю жизнь работал на корабле! И сыновья у меня ничего. Не дадут отца в обиду.

После этого нам оставалось только отправиться домой.

Чарли быстро попрощался со мной и побежал на фабрику. Он взял с меня слово, что на другой день я зайду к ним опять в обед и расскажу, как обошлось все дело.

У меня не было в голове ни одной определенной мысли; я знал только одно: что в точности исполню приказание мистера Дженета, Я не думал, что подвергаю себя при этом какой-нибудь опасности.

Когда я вернулся в улицу Кэт, Джорджа Гапкинса не было дома, и мне отворила дверь жена его. Я думал, что она очень удивится, увидев меня, но она, напротив, пристально посмотрела на меня и затем весело вскричала.

– А, ты вернулся, Джим!

– Да, я останусь здесь, – отвечал я.

– Ну, и отлично, я очень рада, что ты останешься! – вскричала она.

– А вы же мне говорили, чтобы я ушел, – с удивлением заметил я.

– Ну да, ты ушел и опять пришел, я очень рада!

Через несколько минут она спросила меня, помню ли я то место, куда ее муж хочет идти сегодня ночью, Я назвал ей.

– Отлично, Джимми! – вскричала она, опять смеясь своим странным смехом. – Ты умный мальчик, умеешь и помнить секреты и хранить их! Славная штука, не правда ли? Ха, ха!

– Да, очень, – пролепетал я и в сильном волнении бросился наверх в свою спальню, Я так и не узнал, подозревала ли она, в чем дело.

В четыре часа она оделась и ушла куда-то, оставив меня одного дома. Около семи часов вернулся Джордж Гапкинс. Он сначала рассердился, не застав жены дома, потом повеселел. За чаем он шутил и разговаривал со мной самым добродушным образом. Мне было очень тяжело слушать его шутки. Лучше бы он злился и ворчал на меня, тогда у меня на сердце было бы легче. После чая он спросил:

– Знаешь ты Фульгет, Джим?

Я отвечал, что не знаю.

– Ну, все равно. Надень свои новые башмаки и иди пешком до банка, а там садись в фульгетский дилижанс; как доедешь до Фульгета, спроси, где мост, и поверни в третью улицу за мостом; там ты найдешь пивную; войди в нее и спроси, дома ли мистер Мезон. Отправляйся скорей.

Надев новые башмаки, я с радостью вышел из душной комнаты на свежий воздух и быстрыми шагами направился к банку.

В девять часов я дошел до улицы, указанной мне мистером Гапкинсом.

Мальчик, стоявший за прилавком пивной, сказал мне, что мистер Мезон ждет меня в своей комнате, и, войдя туда, я увидел Джорджа Гапкинса, Туинера и Джона Армитеджа, занятых игрою в карты.

– Я мистер Мезон, – сказал мне хозяин. – Посиди, подожди немного, Джимми.

Они продолжали играть и пить пиво. Хозяин распивочной несколько раз приходил к ним и заговаривал с ними как со старинными знакомыми. Наконец, в половине двенадцатого, когда совсем стемнело, мы вышли на улицу. Джордж шел со мной впереди, а двое других следовали за нами. Мы прошли таким образом с добрую милю. Дорогой мистер Гапкинс объяснил мне, что я должен был делать: мне нужно пролезть в маленькое окошечко, осторожно пробраться вдоль стены и затем отодвинуть задвижку, запиравшую дверь.

– Ты не бойся, – прибавил он. – Если бы дело было опасно, я не взял бы такого мальчика, как ты. Ты ведь можешь сделать все, что я тебе сказал?

– Могу, – отвечал я, дрожа как в лихорадке.

– Мы все устроим отлично, – сказал мистер Гапкинс. – Там нет даже собаки, а хозяин рано ложится спать.

Он, очевидно, не знал, что мистер Дженет был теперь не один.

Мы повернули в небольшой переулок и подошли к забору. Туинер и Джон Армитедж догнали нас, и мы все тихо, как кошки, перелезли через забор. После этого мы пошли по дорожке, усыпанной песком, и подошли к большому темному дому. Ни слова не было произнесено. Я заметил, что Джон Армитедж свинтил какие-то блестящие инструменты, влез на плечи к Туинеру и стал что-то делать в стене. Минуты через две что-то звякнуло, и он соскочил вниз.

– Сними башмаки, Джим, – шепнул мне Джордж.

Дрожа от страха, я снял башмаки. Джордж взял меня на руки, влез на спину к Туинеру и просунул мои ноги в какую-то дыру.

– Тут тесно, Джим, – прошептал он, – да ничего, ты пролезешь. Прижми крепче руки к бокам! Полезай бочком! Хорошо! Прыгай, не бойся, тут невысоко; не забудь, что я тебе говорил о двери и о задвижке.

Я делал все, что он мне приказывал, и при последних словах его прыгнул вниз. Здесь, к великому моему утешению, чья-то невидимая рука схватила меня за волосы, другая

невидимая рука зажала мне рот, меня тихонько втолкнули в какую-то комнату и заперли там.

Что было дальше, я не видел. Я слышал легкий скрип отворяемой задвижки, затем шум шагов, крики, громкий голос Джорджа Гапкинса, шум потасовки, топот ног и больше ничего.

План мистера Дженета вполне удался. Они хорошо проучили Джорджа Гапкинса и его товарищей. А на будущее время пригрозили и не так разделаться.

Когда меня выпустили из чулана, грабителей и след простыл.

Мистер Дженет пожал мне руку, сказал, что я молодец и что он охотно взял бы меня юнгой, если бы еще плавал на корабле.

Я переночевал у мистера Дженета. На другой день меня покормили сытным завтраком, еще раз поблагодарили, и к двенадцати часам я опять побежал на фабрику.

Рипстон и Чарли выскочили после звонка чуть не самые первые.

Они потащили меня на соседний пустырь и заставили подробно рассказать, как все произошло.

– Молодец! – вскричал Рипстон, когда я кончил.

И даже Чарли одобрительно похлопал меня по плечу.

По правде сказать, я совершенно не понимал, за что меня все хвалят. Я ведь страшно трусил все время, хоть и старался не показывать этого.

Но меня занимало другое. Я нерешительно посмотрел на Чарли и спросил:

– А что, могу я тоже стать рабочим?

– Отчего же! – отвечал тот. – Может быть, даже и сейчас у нас найдется место. Вчера как раз мистер Краус – это наш мастер – говорил, что с завтрашнего дня будут ломать одну старую печь и ставить на ее место новую. Так тут понадобятся еще мальчишки, чтоб вывозить мусор. Если хочешь, я порекомендую тебя.

Я был в полном восторге.

После обеда Чарли и Рипстон свели меня к мистеру Краусу, и он велел мне приходить на следующий день на работу.

С этих пор я уже перестал быть «маленьким оборвышем» и сделался маленьким рабочим.

Новая жизнь принесла мне много труда и лишений.

Но, как ни трудно мне порой приходилось, меня поддерживала мысль, что я теперь не одинок, как прежде, рядом со мной мои товарищи. Они поддержат меня в трудную минуту, и вместе с ними мы когда-нибудь добьемся лучшего будущего для всех больших и маленьких оборвышей, которые с самого раннего детства не знают ни ласки, ни радости.